

Национальный центр
правовой информации
Республики Беларусь

Кафедра ЮНЕСКО
по информационным
технологиям и праву

ISSN 1997-7328

Право.by

Научно-практический журнал

Читайте в номере:

- *Правовой режим объектов использования атомной энергии*
- *Правовое регулирование электронного документооборота в предпринимательской деятельности*
- *К вопросу о механизме прерывания в гражданском праве*
 - *Критерии оценки результативности применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия*

Право.by

3 (23) 2013

Научно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Издается с июня 2008 г.

С июня 2008 года журнал включен в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований (действующий перечень утвержден приказом Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 16 мая 2013 г. № 57).

Учредитель и издатель

***Национальный центр правовой информации
Республики Беларусь***

Главный редактор

Балашенко С.А.

Заместитель главного редактора

Гаев А.А.

Ответственный секретарь редакционной коллегии

Браусов А.М.

Редакционная коллегия

Абрамович А.М.

Батлер У.Э.

Бобцов А.В.

Василевич Г.А.

Гавриш А.Н.

Годунов В.Н.

Гущин И.В.

Каменков В.С.

Князев С.Н.

Курбацкий А.Н.

Морозов А.В.

Просяной А.А.

Радиванович Н.Н.

Сивец С.М.

Судиловская Н.В.

Шаршун В.А.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНО

- Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь..... 5

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- АДАМЮК О.И.* Военная судебная система Республики Беларусь: исторические предпосылки становления и развития 27
- САБЛИН И.В.* Деятельность военного духовенства на территории белорусских губерний в составе Российской империи (конец XVIII – середина XIX века) 33

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- БЕХИ КАМБИЗ.* Конституционный строй в Российской Федерации, Республике Беларусь и Украине: сравнительный анализ..... 39
- КИСЕЛЕВА Т.М.* Общая характеристика конституционных обязанностей государства и граждан в Республике Беларусь 45

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- КОСТРУБА А.В.* К вопросу о механизме правопрекращения в гражданском обществе 51
- САДКОВИЧ Е.И.* Ликвидация садоводческого товарищества..... 57

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- КОРОЛЕВА В.Б.* Правовое регулирование электронного документооборота в предпринимательской деятельности..... 63

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- ЮРАШЕВИЧ Н.М., ИЛЬИНА Е.В.* Семейно-правовые фикции, регламентирующие использование репродуктивных технологий в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан 69

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- МАТВИЙЧУК С.Б., ЮЦОВ И.А.* Правовой режим объектов использования атомной энергии 74

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- ЕРМОЛОВИЧ В.Ф., ТАЛАЛАЕВ В.А.* О правовом противодействии хищениям огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ..... 80

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- БУРЫЙ В.Е.* Реадаптация осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы: правовые пробелы и проблемы 85

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- МАКЕЕВА О.А.* Правовой статус свидетеля в уголовном процессе 89
- ШКАПЛЕРОВ Ю.П., ЮРКОВА И.В.* Основания применения мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса: вопросы законодательной и правоприменительной деятельности..... 95

КРИМИНАЛИСТИКА

- ДМИТРИЕВА Т.Ф.* Критерии оценки результативности применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия..... 100

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- КИБАК И.А.* Психологическая культура как основа повышения эффективности законотворческой деятельности..... 106

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- БАРЫШЕВ В.А.* Статус государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными лицами 110

ПРАВОВАЯ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

- ГАПАНОВИЧ Я.В.* Экомеханизмы информатизации: проблемы государственного регулирования..... 115

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- БОЖКО Ю.В.* Обязанность доказывания в налоговых спорах по законодательству Украины 122

- КОСОВИЧ В.М.* Закрепление юридических конструкций в законодательстве Украины: технико-технологические аспекты..... 126

- ОЧИЧЕНКО Е.Г.* Абсолютная и относительная невозможность исполнения обязательства 132

- ЧИСТОКЛЕТОВ Л.Г.* Проблемы административно-правового обеспечения безопасности деятельности хозяйствующих субъектов в Украине 137

ВОПРОСЫ ПЦПИ

- ЧУПРАКОВА И.А.* Проект «Академия правовой культуры» как методическое обеспечение деятельности публичной библиотеки по формированию правовой культуры подростков 142

РЕЦЕНЗИИ

- ГРУНТОВ И.О., МОРОЗ Д.Г., ШИДЛОВСКИЙ А.В.* Рецензия на учебное пособие под редакцией В.М.Трубникова, Я.А.Лантинова «Уголовное право Украины. Общая часть» 147

ПАМЯТКА АВТОРАМ..... 150

23 апреля 2013 г. ученым советом Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь одобрены Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь.

Рекомендации содержат не только положения, касающиеся совершенствования законодательства, но и общие теоретико-методологические положения, показывающие реально существующие и действующие взаимосвязи между функционированием правовой системы и политическими, экономическими, идеологическими, историческими и культурными особенностями белорусского общества и государства. Они отличаются обращенностью к тем ценностям, на которых выстраивается национальная правовая система в целом, поиском качественно новых теоретико-методологических оснований совершенствования права.

Рекомендации являются документом научно-методологического характера, подготовлены в целях методического руководства нормотворческой деятельностью, применения в нормотворческом процессе, идеологической работе, научной деятельности по правовому просвещению граждан и направлены для сведения заинтересованным государственным органам (организациям).

ОДОБРЕНО

Решение ученого совета
Национального центра законодательства
и правовых исследований
Республики Беларусь
23.04.2013 № 5

**РЕКОМЕНДАЦИИ
по теоретико-методологическим основам совершенствования
правовой системы Республики Беларусь**

**ГЛАВА 1
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

1. Развитие правовой системы Республики Беларусь последнее десятилетие основывается на Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 46, 1/3636). В целях реализации Концепции Указом Президента Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. № 450 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 92, 1/3962) была одобрена Программа подготовки проектов законов Республики Беларусь на 2003–2005 годы и перспективной кодификации законодательства Республики Беларусь. Эти важнейшие документы стратегического характера определили направления стабилизации законодательства, этапы его качественного обновления.

Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь способствовала созданию национальной практически применимой теории совершенствования законодательства, решению актуальных проблем функционирования правовой системы Республики Беларусь, совершенствованию законодательства в соответствии с принципами демократического социального правового государства, повышению эффективности правового регулирования общественных отношений.

В развитие положений Концепции сформировано качественно новое законодательство, существенно обновлен нормативный массив, созданы новые и претерпели качественное изменение существующие отрасли и институты законодательства, осуществлена систематизация законодательства, итогом которой стало принятие 26 кодексов. Проведены мероприятия по замене применявшихся на территории Республики Беларусь нормативных правовых актов СССР и БССР нормативными правовыми актами Республики Беларусь.

Государством также приняты иные меры, позволившие вывести нормотворческий процесс на качественно новый уровень, среди которых: ежегодное планирование законопроектной деятельности, проведение обязательной юридической и криминологической экспертиз проектов нормативных правовых актов, прогнозирование финансово-экономических и иных последствий принятия нормативных правовых актов, внедрение в нормотворческую деятель-

ность требования системности и комплексности правового регулирования общественных отношений, использование в нормотворческой практике прогрессивных информационных технологий, обеспечение реализации права граждан на получение полной, достоверной и своевременной правовой информации. Повышению уровня правовой культуры способствовало закрепление в законодательном акте единых технико-юридических требований к оформлению всех видов нормативных правовых актов.

2. Вместе с тем социально-экономические и политические изменения, произошедшие в мире за последнее десятилетие, диктуют необходимость выработки основных общетеоретических положений и стратегических направлений развития правовой системы Республики Беларусь на современном этапе, акцентирования внимания общественности на идеологических аспектах правовой политики, формирования адекватного происходящим в мире процессам правопонимания, внедрения новых методологических подходов к совершенствованию законодательства.

3. Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь (далее – Рекомендации) разработаны на основе Конституции Республики Беларусь, Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь, утвержденных Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 года (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 188, 2/1157), Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 276, 1/12080), и направлены на решение вопросов, имеющих основополагающее значение как для развития национальной правовой системы в целом, так и для эффективного функционирования системы национального законодательства, а именно:

оценка современного состояния национальной правовой системы в контексте фундаментальных изменений в мировой политике, экономике, в связи с процессами глобализации;

повышение эффективности правового регулирования общественных отношений в целях защиты прав и свобод личности, государственного суверенитета, национальных интересов и безопасности, обеспечения национальных интересов Республики Беларусь на международной арене при выработке и принятии международно-правовых актов;

формулирование базовых направлений совершенствования законодательства Республики Беларусь;

правотворческая и правоприменительная реализация общей стратегии развития белорусского права и государства;

определение направленных на поддержание, сохранение и трансляцию традиционных социокультурных ценностей общетеоретических положений о формировании и защите правосознания белорусских граждан.

4. Настоящие Рекомендации подготовлены в целях применения их в нормотворческом процессе, идеологической работе, научной деятельности и деятельности по правовому просвещению граждан.

ГЛАВА 2 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВА И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

5. Важными особенностями развития системы права и системы законодательства Республики Беларусь являются:

восприятие передовых научных конструкций современных правовых систем с учетом особенностей развития национальных правовых традиций;

выработка новых критериев формирования системы права в условиях глобализации мировой экономики в целях защиты национальных интересов Республики Беларусь;

формирование системы права с учетом приоритета общепризнанных принципов международного права, а также международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь, современных общемировых и региональных интеграционных процессов;

определение гармоничного сочетания императивного и диспозитивного типов правового регулирования в целях максимальной защиты национальных интересов Республики Беларусь;

оптимизация соотношения нормативных правовых актов Главы государства, Парламента, Правительства и республиканских органов государственного управления, местных Советов

депутатов, исполнительных и распорядительных органов в системе законодательства Республики Беларусь.

6. К положительным тенденциям развития законодательства Республики Беларусь относятся:

оперативное реагирование законодательства на изменяющиеся общественные потребности; стремление к системному и комплексному обновлению законодательства, наличие значительного количества кодексов;

планомерное и последовательное приведение законодательства в соответствие с международными договорными и иными обязательствами Республики Беларусь.

Отрицательными тенденциями, подлежащими устранению в процессе совершенствования законодательства Республики Беларусь, являются:

недостаточное прогнозирование последствий принятия (издания) нормативных правовых актов, влекущее внесение изменений в эти акты сразу после их принятия (издания);

нестабильность содержания кодексов и иных законов;

неприменение напрямую отдельных нормативных предписаний кодексов и иных законов без принятых (изданных) в их развитие иных нормативных правовых актов;

наличие значительного количества дублирующих актов, особенно на уровне актов местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов;

большое количество отсылочных и бланкетных норм;

регламентация на уровне отдельных законов малозначительных вопросов, которые могли найти разрешение в нормативных правовых актах иного уровня;

неоднозначность предписаний некоторых нормативных правовых актов;

недостаточная эффективность механизма реализации международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь.

ГЛАВА 3 ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

7. Развитие системы права и системы законодательства Республики Беларусь должно основываться на следующих принципах:

законности;

приоритета общепризнанных принципов международного права;

гуманизма;

защиты прав и свобод, а также законных интересов граждан, юридических лиц, государства и социальной справедливости;

гласности;

научности;

социально-экономической обусловленности;

системности и комплексности правового регулирования общественных отношений;

стабильности правового регулирования общественных отношений.

Принцип законности обеспечивается:

принятием (изданием) правового акта уполномоченным на то государственным органом (должностным лицом) в пределах его компетенции в порядке и по форме, установленных Конституцией Республики Беларусь и иными актами законодательства;

соответствием правового акта Конституции Республики Беларусь и правовым актам большей юридической силы;

согласованностью с положениями правовых актов той же юридической силы.

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства Республики Беларусь.

Принцип гуманизма выражается в признании неотъемлемых фундаментальных прав граждан на человеческое достоинство и свободное развитие личности, самоопределение, личную и общественную (солидарную) ответственность граждан за свое нравственное и материальное благополучие.

Принцип защиты прав и свобод, а также законных интересов граждан, юридических лиц, государства и социальной справедливости означает, что нормотворческие органы (должностные лица) при планировании, подготовке, принятии (издании) и реализации правовых актов

учитывают мнение населения республики и интересы его различных групп, политических партий, религиозных организаций и иных общественных объединений, обеспечивают надлежащий баланс в правовом регулировании их прав, свобод и обязанностей с учетом национальных традиций и социальных ценностей белорусского народа в целях социальной справедливости и достижения уровня устойчивого развития белорусского общества и государства.

Гласность в деятельности нормотворческих органов (должностных лиц) обеспечивается информированием граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц о деятельности нормотворческих органов (должностных лиц) и принимаемых (издаваемых) ими правовых актах, опубликованием правовых актов, обнародованием их иными способами.

Принцип научности обеспечивается:

применением результатов научных исследований в нормотворческой деятельности, проведением всестороннего научного анализа проектов правовых актов, привлечением к их разработке ученых;

научно обоснованным планированием подготовки проектов правовых актов;

прогнозированием финансово-экономических, социальных, экологических и иных последствий принятия (издания) правовых актов.

Социально-экономическая обусловленность правовых актов обеспечивается их соответствием реальным социально-экономическим потребностям общества.

Принцип системности и комплексности правового регулирования общественных отношений обеспечивается:

целостной и согласованной совокупностью правовых актов, отсутствием пробелов в законодательстве, исключающих или затрудняющих должную реализацию принимаемых (издаваемых) правовых актов;

устранением несоответствий между правовыми актами;

подготовкой и принятием (изданием) пакета правовых актов, направленных на системное и комплексное регулирование определенной сферы общественных отношений, обеспечивающих реализацию нового правового акта, в том числе предусматривающих изменение, признание утратившими силу взаимосвязанных норм, содержащихся в различных правовых актах;

накоплением, обобщением предложений о внесении изменений в правовой акт и их систематизацией в одном комплексном проекте правового акта для последующего его внесения в нормотворческий орган (должностному лицу);

принятием нормотворческими органами (должностными лицами), иными субъектами нормотворческой деятельности мер по объединению положений проектов правовых актов, находящихся на одинаковых стадиях подготовки, которыми предусматривается изменение, признание утратившими силу одних и тех же правовых актов (их структурных элементов).

Принцип стабильности правового регулирования общественных отношений выражается в принятии нормотворческими органами (должностными лицами), иными субъектами нормотворческой деятельности мер, направленных на обеспечение надлежащего качества правовых актов, полноты и эффективности правового регулирования общественных отношений, а также на ограничение частых корректировок правовых актов, не оказывающих существенного влияния на практику правоприменения.

8. Законодательство Республики Беларусь как правовая основа для построения демократического правового социального государства должно быть достаточным для обеспечения национальных интересов Республики Беларусь, эффективного регулирования всего комплекса общественных отношений и соответствовать реальным социально-экономическим потребностям общества.

Одним из важнейших условий нормального функционирования правовой системы и жизнедеятельности общества является достижение устойчивого и гармоничного развития законодательства. Гармоничное развитие законодательства обеспечивается достижением баланса между стабильностью и динамичностью законодательства.

На современном этапе развития законодательства Республики Беларусь и нормотворческой деятельности наиболее актуальными задачами также являются:

обеспечение оперативного изменения законодательства в той или иной сфере в случае изменения социально-экономической ситуации в стране и в мире при надлежащем качестве правовых актов;

оптимизация нормотворческой деятельности путем максимального упрощения требований к подготовке проектов правовых актов;

принятие комплекса мер по повышению уровня взаимодействия и взаимного сотрудничества субъектов нормотворческой деятельности при совместной работе над проектами правовых актов;

создание действенной системы подбора, ротации и повышения квалификации кадров нормотворческих органов;

внедрение и использование механизмов публичного обсуждения и общественной экспертизы проектов правовых актов;

прогнозирование последствий принятия (издания) правовых актов;

проведение правового мониторинга;

внедрение в нормотворческую деятельность института обязательной лингвистической экспертизы проектов правовых актов с его системным законодательным закреплением.

ГЛАВА 4 ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

9. Современный мир характеризуется нарастанием различного рода угроз и вызовов, в условиях которых должна развиваться и выполнять свои функции Республика Беларусь. Многие вызовы, с которыми сталкиваются современные государства, являются мало прогнозируемыми с их позиций и во многом направлены на подчинение конкретного государства формирующимся и существующим центрам силы.

Так, процессы глобализации приводят к тому, что ряд формально независимых государств утрачивают качество суверенитета, попадая в различного рода зависимость от иных государств, межгосударственных объединений, транснациональных корпораций. Утрата суверенности порождает феномен «несостоявшегося государства», то есть государства, которое не в силах выполнять свои функции и социальные обязательства перед народом.

10. Современность характеризуется также глобальным ценностным конфликтом, выражающимся в противостоянии ценностей, сложившихся в условиях западной цивилизации, и традиционных ценностей, которые имеют достаточно определенные установки по многим вопросам социального общежития (брак, семья, любовь к родине, религия и т.д.).

Поэтому государство в рамках собственных ценностно-идеологических приоритетов национального правового развития и правовой политики должно принимать меры по преодолению вызовов современности. Успешная реализация государственных функций зависит от способности государства самостоятельно, в своих интересах и в пределах имеющихся ресурсов осуществлять стратегическое и перспективное целеполагание и реализовывать данные цели в собственных интересах, закрепляя их в законодательстве.

11. Посредством права государство создает наиболее приемлемую и отвечающую ценностно-идеологическим приоритетам национального правового развития систему регулирования общественных отношений, достигает поставленных целей.

Однако современный уровень развития изменяет отношения государства и общества. С одной стороны, качественно изменяется мобильность населения, формируется слой граждан, не связанных с конкретным государством и ценностной ориентацией, которые заинтересованы в максимальном упрощении передвижения, минимизации налогов, минимальном воздействии любых публичных институтов на собственную жизнь, предоставлении всем равных возможностей для обращения к международным правозащитным механизмам.

С другой стороны, трансформация традиционного уклада жизни, индустриальная экономика и массовое перемещение населения в города налагает на государство повышенные обязанности по поддержанию надлежащего качества жизни населения, в первую очередь, по созданию необходимой инфраструктуры и выполнению иных социальных функций. В таких условиях современные государство и общество следует характеризовать как находящиеся в состоянии трансформации, что требует равноуровневого планирования и прогнозирования, в том числе и при развитии законодательства.

12. Нормотворческая деятельность является одной из важнейших форм государственной деятельности, составной частью иных государственных функций.

Законодательство выражается в нормах различной природы, имеющих собственное рациональное обоснование и сферу использования, взаимно воздействующих и обуславливающих друг друга. Под законодательством, в частности, понимают:

нормы, закрепляющие правовой статус личности, которые в настоящее время закреплены на уровне Международного билля о правах человека (Всеобщая декларация прав человека,

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах и два факультативных протокола к нему). В Республике Беларусь данные нормы в основном закреплены на уровне конституционного законодательства. В сфере прав человека и гражданина зачастую осуществляется неоправданное давление и вмешательство во внутренние дела суверенных государств, имеющих иные, западные системы социальных ценностей, в том числе путем различного рода докладов о состоянии прав человека;

нормы, устанавливающие наиболее справедливые отношения между формально равными субъектами. В Республике Беларусь данные нормы в основном закреплены на уровне гражданского законодательства, отдельных норм международного частного права. К ним могут быть отнесены также процессуальные, процедурные нормы;

нормы, закрепляющие баланс интересов различных субъектов. В Республике Беларусь данные нормы выражены практически во всех отраслях законодательства. Например, законодательство о труде обеспечивает баланс интересов нанимателей и работников. Также право как баланс интересов различных государств выражается в международном праве. Государство может создавать, стимулировать либо ограничивать определенные социальные интересы, изменять содержание прав и обязанностей при изменении общественных отношений. Важной составляющей законодательства в современном контексте является обеспечение конкурентоспособности национальной экономики, в том числе через стимулирование новых видов экономической деятельности, способных к созданию продукции с высокой добавленной стоимостью;

нормы публичного права, реализующие модель социального управления и распределение публичных прав и обязанностей, обеспечивающие управленческое решение;

стандарты осуществления экономической деятельности. Данные нормы, их постоянный пересмотр призваны стимулировать конкурентоспособность национальной экономики.

Каждое из приведенных пониманий может иметь собственное основание и специфическую природу, собственный баланс таких категорий, как «справедливость», «свобода», «равенство», «интерес». При этом государство должно соотносить вышеназванные представления с собственной политикой.

13. Национальное право также в настоящее время испытывает влияние глобализационных процессов. Происходит сближение различных правовых систем, а ряд правовых институтов и норм приобретают наднациональный характер. Осуществляется сближение моделей публичного управления и правосудия. Данный процесс может иметь как позитивный, так и негативный характер.

Так, под воздействием Всемирной декларации прав человека содержание многих конституционно-правовых институтов испытывает влияние международных стандартов, зачастую как стимулирующих позитивное развитие права (расширение объема прав и свобод человека), так и выступающих в качестве средства политического давления.

Одновременно складываются наднациональные правовые системы, ограничивающие суверенитет государства. При этом важно понимать, что вхождение в межгосударственное объединение с наднациональными полномочиями, как правило, всегда происходит на условиях более сильных государств.

14. Концепция прав человека, зачастую позиционируемая как совокупность универсальных правил поведения, сформировалась в рамках определенного культурно-исторического типа и отражает те социальные ценности, которые сложились в его среде. При этом механический перенос этих ценностей на другую среду зачастую не влечет должного позитивного эффекта, выступая средством разрушения государства, снижения его субъектности.

Современное прочтение концепции прав человека свидетельствует об ее крайне индивидуалистической направленности. При этом концепция прав человека имеет определенные стадии реализации, поэтому требование от государств соответствия стандартам ведущих государств следует рассматривать как процесс перехвата стратегической инициативы и уменьшения субъектности.

Право призвано отражать подвижный баланс социальной справедливости, заключающийся в оптимальном на данный исторический момент соотношении индивидуальных и общественных интересов, прав и обязанностей с учетом национальных традиций и социальных ценностей белорусского народа.

Законодательство Республики Беларусь как часть национальной правовой системы предназначено для защиты прав и свобод человека, обеспечения социальной справедливости, реализации управленческих решений и создания условий для прогрессивного развития белорусского государства и общества.

ГЛАВА 5 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

15. Развитие национального законодательства необходимо осуществлять на основе ценностно-мировоззренческого, историко-цивилизационного и инструментального подходов, которые могут использоваться как отдельно, так и в комплексе.

16. Любое законодательство отражает определенные модели поведения, сложившиеся между отдельными субъектами. При этом государство закрепляет в законодательстве морально-нравственные нормы.

Качество правового регулирования напрямую зависит от того, будут ли субъекты правоотношений добровольно исполнять предлагаемые правила поведения, не будет ли существовать конфликт между моделью правомерного поведения, легализованной законодательством, и морально-нравственными ограничениями. Признавая правомерным морально уязвимое поведение, государство рискует потерять доверие лиц, для которых выполнение нормативных предписаний является в первую очередь моральным долгом, но не требованием закона.

Легализация морально уязвимого поведения снижает авторитет законодательства. В Республике Беларусь не должны приниматься нормативные правовые акты, противоречащие традиционным для белорусского народа морально-нравственным ценностям.

17. Для национального нормотворчества важно признание и защита материальных и духовных ценностей, укорененных в национальной культуре. Каждое государство имеет собственный исторический опыт, обуславливающий те или иные правовые традиции, систему законодательства в целом, сформированное государственное устройство.

В этой связи требуется целенаправленное противостояние предложениям изменить сложившиеся устои, в частности, реформировать национальные структуры власти на основании их несоответствия западной системе ценностей.

Одновременно это не означает запрет на преобразования в сфере публичной власти и управления. Важно то, что любой государственный аппарат является исторически сложившимся, отражающим существовавший баланс и расстановку политических сил на момент его создания (реформирования), он создавался для решения конкретных уникальных общественно-политических задач, в то время как западная модель публичного устройства отражает иной исторический опыт.

Реформирование государственного аппарата должно осуществляться не по мотивам несоответствия западной системе ценностей, а в целях большей защиты прав и свобод человека, интересов личности, социума и государства, повышения эффективности государственного управления с учетом конкретных историко-политических условий в конкретном государстве.

Важным для Беларуси является повышение эффективности государственной власти, в том числе за счет изменения соотношения управления и самоуправления, централизации и децентрализации. Существуют такие сферы публичной власти, в которых власть должна быть централизованной и императивной, закрытой (например, национальная безопасность). Любое снижение названных качеств будет свидетельствовать о низкой эффективности власти и потере государством субъектности. В других сферах власть может быть децентрализованной. В этих случаях усиление императивности также будет свидетельствовать о неэффективности власти.

18. Применение инструментального подхода позволяет акцентировать внимание на эффективности законодательства как средства регулирования общественных отношений, применимости в конкретных историко-политических условиях, направленности норм права на перспективу. Законодательство с указанных позиций создается и применяется государством для достижения социально полезных целей, и задача государства – использовать законодательство как социальный регулятор и повышать его эффективность в достижении намеченных целей.

В Республике Беларусь на современном этапе применяются различные инструменты совершенствования законодательства. Выбор того или иного из них определяется целями, которые стоят перед нормотворческими органами (должностными лицами). При этом инструмен-

ты избираются исходя из представлений о максимальной их эффективности, то есть возможности при помощи них достичь поставленной цели при минимальных затратах, наименьшем конфликте интересов и в оптимальные сроки.

Инструментальный подход может с максимальной эффективностью использоваться в ходе совершенствования национального законодательства с точки зрения соблюдения формальных требований к нормативному массиву, к которым относятся системность, непротиворечивость, соблюдение иерархии нормативных правовых актов и компетенции нормотворческих органов (должностных лиц), оптимальное соотношение стабильности и динамичности законодательства.

В то же время заострение внимания исключительно на формальных признаках нормативных правовых актов может привести к значительным недостаткам в наполняемости норм права конкретным содержанием. Поэтому применение инструментального подхода совершенствования законодательства ни в коем случае не исключает оценки норм права с точки зрения ценностно-мировоззренческого подхода.

19. Основой нормотворческого процесса является планирование. Современное планирование является сложным и многофакторным, требующим постоянного учета и пересмотра целей, задач и этапов. При этом необходимо обеспечить согласованность планов между собой.

Планирование должно соответствовать требованиям полноты, непрерывности и гибкости. Планирование может быть стратегическим, рассчитанным на долгосрочную перспективу и в то же время достаточно мобильным.

Долгосрочное планирование осуществляется на основе программ совершенствования законодательства в определенной сфере общественных отношений (отрасли или института законодательства), к разработке которых привлекаются специалисты различных государственных органов, ученые и, по возможности, представители общественности. При таком планировании первоначально составляется концепция развития определенной сферы общественных отношений (отрасли или института законодательства) с учетом анализа развития схожих сфер (институтов или отраслей) в законодательстве иностранных государств и международно-правового регулирования соответствующих вопросов.

Долгосрочное планирование первоначально должно носить научный характер и выражаться, например, в формах научных обзоров, подготавливаемых научными работниками. Целесообразно готовить несколько обзоров, представляющих собой видение различных государственных органов и иных организаций. Также следует проводить научные мероприятия по обсуждению обзоров с привлечением специалистов заинтересованных государственных органов и иных организаций, в таком случае потенциальные разработчики будут заранее знакомиться с существующими научными подходами в данной сфере, проверяя выводы ученых на практике.

Планирование является первой стадией нормотворческого процесса в Республике Беларусь. Однако на практике планирование сводится к разработке ежегодных планов подготовки законопроектов. Планирование подготовки иных нормативных правовых актов не проводится на должном уровне.

В целях повышения эффективности ежегодного планирования подготовки проектов нормативных правовых актов необходимо использовать результаты научных исследований и правового мониторинга.

20. Эффективность законодательства зависит от прогноза развития нормативного массива в дальнейшем. Так, строительство АЭС в Республике Беларусь объективно влечет создание качественно нового законодательства, появление новых норм права в традиционных отраслях и институтах законодательства.

Поэтому необходим прогноз развития законодательства, учет его потенциального деления на новые институты и отрасли, применение новых инструментов, позволяющих гибко планировать развитие законодательства. Одним из таких инструментов может стать Прогнозный классификатор законодательства, позволяющий на уровне плана и прогноза составлять схемы будущих нормотворческих работ с указанием потенциально новой структуры нормативного массива.

Такие инструменты, как правовой мониторинг, проведение аналитических и научных исследований, создание концепций законов, предполагают глубокое изучение сложившейся ситуации, что в конечном итоге позволяет привести нормативный массив в полное соответствие тем общественным отношениям, которые он регулирует.

Проведение правового мониторинга обеспечивает получение необходимой информации для комплексного анализа состояния системы законодательства, оценки эффективности правового регулирования общественных отношений, выработки на основании его результатов предложений по совершенствованию законодательства.

Правовой мониторинг позволяет оптимизировать процесс совершенствования законодательства, обеспечить более высокую результативность аналитических и научных исследований, максимально полно использовать данные социологических исследований.

21. Процесс совершенствования законодательства не может не подчиняться достижению его доступности. Если нет этого качества у законодательства, то любой нормативный правовой акт не может быть никем понят, его применение невозможно. Законодательство должно быть доступным как для лиц, имеющих специальные знания в области права, так и для других граждан.

Широкое понимание доступности законодательства включает помимо ясности, простоты языка нормативного правового акта гласность нормотворческой деятельности, систематизацию законодательства, официальное толкование нормативных правовых актов, разъяснение их содержания.

22. Наиболее общими формами реализации нормотворческой деятельности являются принятие новых нормативных правовых актов и осуществление систематизации ранее принятого нормативного массива. На различных этапах развития законодательства преобладает какая-либо одна из названных форм. При этом данные тенденции проявляются как в рамках отдельной отрасли (института), так и в системе законодательства в целом.

В различных отраслях права могут одновременно реализовываться различные формы.

Нормотворчество как принятие новых нормативных правовых актов обычно необходимо при разработке новых моделей правового регулирования.

Способом преодоления временного разрыва между принятием нового нормативного правового акта и развивающихся его правовых актов является одновременное или сближенное во времени принятие комплекса правовых актов.

23. Систематизация законодательства осуществляется при сформированном нормативном массиве. Систематизация используется для усиления системных связей в уже действующем нормативном массиве. Такая форма должна реализовываться на плановой основе. В ходе ее осуществляется пересмотр норм права, выявление общих принципов, устранение внутренних противоречий.

Систематизация законодательства как особый инструмент повышения качества законодательства позволяет усовершенствовать как формальную сторону системы нормативных правовых актов, так и ее содержательный аспект. При этом применение различных форм систематизации зависит от тех целей, которые ставятся перед ее субъектами. К ним относятся упорядочение и приведение в единую стройную систему нормативных правовых актов, выявление и устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании, а также множественности нормативных правовых актов.

Цели систематизации могут быть достигнуты не только посредством кодификации, но и в результате использования иных форм упорядочения системы законодательства: проведения ревизии актов в определенной отрасли законодательства для расчистки от устаревших и дублирующих друг друга норм права.

Процессу кодификации должно предшествовать проведение правового мониторинга в целях оценки возможности систематизации актов определенной отрасли.

24. Частое внесение изменений в кодексы свидетельствует о том, что в Республике Беларусь существует расхождение между теоретическим (научным) и практическим подходами к кодексам. Научный подход исходит из положения о том, что кодекс — это акт, обеспечивающий полное системное регулирование общественных отношений в определенной сфере, в связи с этим кодекс должен отвечать, в первую очередь, требованию стабильности.

На практике требование динамичности регулирования общественных отношений соблюдается в ущерб стабильности кодексов, что приводит к нестабильности всего нормативного массива и увеличению его объема.

Вместе с тем нестабильность содержания кодексов в ряде случаев обусловлена динамикой развития общественных отношений и необходимостью актуализации нормативного массива. Однако частое внесение изменений в кодексы в определенных случаях свидетельствует о том, что при их подготовке не был проведен необходимый анализ состояния и тенденций развития

общественных отношений, относящихся к предмету правового регулирования кодексов, а также было неудовлетворительным прогнозирование последствий их принятия.

В этой связи необходимо обеспечить баланс между данными подходами, их гармоничное сочетание в соответствии с потребностями белорусского государства и общества на современном этапе.

Исходя из определенных негативных результатов деятельности по систематизации законодательства в Республике Беларусь, необходимо комплексно использовать такие инструменты, как планирование нормотворческой деятельности, прогнозирование развития законодательства и последствий его изменения.

25. Чрезмерный объем современного нормативного массива требует принятия мер, первоначально направленных на его сокращение, упрощение и усиление системных свойств.

Так, на процессы нормотворчества оказывает влияние повсеместное внедрение информационных телекоммуникационных технологий. Практически вся правовая информация формируется, актуализируется и распространяется посредством автоматизированных систем. Электронная форма ее выражения будет иметь приоритетное значение и в перспективе.

Это закономерно предопределяет совершенно новые подходы к совершенствованию законодательства, в том числе его систематизации. Существующие традиционные способы систематизации будут сопряжены с различными способами упорядочения правовых актов в электронном виде в процессе создания баз и банков данных различной степени общности, глубины согласованности нормативных предписаний и тематической дифференциации их содержательной направленности. Преобладающей станет «электронная» систематизация, что позволит в перспективе сформировать единое информационно-правовое пространство, обеспечить создание консолидированных информационно-правовых ресурсов, содержащих актуальную, полную и достоверную информацию.

26. Любая деятельность, в том числе нормотворческая, имеет свои объективные ограничения. К объективным ограничениям относятся временной, кадровый и научный ресурсы.

Временной ресурс предполагает изначальную ограниченность времени разработчиков проекта нормативного правового акта. Чрезмерная нагрузка на работников нормотворческих органов приводит к снижению качества проектов нормативных правовых актов, недостаточной проработке вопросов, подлежащих регулированию этими актами.

Временное ограничение может быть частично преодолено при формировании рабочих групп, состоящих из представителей различных государственных органов и иных организаций, которые будут разрабатывать «пакет» проектов нормативных правовых актов.

Сложность изложения нормативных правовых актов, отсутствие должной системности, противоречивость и фрагментарность нормативного массива увеличивают время, необходимое для ознакомления и уяснения содержания норм права, реализации нормативных правовых актов, усиливают вероятность совершения правонарушений, способствуют юридическим конфликтам.

Кадровый ресурс предполагает профессионализм разработчиков проекта нормативного правового акта, наличие необходимого опыта и системного видения проблем, знание законодательства и международных обязательств Республики Беларусь, законодательства иностранных государств в определенной сфере, способность при разработке проекта нормативного правового акта учитывать не только ведомственные интересы, но и мнение всех заинтересованных государственных органов и иных организаций, а также граждан.

Законодатель, формируя нормативный массив, создает новые предметные сферы. При этом законодательство нередко создается ситуационно, как прямая реакция на потребность в правовом регулировании, без адекватного и опережающего научного обеспечения. В этом случае возникает феномен наличия законодательного массива при отсутствии научных исследований о его месте в системе законодательства.

Научный ресурс предполагает проведение предварительных научных исследований по теме проекта нормативного правового акта, для того чтобы ко времени его создания в стране уже были соответствующие исследования.

Перенос исследований, проводимых в других странах, на национальную почву может не принести исследованного результата.

При разработке новых проектов нормативных правовых актов следует выявлять проблемы, которые затрудняют решение государственных задач. Выявление данных проблем и формулирование предложений по их ситуационному решению позволит вести общетеоретиче-

ские исследования, разрабатывать предложения по совершенствованию методологии нормотворчества, обеспечивать осмысление проблем в рамках теории права.

Научный ресурс предполагает публичность нормотворческого процесса. К разработке проектов нормативных правовых актов целесообразно привлекать ученых, а также специалистов в общей теории права и смежных отраслях, включать в рабочие группы по подготовке проектов нормативных правовых актов магистрантов и аспирантов, формулировать проблемы, которые необходимо рассмотреть с их участием.

Разработка любого проекта нормативного правового акта должна начинаться с анализа общественных отношений, при этом анализ целесообразно проводить несколькими независимыми структурами, в том числе путем привлечения структур гражданского общества, заинтересованных в конкретном правовом регулировании. В ряде случаев необходимо организовывать широкие общественные дискуссии, в ходе которых будут изучаться социальные потребности и выявляться наиболее сложные проблемы, подлежащие правовому регулированию.

ГЛАВА 6

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С УЧЕТОМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ И ИНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, А ТАКЖЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

27. Дальнейшее совершенствование на законодательном уровне механизма реализации международно-правовых актов Республики Беларусь должно стать основой для применения общепризнанных принципов и норм международного права, исполнения международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь.

В первую очередь, следует продолжить работу по совершенствованию механизма формирования и исполнения международных обязательств Республики Беларусь, вытекающих из международных договоров. В частности, необходимо выработать единые подходы по вопросам определения места международных договоров Республики Беларусь в правовой системе Республики Беларусь и порядка разрешения коллизий между их нормами и предписаниями национальных нормативных правовых актов.

28. При формировании международных договорных обязательств Республики Беларусь уделять особое внимание повышению качества таких обязательств, защите и продвижению интересов Республики Беларусь, повышению эффективности международного сотрудничества, осуществляемого на основе международных договоров, достижению конкретных практических результатов или политических преимуществ от оформления участия Республики Беларусь в соответствующих международных договорах.

29. Сотрудничество Республики Беларусь с международными организациями, межгосударственными образованиями, интеграция с иностранными государствами предполагают, что при совершенствовании национального законодательства необходимо учитывать общемировые и региональные интеграционные процессы, включая процессы мировой экономической интеграции, требования по сближению (унификации, гармонизации) законодательства Республики Беларусь с законодательством иностранных государств, приведению его в соответствие с международными стандартами. При этом сближение законодательства должно производиться на основе принципов и норм международного права при условии обеспечения национальных интересов Республики Беларусь.

Сближение (унификация, гармонизация) законодательства Республики Беларусь с законодательством иностранных государств, приведение его в соответствие с международными стандартами должны носить характер скоординированного, научно обоснованного и взаимобогащающего развития, а не механического заимствования и использования правовых норм иностранных государств и воспроизведения предписаний международно-правовых актов.

Процесс унификации и гармонизации должен осуществляться синхронно, с учетом интересов всех государств – участников соответствующих международных организаций и межгосударственных образований и не может носить односторонний характер.

30. Эффективность деятельности по совершенствованию законодательства с учетом международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь, а также законодательства иностранных государств напрямую зависит от наличия специалистов, обладающих профильными знаниями в области международного права, сравнительного правоведения и в достаточной степени ориентирующихся в законодательстве иностранных государств и основных общемировых тенденциях правотворчества в определенных сферах общественных отношений.

В этой связи необходимо взаимодействие научных организаций и учреждений образования, осуществляющих подготовку специалистов в области международного права и сравнительного правоведения, с нормотворческими органами, иными государственными органами и организациями, реализующими правовую политику государства.

ГЛАВА 7 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

31. За годы, прошедшие после приобретения Республикой Беларусь независимости, наблюдалось активное развитие конституционного законодательства. Конституционное законодательство является стержнем всей правовой системы нашей республики, составляет ее фундамент и обеспечивает согласованность всех отраслей законодательства. На сегодняшний день сформировались основные институты конституционного законодательства, многие из которых уже получили достаточную регламентацию. В то же время в отношении отдельных институтов конституционного законодательства требуется принятие мер по их дополнительной регламентации и совершенствованию.

При этом основной, доминирующей тенденцией развития конституционного законодательства должно стать обеспечение реализации в законодательстве конституционных требований о том, что человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью и целью общества и государства. Данная конституционная норма должна «пронизывать» законодательство, создавая необходимые предпосылки для ее полного воплощения в повседневной жизни.

32. В сфере законодательства о правах и свободах граждан необходимо дальнейшее развитие конституционного права каждого на обращение в государственные органы, а также института административных процедур. В частности, требуется максимальное сокращение «излишних» административных процедур, согласованность института административных процедур со смежными институтами, разработка и принятие регламентов осуществления сложных и многоступенчатых административных процедур.

Следует продолжать работу по обеспечению полной реализации конституционного права граждан на информирование о деятельности государственных органов, в том числе закрепление исчерпывающего перечня обстоятельств, позволяющих государственному органу отказывать в предоставлении истребуемой информации.

Важной задачей, стоящей перед законодателем на современном этапе, является создание условий для обеспечения реализации конституционных прав и свобод в новых условиях интенсивного развития информационных технологий. Речь идет о дальнейшем уточнении порядка направления и рассмотрения электронных обращений, расширении возможностей для осуществления административных процедур в электронном виде.

Однако наряду с положительными достижениями информационные технологии создают также и дополнительные угрозы для нарушения конституционных прав и свобод граждан.

В частности, негативными последствиями развития информационных технологий стали многочисленные случаи несанкционированного использования персональных данных граждан, в том числе в противоправных целях. В этой связи весьма актуальным становится вопрос о выработке адекватного правового механизма защиты персональных данных с закреплением соответствующих мер ответственности к лицам, не соблюдающим установленные правила.

33. Рост нормативного массива, постоянное повышение требований к деятельности государственных органов порождают увеличение количества споров, возникающих между гражданами и государственными органами. При этом традиционные схемы рассмотрения таких жалоб вышестоящими государственными органами (организациями) уже не позволяют в полной мере исключить недовольство граждан, что вынуждает искать альтернативные способы защиты прав и свобод граждан в сфере публично-правовых отношений.

34. Нуждается в дальнейшем развитии и законодательство об органах исполнительной власти, особенно с учетом новых задач, которые стоят перед государством на современном этапе. Необходимо акцентировать внимание на определении оптимального количества центральных органов управления, прежде всего республиканских органов государственного управления, проведении анализа управленческой деятельности в целях устранения дублирующих или избыточных функций государственных органов, постепенном переходе от верти-

кальной системы министерств, осуществляющих административное руководство отдельными сферами, при которой отсутствует необходимость постоянного взаимодействия с другими министерствами, к гибкой системе тесно взаимосвязанных государственных органов, вырабатывающих государственную политику.

Кроме того, важным представляется обеспечение разделения функций по выработке государственной политики и оказанию услуг. Анализ зарубежного опыта показывает, что подобная практика является весьма эффективным способом как улучшения работы самих государственных органов, так и повышения качества оказываемых населению услуг.

35. В целях дальнейшего совершенствования правовой основы прохождения государственной службы с учетом развития общественных отношений в сфере законодательства о государственной службе представляется необходимым более четко определить:

сферу государственной службы, а также порядок регулирования отдельных разновидностей государственной службы;

прозрачный и понятный механизм зачета в стаж государственной службы иных периодов деятельности, не связанных с ее прохождением;

систему социальных и материальных гарантий, призванных обеспечить привлекательность государственной службы, предотвратить «перетекания» наиболее квалифицированных кадров в частный сектор экономики.

36. В сфере законодательства о местном управлении и самоуправлении необходимо продолжить работу, направленную на повышение роли органов местного управления и самоуправления в обществе, дальнейшее расширение полномочий местных органов в решении вопросов местного значения.

Однако, предоставляя самостоятельность органам местного управления и самоуправления, важно одновременно определять источники финансирования, необходимые для выполнения соответствующего объема полномочий.

При закреплении в нормативных правовых актах новых функций местных органов правильным является указание, на органы местного управления и самоуправления какого территориального уровня возлагаются эти функции, за счет каких средств будет финансироваться их реализация.

ГЛАВА 8

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

37. Республика Беларусь является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни граждан.

Основной целью социальной политики государства является интегрирование человека в социальную среду, под которой понимаются и политическая, и экономическая, и духовная составляющие общества.

При этом чрезвычайно важным является закрепление на уровне программных актов положений о социальной функции частной собственности, социальной справедливости, социальном партнерстве, социальной ответственности. В конечном итоге это будет способствовать формированию национальной доктрины социального государства и разработке такой его правовой модели, которая будет полностью соответствовать Конституции Республики Беларусь с учетом экономических возможностей государства.

Отсутствие национальной доктрины социального государства в настоящее время привело к тому, что при реализации международных стандартов в области социальных прав граждан в национальном законодательстве правопонимание и правоприменение этой важнейшей группы прав человека по-прежнему заключается в социальной обязанности государства по обеспечению своих граждан набором материальных благ и преференций. Данное положение в конечном итоге может привести к перерастанию социального государства в государство, в котором превалирует иждивенчество, отсутствует личная инициатива, ответственность человека за собственное благополучие.

В этой связи актуальным является вопрос о преломлении общественного сознания в части восприятия конституционно-правовых обязательств государства по социальной защите и социальному обеспечению нуждающихся в этом граждан как данности, закреплённой на самом высоком нормативном уровне, к осознанию своей активной роли в достижении соответствующего

щего уровня материально-бытового благополучия как в отношении себя, так и в отношении своей семьи.

Параллельно формированию общественного сознания в части понимания активной роли каждого совершеннолетнего трудоспособного члена общества в реализации своей социальной функции государство должно проводить политику, направленную на создание соответствующих условий самореализации граждан. Речь идет, прежде всего, об административных, экономических, налоговых и иных государственных инструментах, стимулирующих активное поведение граждан в сфере собственного жизнеобеспечения. Государство должно способствовать реализации гражданами своего потенциала и прийти на помощь лишь к тем из них, кто по независящим от них обстоятельствам не в состоянии сделать это самостоятельно. В этом заключается алгоритм социального партнерства государства и гражданина, защищающий общество от социального иждивенчества.

38. В настоящее время в социальной политике приоритетными направлениями являются развитие сферы здравоохранения, образования, социальной защиты и социального обеспечения, жилищной сферы. Эти сферы в первую очередь определяют качество жизни людей и социальное самочувствие общества. Общая направленность государственной политики на решение важнейших проблем социальной жизни общества (обеспечение достойного уровня жизни, улучшение благосостояния населения, охрана здоровья и т.д.) носит конституционно-правовой характер и ставит задачу по разработке новой модели социальной политики и, соответственно, разработке современного социального законодательства.

39. Совершенствование законодательства о труде должно быть направлено на расширение возможностей нанимателя и работника самостоятельно на договорном уровне регулировать возникающие между ними отношения. В этой связи в регулировании отношений между нанимателем и работниками особое значение следует придавать трудовому договору, в особенности при регулировании вопросов оплаты труда, режима рабочего времени и отдыха, предоставления гарантий и компенсаций.

Широкий спектр гарантий и компенсаций для таких социально уязвимых категорий граждан, как инвалиды, несовершеннолетние и женщины, способствует дискриминации, проявляющейся в незаинтересованности нанимателей в приеме их на работу. Нормы законодательства о труде должны стимулировать нанимателей вовлекать социально уязвимые категории граждан в трудовую деятельность.

Совершенствование законодательства о труде с учетом инновационной экономики должно быть направлено на принятие положений, регламентирующих трудовые отношения в условиях применения новых видов занятости: заемного труда, дистанционной работы, гибких форм занятости.

Законодательство о труде нуждается в дальнейшем совершенствовании в части правового регулирования труда женщин и работников, имеющих семейные обязанности, защиты трудовых прав и интересов несовершеннолетних.

Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников обусловлены существенными различиями в условиях конкретных видов трудовой деятельности, которые нельзя не учитывать в целях обеспечения безопасности условий труда, а также равной оплаты за труд равной ценности. Вопросы правового регулирования труда работников в отдельных отраслях экономики не нашли должного отражения в теории трудового права и законодательстве о труде.

Предоставление возможностей для более широкого применения нанимателями труда работников-надомников позволит им быть экономически активными.

Изменение роли государства в регулировании трудовых и связанных с ними отношений, развитие социального партнерства, накопленный правоприменительный опыт требуют изменения правового регулирования процесса разрешения трудовых споров, выработки единых концептуальных подходов к рассмотрению и разрешению индивидуальных и коллективных трудовых споров на основе примирительных процедур.

40. В сфере законодательства о социальной защите актуальными вопросами совершенствования правового регулирования являются:

установление дополнительных мер социально-экономической поддержки семей, воспитывающих детей;

закрепление мер, дающих возможность инвалиду жить полноценной жизнью (персональная помощь, служба сопровождения, краткосрочное пребывание вне дома, предоставление

жилых помещений в домах со специальным обслуживанием или в специально приспособленных домах).

41. Совершенствование законодательства об образовании необходимо осуществлять с учетом формирования единого образовательного пространства в рамках Союзного государства, Таможенного союза, Единого экономического пространства (далее – ЕЭП), Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств, а также принципов Болонской декларации.

42. Актуальным является вопрос необходимости подготовки консолидированного нормативного правового акта в сфере здравоохранения.

Представляется также актуальным в перспективе проработать вопрос о развитии наряду с государственным здравоохранением страховой медицинской системы.

43. В целях совершенствования законодательства о физической культуре и спорте требуется принятие нового Закона Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», положения которого будут учитывать объективные практические потребности сферы, обеспечить системное правовое регулирование, устранение пробелов в правовом регулировании и регламентацию новых общественных отношений, а также соответствие национального законодательства международным договорам Республики Беларусь.

В условиях интеграции Республики Беларусь в мировое спортивное сообщество совершенствование законодательства о физической культуре и спорте необходимо осуществлять с учетом решений, принимаемых международными спортивными организациями, в целях обеспечения беспрепятственного участия белорусских спортсменов в международных спортивных соревнованиях.

44. Назрела необходимость систематизации законодательства о научной и научно-технической деятельности в целях упорядочения имеющегося массива правовых норм, обеспечения их согласованности. Наиболее перспективным вариантом реализации указанных целей является подготовка единого консолидированного акта, направленного на регулирование всей совокупности общественных отношений в данной сфере.

45. В целях придания нового импульса развитию жилищных отношений следует продолжить работу по совершенствованию законодательства с учетом сложившейся в настоящее время экономической ситуации, обеспечив создание необходимых условий для расширения возможностей каждого гражданина самостоятельно решать свой жилищный вопрос.

При этом важно обеспечить стимулирование вовлечения в конкурентный оборот сдаваемого в наем частного жилищного фонда, а также создание и развитие фонда государственного наемного жилья как типовых потребительских качеств по доступным для граждан ценам, так и повышенной комфортности с дифференцированной в зависимости от уровня комфортности платой за наем.

46. В Республике Беларусь, обладающей большим духовным потенциалом общества, высоким уровнем развития всех форм традиционной и современной культуры, должны быть созданы необходимые условия для развития и реализации культурного потенциала каждой личности и общества в целом.

Для достижения этой цели требуется наличие современной законодательной базы, обеспечивающей решение вопросов сохранения и развития культуры. Нормативные правовые акты в сфере культуры действуют в течение длительного времени, носят довольно устойчивый характер и получили апробацию на практике. В этой связи существуют предпосылки для кодификации законодательства о культуре.

ГЛАВА 9 ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЦИОНАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

47. Реализация принципов социального государства требует от любого государства наличия ресурсов, в первую очередь материальных и финансовых, которые приобретаются за счет экономической деятельности и затем перераспределяются для выполнения иных функций государства.

В Республике Беларусь создан благоприятный инвестиционный климат, но при этом на экономику страны оказывают большое влияние экономики других стран. Экономика респуб-

лики зависит от многих внешних факторов и вызовов (поставки сырья, рынки сбыта, партнерские либо конфронтационные отношения на рынках товаров, работ и услуг и т.д.). Эффективность национальной экономики в таких условиях обуславливается в том числе надлежащим и опережающим правовым регулированием.

Общим направлением совершенствования правового регулирования в экономической сфере является повышение эффективности национальной экономики в условиях современной глобализации.

Правовое регулирование экономики осуществляется различными отраслями законодательства. Важными факторами, оказывающими влияние на экономическую сферу и мало поддающимися воздействию со стороны национальных государств, являются:

существование глобальной экономики и иных глобализационных процессов, когда государства, а также иные субъекты экономических отношений осуществляют борьбу за ресурсы, за повышение эффективности собственных экономических систем, в том числе путем перекладывания собственных издержек на иные государства;

кризис современной модели финансового капитализма;

избыточность индустриальных мощностей в современном мире и стремление отдельных государств к деиндустриализации и отбрасыванию ряда регионов в экономическом развитии;

экологический кризис и, как следствие, необходимость привлечения значительных ресурсов на его преодоление;

неравномерность распределения и потребления ресурсов;

активное международное регулирование экономической деятельности, в том числе навязывающее «правила игры» отдельным государствам и регионам.

На развитие законодательства в экономической сфере оказывает влияние деятельность Республики Беларусь в международных экономических организациях, ее нахождение в Таможенном союзе и ЕЭП, подготовка к вступлению во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО).

В настоящее время общемировой практикой является устранение препятствий для межгосударственной хозяйственно-экономической деятельности, что позволяет субъектам хозяйствования воспользоваться рядом преимуществ от увеличения рынка и снижения издержек, а потребителям – от развития рыночной конкуренции. Абсолютное большинство государств мира, в том числе Российская Федерация, являются членами ВТО, соглашения которой предусматривают снятие барьеров для международной торговли. К вступлению в ВТО наравне с Казахстаном стремится и Республика Беларусь.

Существенный успех достигнут в развитии внутренней интеграции: сформирован Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, действует ЕЭП, что предопределяет создание на единой таможенной территории условий, при которых функционируют механизмы регулирования экономик, основанные на единых принципах и обеспечивающие так называемые «четыре свободы», а именно: свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Кроме того, в ЕЭП предполагается проведение согласованной макроэкономической, налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой и иной политики в той мере и в том объеме, в каких это необходимо для обеспечения равных условий конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности.

К 2015 году должна быть проведена кодификация международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза и ЕЭП, одной из задач которой является устранение отсылочных норм, исключение противоречий, восполнение пробелов и формирование единого понятийного аппарата.

Все эти процессы требуют постоянной комплексной актуализации и корректировки действующих нормативных правовых актов и подготовки новых актов законодательства, направленных на реализацию международных обязательств Республики Беларусь в экономической сфере.

При этом планирование направлений совершенствования правового регулирования в экономической сфере должно основываться на общих тенденциях развития законодательства, отражающих развитие схожих подходов, применяемых за рубежом, на международно-правовом уровне, а также обладать качеством опережения.

48. Любая экономика основывается на технологических укладах – совокупности технологий, характерных для определенного уровня развития производства.

В результате научно-технического прогресса происходит переход от более низких укладов к более высоким, прогрессивным.

Использование новейших достижений биотехнологий, информатики и нанотехнологий определяет успешность государства, и наоборот, их отсутствие отбрасывает государство в развитии и снижает его субъектность. Технологический уклад охватывает замкнутый воспроизводственный цикл от подготовки кадров, добычи природных ресурсов до непроектного потребления. Для современной глобальной экономики характерны географическое рассредоточение элементов данного уклада, сознательный вынос наиболее затратных составляющих в страны третьего мира с размещением наиболее прибыльных составляющих в ведущих мировых державах.

В настоящее время доминирует V технологический уклад, ключевыми направлениями развития которого являются микроэлектроника и информационно-коммуникационные технологии, а также происходит переход к формированию VI технологического уклада, для которого характерны биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии и наноматериалы, системы искусственного интеллекта и глобальные информационные сети.

Данные факторы обуславливают необходимость трансформации государственного, правового регулирования в экономической сфере, корректировки принципов и методов государственного воздействия на экономическую систему. Важным направлением совершенствования правового регулирования в экономической сфере является реформирование способов управления экономикой как в целом, так и ее отдельными отраслями.

Управление экономикой должно базироваться на долго-, средне- и краткосрочных прогнозах развития и формировании политики реализации соответствующих видов экономической деятельности, которые должны учитываться при разработке проектов нормативных правовых актов.

Представляется целесообразным отказываться от чрезмерного государственного регулирования экономической деятельности, поскольку это не исключает коррупционных проявлений. Одновременно недостаточное государственное регулирование может также порождать криминальные последствия, способствовать неэффективному регулированию экономической деятельности. В этой связи необходимо дальнейшее развитие институтов криминологической экспертизы и правового мониторинга в данной сфере, а также координация деятельности нормотворческих и правоохранительных органов.

Правовое регулирование в экономической сфере должно быть направлено на оптимизацию и сокращение административных издержек и процедур, необходимых для занятия экономической деятельностью, и стимулировать правомерное поведение субъектов хозяйствования во избежание несоблюдения налагаемых обязанностей.

Перед Республикой Беларусь стоит задача не просто осуществлять «догоняющее» регулирование, встраиваясь в малоэффективные с точки зрения ведущих мировых экономических субъектов технологические цепочки, но и стимулировать создание на собственной территории высокотехнологичных производств, позволяющих производить товары, работы и услуги с максимальной долей добавленной стоимости.

Правовое регулирование в экономической сфере должно осуществляться комплексно с преваляцией стимулирующих методов, обеспечивающих, с одной стороны, развитие высокопроизводительных видов деятельности и, с другой стороны, таких видов деятельности, которые обеспечивают реальный суверенитет и безопасность государства.

Качество современной экономики зависит от наличия соответствующей инфраструктуры (качество связи, наличие офисных помещений, кадров, простота и удобство законодательства, прозрачность принимаемых решений, предсказуемость государственного курса и т.д.), что требует от государства создания условий для осуществления экономической деятельности, прибыль от которой позволит государству исполнять свои социальные и иные функции.

49. Экономическая деятельность является одновременно плановой и рискованной деятельностью, что обуславливает потребность в развитии категории «обоснованный хозяйственный риск», стимулировании экономически активного поведения субъектов хозяйствования, особенно в тех сферах, которые позволяют производить товары, работы и услуги с максимальной долей добавленной стоимости, а также в установлении условий и оснований для вмешательства государства в деятельность субъектов экономических отношений.

Экономика Республики Беларусь отличается значительной долей государственной собственности, что требует изменения подходов к ее управлению. С одной стороны, государственная собственность является основой государственного суверенитета. Современной общемировой тенденцией является доминирование государства в ведущих сферах экономической деятельности, обеспечивающих их реальный суверенитет. С другой стороны, государственная собственность требует эффективного управления.

Эффективное управление государственной собственностью предполагает изменение подходов к определению успешности работы государственных предприятий, а также их руководящего состава, к стимулированию экономически активного поведения и т.д. Эффективное управление основывается на использовании информационных технологий, новых видов деятельности, постоянной оптимизации численности работников, повышении их квалификации.

50. Экономическая деятельность основана на инвестировании материальных средств в экономику, это требует дальнейшего развития инвестиционного законодательства и защиты прав инвесторов. При этом важным направлением совершенствования законодательства является стимулирование активности национальных инвесторов и избирательный подход к использованию иностранных инвестиций, чрезмерный объем которых, особенно в стратегические отрасли, способен ограничить суверенитет государства. Требуется разработка дополнительных стимулов для инвесторов, планирующих осуществлять инновационную деятельность, внедрять абсолютно новые и новые для республики технологии.

Совершенствование правового регулирования в экономической сфере должно быть основано на опережающем использовании мирового опыта, особенно опыта государств, близких по своим характеристикам к Республике Беларусь (ограниченность природных ресурсов, малые экономики открытого типа, выгодное географическое положение и т.д.). Экономическое развитие Сингапура, Гонконга, Люксембурга, Швейцарии основано именно на льготном режиме для финансовой сферы, что в настоящее время позволяет данным государствам быть ведущими экспортерами соответствующих услуг.

Успешность экономической деятельности определяется состоянием финансово-кредитной системы, ее простотой (сложностью), удобством (неудобством) для субъектов хозяйствования.

Сложная, громоздкая система налогообложения, сопряженная с высоким уровнем налогов, в условиях глобальной экономики является негативным фактом для развития экономики, стимулирует вывод субъектов налогообложения с территории государства на территории сопредельных стран. Уменьшение количества налогоплательщиков требует увеличения количества и размеров налогов, которые распределяются среди оставшихся налогоплательщиков, стимулируя теневую экономику.

Совершенствование правового регулирования в данной сфере следует направлять на стимулирование увеличения количества налогоплательщиков, создание наиболее благоприятных в рамках интеграционных образований, в которые входит Республика Беларусь, условий налогообложения, сокращение количества налогов, упрощение процедур их уплаты и т.д.

Невысокий уровень налогообложения большого количества налогоплательщиков даст больший социальный эффект, чем при высоком налогообложении незначительного количества налогоплательщиков, незаинтересованных в расширении своей деятельности. Простые, понятные и удобные для налогоплательщика правила уплаты налогов и сборов в сочетании с высокими штрафами за уклонение либо неуплату налогов будут лучшим стимулом для повышения налоговой дисциплины.

51. Современная экономическая деятельность основывается на техническом нормировании, стандартизации и подтверждении соответствия. При этом способность реализовывать высокие стандарты является показателем успешности экономики. Это обуславливает дальнейшее развитие деятельности по стандартизации и сертификации.

Государство должно стимулировать деятельность субъектов хозяйствования (в том числе льготное налогообложение), которые в инициативном порядке переходят на более высокие стандарты качества, в том числе принятые в ведущих мировых государствах, а также экономическими методами ограничивать деятельность субъектов, использующих стандарты низкого уровня.

Одним из способов повышения эффективности экономики в данной сфере является заимствование стандартов, принятых в иных государствах. Такой подход может быть приемлемым лишь в определенных условиях, поскольку утрата суверенитета в данной сфере является недопустимой.

52. При проведении правовой политики необходимо учитывать тесную взаимосвязь экономической сферы с социальной сферой жизни общества, обеспечивать оптимальное сочетание различных методов и способов воздействия на данные сферы.

Так, важно обеспечить относительно равномерное распределение субъектов хозяйствования на территории государства. Это оправдывает необходимость применения льготных режимов при регистрации субъектов хозяйствования, осуществлении их деятельности на определенных территориях (малые городские поселения, сельская местность), использовании местных ресурсов. Одновременно льготированию, в том числе при размещении в регионах, должны подлежать наукоемкие и инновационные производства, наличие которых положительно скажется на социальной жизни в этих регионах.

Модернизация экономики, развитие наукоемких и высокотехнологичных производств будут связаны с высвобождением избыточной численности работников. Это налагает на государство обязанность по обеспечению повышения квалификации кадров, а также трудоустройства работников, высвобождаемых при переходе предприятий на инновационный путь развития. Стимулирование занятости предполагает в том числе упрощение создания субъектов хозяйствования, способных принять на работу избыточную массу работников. В этом случае оправдана будет минимизация налогообложения отдельных видов деятельности, являющихся формами самозанятости населения.

53. Для повышения эффективности правового регулирования в экономической сфере следует проводить консультации с бизнес-сообществом, организовывать дискуссии по проектам нормативных правовых актов.

При этом необходимо учитывать высокую криминогенность некоторых видов экономической деятельности, а также заинтересованность государственных органов в сохранении и даже расширении регулирования экономической деятельности, что требует детального обоснования потребности в таком регулировании, а также определения финансово-экономических последствий такого регулирования как для государства (кадры, ресурсы, время), так и для субъектов хозяйствования.

Экономическая деятельность зависит от наличия необходимых кадров, эффективности образовательной деятельности. Отставание в образовательной сфере обуславливает нехватку кадров и недостаточную способность государства к реализации наиболее перспективных технологических укладов. Это требует усиления связи между научной, образовательной и экономической сферами. Наука и образование должны готовить кадры, необходимые экономике для ее деятельности. В целях усиления практической составляющей образовательной и научной деятельности целесообразно льготировать деятельность субъектов хозяйствования, создаваемых научными организациями и учреждениями образования в сфере их деятельности, использующими результаты научных разработок, привлекающими на работу обучающихся.

Основой образовательной и научной деятельности являются преподаватели и научные работники, которые, как правило, являются высококвалифицированными специалистами, востребованными в иных сферах. Это требует изменения подходов к оплате их труда с одновременным изменением критериев его оценки.

54. В области законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов актуальным является его систематизация, поскольку существует множественность нормативных правовых актов Совета Министров Республики Беларусь и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, регулирующих однородные общественные отношения (например, в области охраны атмосферного воздуха, в области охраны и использования растительного мира и др.).

Требуется развивать правовые инструменты охраны окружающей среды и здоровья граждан в целях наиболее полной реализации конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду.

В перспективе может быть проведена систематизация законодательства об охране окружающей среды путем подготовки и принятия Экологического кодекса Республики Беларусь.

ГЛАВА 10
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДОУСТРОЙСТВЕ И СТАТУСЕ СУДЕЙ

55. Совершенствование процессуального законодательства Республики Беларусь, регулирующего порядок обжалования судебных постановлений по гражданским делам, может развиваться в направлении гармонизации нормативных предписаний Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих вопросы обжалования судебных постановлений в отношении стадий и форм пересмотра, пределов пересмотра и объема полномочий проверяющих инстанций, а также реформирования системы обжалования судебных постановлений на основе введения неполной апелляции.

56. Для реализации указанных целей требуется проработка следующих вопросов:

о введении института «апелляционное производство» применительно к суду второй инстанции для пересмотра постановлений, не вступивших в законную силу;

совершенствования системы рассмотрения споров, связанных с объектами интеллектуальной собственности, с тем чтобы предоставить возможность рассмотрения данной категории споров областным (Минскому городскому) судам, сохранив судебную коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь в качестве кассационной инстанции и инстанции, рассматривающей жалобы на решения Апелляционного совета при патентном органе;

о конкретизации пределов рассмотрения дел апелляционной, кассационной и надзорной инстанциями хозяйственных судов, о предотвращении злоупотребления системой обжалования, об ограничении категорий дел, по которым возможно обжалование.

ГЛАВА 11
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБОРОНЫ

57. В целях сокращения преступности и других правонарушений, совершенствования уголовной политики в Республике Беларусь большое социально-практическое значение имеет повышение социальной эффективности деятельности правоохранительных и других государственных органов, общественных объединений и граждан по предупреждению преступлений и других правонарушений. Профилактика правонарушений является главным направлением стратегии современной государственной уголовной политики. Проведение эффективной деятельности по предупреждению преступлений и других правонарушений обуславливает социальную актуальность и практическую значимость разработки научно обоснованной теоретической концепции и научно-прикладной модели системы профилактики правонарушений.

Необходимо обеспечить системное правовое регулирование общественных отношений в сфере осуществления комплексной социально-правовой деятельности по предупреждению преступности и других правонарушений, направленной на снижение уровня преступности и иные позитивные изменения количественных и качественных показателей преступности и других взаимосвязанных с ней правонарушений, обеспечение личной, имущественной и общественной безопасности граждан и правопорядка в обществе.

58. Государственную уголовную политику следует совершенствовать на основе использования современных криминологических научных знаний, инновационных теоретических подходов и достижений мировой социальной практики в сфере борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. Причем предупреждение преступлений и других правонарушений – главное и приоритетное направление в системе современной уголовной политики.

Перспектива реформирования системы уголовных наказаний и иных форм реализации уголовной ответственности определена в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 1, 1/12207).

Наличие достаточно большого спектра мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных в Уголовном кодексе Республики Беларусь, позволяет оптимально реализовывать

принципы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. При этом необходимо и в дальнейшем проводить политику, направленную на повышение эффективности исправительного и предупредительного воздействия наказаний и иных мер уголовной ответственности, обеспечение социальной справедливости при применении уголовных санкций, предупреждение преступности в современных условиях.

Важнейшей инновацией должно стать усиление компенсационно-восстановительного эффекта любого наказания.

Одним из приоритетных направлений уголовной политики государства должна являться гуманизация уголовного законодательства посредством как смягчения наказания за совершение отдельных видов деяний, так и возможной их декриминализации.

В частности, во исполнение предложений, прозвучавших в Послании Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 8 мая 2012 года, направленных на снижение количества лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, целесообразно предусмотреть снижение санкций, а также установление альтернативных лишению свободы наказаний за совершение преступлений против порядка осуществления экономической деятельности.

59. Совершенствование правового регулирования в области обороны должно быть направлено на обеспечение защиты независимости, территориальной целостности, суверенитета республики, развитие военной организации государства, поддержание уровня оборонного потенциала, соответствующего возможностям государства и достаточного для решения задач мирного и военного времени, укрепление международных и региональных механизмов обеспечения военной безопасности, партнерства и доверия и реализовываться на основе положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Проведенная работа по правовому урегулированию общественных отношений в указанной области характеризуется, с одной стороны, достаточностью правового регулирования, с другой – наличием значительного количества нормативных правовых актов различной юридической силы.

В целях уменьшения нормативного массива, а также качественного упорядочивания и обеспечения согласованности законодательства об обороне актуальным является проведение его систематизации.

ГЛАВА 12 РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

60. Правовая информатизация является организационным, социально-экономическим и научно-техническим процессом, обеспечивающим условия для формирования, использования информационно-правовых ресурсов и реализации информационных отношений в правовой сфере, возникающих при поиске, получении, передаче, сборе, учете, обработке, хранении, накоплении, систематизации, актуализации, распространении (предоставлении) правовой информации, пользовании данной информацией и ее защите, а также при применении информационных технологий.

Одно из направлений правовой информатизации – постоянное развитие государственной системы правовой информации Республики Беларусь (далее – ГСПИ), представляющей собой организованную совокупность государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающую взаимодействие государственных органов, Национального центра правовой информации и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов.

Эффективное функционирование ГСПИ создает необходимые условия для нормотворческой деятельности и обеспечения государственных органов, иных организаций и граждан полной, достоверной и своевременной правовой информацией, а также иной информацией, определяющей сущность правовой системы Республики Беларусь. Развитие ГСПИ и использование государственными органами в нормотворческой деятельности государственных информационно-правовых ресурсов и систем, в том числе Автоматизированной системы подготовки проектов правовых актов Республики Беларусь, будет способствовать дальнейшему совершенствованию нормотворческой и правоприменительной деятельности, повышению уровня правосознания общества.

61. Факторами, способствующими дальнейшему развитию правовой информатизации, являются:

совершенствование законодательства в области правовой информатизации и его актуализация, в том числе с учетом развития информационных технологий;

внедрение новых информационных технологий в правовую сферу;

совершенствование системы официального опубликования правовых актов в глобальной компьютерной сети Интернет;

совершенствование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь как системы учета правовых актов;

актуализация и развитие Единого правового классификатора Республики Беларусь как основы систематизации законодательства;

развитие государственных информационно-правовых ресурсов в глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь – основного государственного информационного ресурса глобальной компьютерной сети Интернет в области права и правовой информатизации;

развитие эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь и иных государственных информационно-правовых ресурсов;

использование в нормотворческой и правоприменительной деятельности полной, достоверной и своевременной правовой информации, распространяемой (предоставляемой) в составе информационно-поисковой системы «ЭТАЛОН» и (или) посредством глобальной компьютерной сети Интернет электронных копий эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь, банка данных проектов законов Республики Беларусь, иных государственных информационно-правовых ресурсов;

развитие межгосударственного обмена правовой информацией;

создание информационно-правовых ресурсов в рамках интеграционных образований, участницей которых является Республика Беларусь.

УДК 344.312

ВОЕННАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

АДАМЮК О.И.,

доцент военно-технического факультета в Белорусском национальном
техническом университете, подполковник, кандидат юридических наук

Статья посвящена процессу эволюции военной судебной системы как необходимого элемента в системе обеспечения военной безопасности Республики Беларусь. На основе проведенного анализа преемственного восприятия положительного опыта, который приобрели военные трибуналы на территории БССР, предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования организации и деятельности военных судов Республики Беларусь.

The article deals with the issues of the evolution of the judicial system as of a necessary element in the system of military security of the Republic of Belarus. Basing on the analysis of the successive perception of the positive experience, which was acquired by the tribunals on the territory of the BSSR, the author makes recommendations on the improvement of the legal regulation of the organization and activity of the military courts of the Republic of Belarus.

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием целостной системы научных взглядов на перспективы развития военной судебной системы Республики Беларусь. Военные суды суверенного белорусского государства нечасто становились предметом исследования в юридической науке, а место и роль органов военной юстиции в механизме обеспечения военной безопасности не получили единого понимания. Полагаем, что это стало возможным в результате отсутствия отечественной военно-юридической научной школы, создание и развитие которой могло бы способствовать выработке единых подходов к правовому обеспечению реализации судебной власти в военной организации Республики Беларусь в целях совершенствования механизма обеспечения национальной безопасности.

Необходимость научного осмысления данной проблематики также вызвана произошедшими в 2012 году существенными изменениями в правовом регулировании организации и деятельности военной судебной системы Республики Беларусь. Это было связано с реализацией Указа Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь», что выразилось в значительном расширении подсудности дел военным судам в соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 года «О внесении изменений и дополнений в некото-

рые кодексы Республики Беларусь по вопросам подсудности дел военным судам» [1; 2]. Вместе с тем развитие военной судебной системы белорусского государства в настоящее время происходит на фоне проникновения либеральных идей в систему военно-правовых отношений наших стран-соседей – Украины и Российской Федерации, в которых либо упразднили систему военных судов как самостоятельный институт (Украина), либо лишили военных судей статуса военнослужащих (Российская Федерация).

Научно-теоретической основой исследования являются труды таких известных советских, а также современных отечественных и российских ученых в области теории и истории права и государства, как А.М.Абрамович, С.С.Алексеев, В.Н.Бибило, Г.А.Василевич, А.Ф.Вишневский, Т.И.Довнар, С.Г.Дробязко, А.А.Головкин, М.В.Кожевников, И.И.Мартинюк, М.С.Строгович, Т.Г.Тарасенко, А.Г.Тиковенко, В.Г.Тихиня, В.И.Шабайлов, Н.М.Чепурнова, И.А.Юхо и др. Научно-практическую базу исследования составили научные труды известных советских и современных российских военных ученых-юристов и практиков В.С.Авдонкина, Г.И.Загорского, С.С.Максимова, С.Г.Мирецкого, А.И.Муранова, А.Я.Петроченкова, Н.А.Петухова, В.П.Портнова, И.Б.Цымбаренко, Н.А.Шулепова и др.

Следует отметить, что Республика Беларусь входит в группу государств, в которых военные суды действуют как в мирное, так и в военное

время. Членами этой группы являются Австралия, Великобритания, Дания, Египет, Израиль, Испания, Италия, Канада, Китай, Ливан, Монголия, Польша, Румыния, США, Таиланд, Швейцария, Южная Корея, практически все страны Латинской Америки и ряд бывших советских республик. Вместе с тем в современном мире в таких странах, как Франция, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Венгрия, Болгария и некоторых других вместо военных судов на постоянной основе функционируют специализированные военные структуры (палаты, отделы, советы), которые формируются из офицеров-юристов, реже – из гражданских судей или имеют смешанный состав, а их деятельность, как правило, координируется одним из заместителей Верховного (Высшего) суда. В Австрии, Германии, Португалии, Швеции, Японии и других странах военные суды могут создаваться только в военное время, а в мирное время – только в воинских частях, находящихся за границей. В этих государствах уголовные дела в отношении военнослужащих рассматривают суды общей юрисдикции [3, с. 10–14].

Полагаем, что особенности организации и деятельности военной судебной системы Республики Беларусь объясняются тем, что после распада СССР отечественная военная юстиция стала правопреемницей военно-судебной системы, которая действовала на территории БССР. В процессе исследования установлено, что военная судебная система в советской Беларуси с 1917 года формировалась как необходимый и важный элемент системы обеспечения военной безопасности всего советского государства (СССР) без учета суверенитета образованной 1 января 1919 г. Белорусской ССР. В 90-е годы XX века в процессе активного формирования системы собственных органов военной юстиции суверенного белорусского государства характерные черты и тенденции в правовом регулировании организации и деятельности военной судебной системы в БССР были преемственно восприняты и существенно развиты в законодательстве и военно-судебной практике Республики Беларусь.

Во-первых, возникшие в довоенный период тенденции отнесения военных трибуналов к числу судов, включения их в единую судебную систему, установления единого для всех судов законодательства и выполнения единых для всех судов задач, закрепленные в Положении о военных трибуналах, утвержденном Законом СССР от 25 декабря 1958 года (с изменениями и дополнениями 1980 года) (далее – Положение о военных трибуналах), были реализованы в постановлении Верховного Совета Республики Беларусь от 16 января 1992 г. № 1432-ХІІ «О включении военных трибуналов в систему судов Республики Беларусь» [4]. В результате военные трибу-

налы, расположенные на территории Республики Беларусь, были включены в систему судов суверенного белорусского государства, а военный трибунал Краснознаменного Белорусского военного округа (КБВО) преобразован в Военный трибунал Республики Беларусь, который в дальнейшем был переименован в Белорусский военный суд (БВС). Вместе с тем была образована Военная коллегия Верховного Суда Республики Беларусь, которой было предоставлено право пересматривать в кассационном и надзорном порядке дела, рассмотренные военными трибуналами КБВО, что сохранило за высшей судебной инстанцией исторически сложившуюся компетенцию судебного надзора над деятельностью военных судебных органов.

В дальнейшем стремление к созданию единой судебной системы Республики Беларусь было реализовано и закреплено в Концепции судебно-правовой реформы, утвержденной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-ХІІ, Конституции Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 13 января 1995 года «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» и Декрете Президента Республики Беларусь от 24 ноября 1999 г. № 41 «О военных судах Республики Беларусь и Военной коллегии Верховного Суда», в результате чего военные суды были окончательно включены в судебную систему Республики Беларусь [5–8]. Существенным достижением в создании единой судебной системы суверенного белорусского государства стало принятие 29 июня 2006 г. Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей (далее – Кодекс), в соответствии со ст. 28 которого военные суды Республики Беларусь стали неотъемлемой частью системы общих судов Республики Беларусь и при осуществлении правосудия в настоящее время руководствуются едиными для всех судов демократическими принципами правосудия: гласности, состязательности, равенства граждан перед законом и судом и др. [9].

Во-вторых, исторически обусловленная централизованная организационная структура военной судебной системы с учетом численности и дислокации воинских частей, с сохранением порядка назначения военных судей и распространением на них статуса военнослужащих были окончательно реализованы в Кодексе, в соответствии со ст.ст. 29 и 94 которого межгарнизонные военные суды образовывались с учетом численности и дислокации воинских частей, а судьи военных судов и Военной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь назначались на должности из числа военнослужащих Президентом Республики Беларусь [9]. В результате совершенствования структуры военной организации белорусского государства военные суды

Республики Беларусь стали действовать не только в Вооруженных Силах, но и в других войсках и воинских формированиях, что способствовало повышению эффективности реализации судебной власти в военной организации и укреплению военной безопасности государства [8]. Однако с сентября 2012 года в результате расширения подсудности дел военным судам и внесения соответствующих изменений и дополнений в Кодекс «межгарнизонный военный суд образуется с учетом численности и дислокации воинских частей Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, органов прокуратуры, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, таможенных органов» [9]. В настоящее время в Республике Беларусь осуществляют правосудие шесть межгарнизонных военных судов: в Минске, Бресте, Гродно, Витебске, Бобруйске и Борисове, а судьи военных судов и Военной коллегии Верховного Суда назначаются на должности из числа военнослужащих, имеющих воинские звания офицерского состава, на них распространяется действие актов законодательства, регламентирующих статус судей и военнослужащих.

В-третьих, в процессе формирования военно-судебной системы Республики Беларусь в нормативных правовых актах реализована исторически сложившаяся тенденция разделения функций организационного обеспечения и судебного надзора, эффективность которого была на практике доказана в предшествующие периоды и закреплена в Положении о военных трибуналах, в настоящее время нашла отражение в наделении компетенцией организационного и кадрового обеспечения Белорусского военного суда и межгарнизонных военных судов Министерства юстиции Республики Беларусь, а компетенцией судебного надзора – Военную коллегия Верховного Суда Республики Беларусь [9; 10]. Отметим также, что в Республике Беларусь была преемственно воспринята практика рассмотрения уголовных дел на выездных заседаниях военных судов в расположении воинских частей в присутствии личного состава, что повышает воспитательное значение правосудия в военной организации государства.

В-четвертых, в процессе развития правового регулирования организации и деятельности военной судебной системы Республики Беларусь были приняты меры по реализации возникших в годы перестройки тенденций создания правовых гарантий независимости военных судей от органов государственного и военного управления и установления судебного контроля над деятельностью военной организации государства, кото-

рые впервые были закреплены в Законе СССР от 4 августа 1989 года «О статусе судей в СССР» и в Конституции СССР от 7 октября 1977 г. (в редакции Закона СССР от 14 марта 1990 г.). В Республике Беларусь военно-судебные органы были выведены из состава Вооруженных Сил с исключением личного состава из штатной численности войск, а в компетенцию военных судов было включено рассмотрение гражданских дел по искам, возникающим из отношений военной службы [5–9]. Вместе с тем в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 1992 г. № 15 «О судебной защите военнослужащих от неправомерных действий органов военного управления и воинских должностных лиц» разъяснялось, что «каждый военнослужащий Республики Беларусь имеет право на судебную защиту прав и охраняемых законом интересов» [11]. В дальнейшем эти положения были развиты в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» (в редакции постановлений Пленума Верховного Суда от 24 июня 2010 г. № 5 и от 29 марта 2012 г. № 2) (далее – постановление № 11) [12]. Все это способствовало созданию условий для дальнейшего укрепления независимости военной судебной системы белорусского государства, заложило основы для развития военной юстиции как института защиты прав, свобод и законных интересов военнослужащих средствами судебной власти и судебного контроля над военной организацией.

В-пятых, следует особо отметить, что в Республике Беларусь не были заимствованы либеральные идеи реформирования военной судебной системы, которые в настоящее время реализованы в Российской Федерации и в Украине. Полагаем, что либерализация военной судебной системы белорусского государства недопустима, так как противоречит историческим традициям и не соответствует национальным интересам в сфере обеспечения военной безопасности. Подтверждением этому служат слова известного государственного деятеля XX века М.Тэтчер: «Программы, направленные на внедрение гражданской судебной системы... как минимум несовместимы с функциями армии. В худшем варианте они ведут к чрезвычайно опасному снижению боеспособности...» [13, с. 68–70].

Вместе с тем в процессе исследования выявлено недостаточное преемственное восприятие накопленного положительного опыта развития военной юстиции в Советской Белоруссии, что в настоящее время не способствует совершенст-

вованию правового регулирования организации и деятельности военной судебной системы Республики Беларусь:

а) не реализована исторически обусловленная традиция закрепления в отдельном нормативном правовом акте порядка деятельности органов военной юстиции в местностях, объявленных на военном положении (как было, например, в Положении о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 года), а также практика выполнения военными судами функций по поддержанию боеготовности, дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах и других воинских формированиях государства (что имело место, например, в Положении о военных трибуналах). В настоящее время законодательно не регламентированы специальные функции военных судов Республики Беларусь, а также порядок их организации и деятельности в период военного положения;

б) не получила нормативной регламентации наметившаяся в конце 80-х годов XX века и реализованная в 1992 году в Концепции судебно-правовой реформы тенденция наделения военных судов всей полнотой судебной власти в военной организации государства, в связи с чем в настоящее время военные суды не обладают компетенцией рассматривать дела об административных правонарушениях, что препятствует формированию единой судебной системы белорусского государства;

в) недостаточную практическую реализацию получила исторически сложившаяся тенденция укрепления независимости военных судов от органов военного управления, что не позволяет определить военные суды Республики Беларусь как институт судебного контроля над деятельностью военной организации государства. Это выражается, например, в сохранении в настоящее время зависимости военной судебной системы Республики Беларусь от Министерства обороны в финансировании и материально-техническом обеспечении, несмотря на то, что военные суды выведены из состава Вооруженных Сил. Возникает вопрос: почему финансирование военных судов и Военной коллегии Верховного Суда, обеспечение их транспортными средствами, связью, оружием, охраной, служебными и жилыми помещениями осуществляются только через Министерство обороны, а не через другие государственные органы, в отношении сотрудников которых в соответствии с законодательством Республики Беларусь распространяется юрисдикция военных судов? Полагаем, что такое правовое положение военной юстиции Республики Беларусь создает объективную возможность для существования определенных рычагов давления на военно-судебную систему, опосредованно ставит ее в зависимость от соответствующ-

щих должностных лиц органов государственного управления;

г) в достаточной мере не воспринята зародившаяся в конце 50-х годов XX века тенденция формирования военной судебной системы Республики Беларусь как института защиты прав, свобод и законных интересов военнослужащих средствами судебной власти и имевшая место в 20–80 годы XX века практика широкого освещения в печатных средствах массовой информации деятельности органов военной юстиции. Так сложилось, что ни в одном печатном издании Республики Беларусь нет тематической рубрики, в которой регулярно освещалась бы военно-судебная практика, что не способствует развитию деятельности военных судов по профилактике правонарушений в военной организации белорусского государства. Полагаем, что причиной тому служат внутренние административные запреты в военно-судебной системе на публикацию сведений о движении дел в военных судах Республики Беларусь, которые могут нанести ущерб авторитету военной организации государства. Как следствие, отсутствие активного взаимодействия военных судов со средствами массовой информации не способствует правовому воспитанию военнослужащих, оказанию влияния на предупреждение преступности в военной организации и не формирует отношение к органам военной юстиции Республики Беларусь как к органам правосудия, а не карательным органам. Одним из результатов этого стало то, что военные суды Республики Беларусь выносят в основном обвинительные приговоры (в отличие, например, от середины 20-х годов XX века, когда до 10 % выносились оправдательных приговоров), а также практически не рассматривают жалобы военнослужащих на действия (бездействие) должностных лиц органов военного управления. По нашему мнению, такая практика не соответствует пункту 2.3.8 Концепции судебно-правовой реформы, основным принципам построения правового государства и гражданского общества. Вместе с тем в подпункте 1.1 пункта 1 Указа Президента Республики Беларусь от 15 октября 2007 г. № 498 «О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц» (в редакции Указа Президента Республики Беларусь от 5 апреля 2012 г. № 157) (далее – Указ № 498) четко не разъясняется, в какой суд должны обращаться военнослужащие для обжалования неправомерного решения вышестоящего органа военного управления, что не согласуется уже с пунктом 5 постановления № 11 [12; 14];

д) не была сохранена исторически сложившаяся подсудность дел органам военной юстиции в условиях мирного времени, что выразилось в значительном расширении подсудности дел военным судам Республики Беларусь в

2012 году [1; 2]. Следует отметить, что в соответствии с национальным законодательством органы внутренних дел, Следственный комитет, органы прокуратуры, органы финансовых расследований Комитета государственного контроля, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, таможенные органы не входят в состав военной организации Республики Беларусь [15]. В связи с этим в настоящее время понятие «военный суд» не в полной мере соответствует современным представлениям о сущности и структуре военной организации Республики Беларусь и задачам военной судебной системы, которые исторически обусловлены осуществлением правосудия только в военной организации и в отношении граждан, имеющих статус военнослужащих в целях укрепления военной безопасности государства.

Полагаем, что основными направлениями совершенствования правового регулирования организации и деятельности военно-судебной системы Республики Беларусь с учетом исторического опыта и прогрессивных тенденций развития военной юстиции в Беларуси с 1917 года являются: регламентирование порядка деятельности военных судов в период военного положения и закрепление выполнения ими специальных функций в мирное и в военное время; развитие военных судов как независимого правового института защиты прав, свобод и законных интересов граждан, имеющих статус военнослужащего, средствами судебной власти; сохранение у военных судей статуса военнослужащих и наделение военных судов всей полнотой судебной власти в военной организации государства; повышение открытости для общества военно-судебной практики, укрепление доверия к органам военной юстиции как к органам правосудия. В первую очередь, необходимо исключить в мирное время финансирование и материально-техническое обеспечение военно-судебной системы Республики Беларусь через Министерство обороны и в целях укрепления независимости военных судов этой компетенцией наделить Верховный Суд (например, создать Судебный Департамент при Верховном Суде по примеру Российской Федерации). Вместе с тем в Законе Республики Беларусь от 13 января 2003 года «О военном положении» (далее – Закон «О военном положении») [16] необходимо допол-

нительно регламентировать особенности осуществления правосудия военными судами в районах боевых действий. Нуждается также в дополнении Указ № 498, в котором необходимо подробнее разъяснить судебный порядок обжалования военнослужащими и членами их семей действий (бездействия) должностных лиц и органов военного управления.

Некоторые из предложенных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования организации и деятельности военной юстиции Республики Беларусь в настоящее время могут быть реализованы в:

1) Кодексе – путем внесения изменений и дополнений, направленных на исключение в мирное время финансирования и материально-технического обеспечения военно-судебной системы через Министерство обороны Республики Беларусь, в часть вторую ст. 183, часть вторую ст. 189, ст. 191;

2) Указе № 498 – посредством дополнения подпункта 1.1 предложением следующего содержания: «Для обжалования действий (бездействия) должностных лиц и органов военного управления граждане, на которых распространяется статус военнослужащих, а также члены их семей могут обращаться в межгарнизонный военный суд.»;

3) Законе «О военном положении» – посредством дополнения части первой ст. 21 предложением следующего содержания: «На территории, на которой ведутся военные действия, правосудие осуществляется военными судами, районные и городские суды расформируются. Финансирование и материально-техническое обеспечение военных судов осуществляется органами военного управления.»

Внесенные предложения будут способствовать укреплению независимости военной юстиции от органов военного управления, последовательному и системному формированию института судебного контроля над военной организацией белорусского государства, повышению эффективности деятельности военной судебной системы с целью укрепления военной безопасности Республики Беларусь в условиях глобализации и появления новых вызовов и угроз на пути формирования социального демократического правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам подсудности дел военным судам: Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 417-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
3. Военные суды в современном мире / Г.Г. Кваша [и др.]; под ред. А.Я. Петровичева. – М.: Норма, 2006. – 272 с.
4. О включении военных трибуналов в систему судов Республики Беларусь: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 16 янв. 1992 г., № 1432-ХП // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
5. О Концепции судебно-правовой реформы: постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-ХП // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
7. О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 1995 г., № 3514-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 нояб. 2002 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. О военных судах Республики Беларусь и Военной коллегии Верховного Суда: Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 нояб. 1999 г., № 41 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
9. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г.: одобрен Советом Респ. 16 июня 2006 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 13 июля 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
10. Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 окт. 2001 г., № 1605: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь, 28 мая 2012 г., № 487 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
11. О судебной защите военнослужащих от неправомерных действий органов военного управления и воинских должностных лиц: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 18 дек. 1992 г., № 15 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. О применении судами законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 дек. 2009 г., № 11: в ред. постановлений Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24 июня 2010 г. № 5 и от 29 марта 2012 г. № 2 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
13. Тэтчер, М. Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчер; пер. с англ. – М.: Альпина паблишер, 2003. – 502 с.
14. О дополнительных мерах по работе с обращениями граждан и юридических лиц: Указ Президента Респ. Беларусь, 15 окт. 2007 г., № 498: ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 5 апр. 2012 г., № 157 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
15. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 74-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26 окт. 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
16. О военном положении: Закон Респ. Беларусь, 13 янв. 2003 г., № 185-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 16.01.2013

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)

САБЛИН И.В.,

аспирант Белорусского государственного университета

В статье исследуется деятельность военного духовенства на территории белорусских губерний в составе Российской империи с конца XVIII до середины XIX века. В указанный период выстраивалась система взаимоотношений вооруженных формирований и церкви на белорусских территориях посредством тесного взаимодействия командования войск с военным духовенством, которое осуществлялось с целью формирования у личного состава патриотизма, готовности к самопожертвованию и стойкому перенесению тягот и лишений военной службы, укрепления морально-психологического состояния и воинской дисциплины, а также удовлетворения духовных потребностей военнослужащих.

The article deals with the activities of military clergy on the territory of Belarusian provinces of the Russian Empire from late XVIII th mid – XIX th centuries. At that time, a system of relationships was being formed between military units and churches by means of closer contacts of commanders with the clergy. The aim of those activities was to enhance patriotic feeling among servicemen, as well as readiness for self-sacrifice and ability to bear the hardships of military life. It was also aimed at rising morale, strengthening discipline, and meeting servicemen's spiritual needs.

Введение

Военнослужащие современных воинских формирований Республики Беларусь (Вооруженных Сил, органов пограничной службы, внутренних войск Министерства внутренних дел) в основном относят себя к православным и католикам, хотя среди них имеются и лица, причисляющие себя к протестантам, иудеям, мусульманам, а также атеистам. Это обстоятельство актуализирует необходимость новых исследований, направленных на изучение взаимоотношений руководства воинских формирований с духовенством в их совместной деятельности в условиях наличия среди личного состава представителей различных вероисповеданий.

Целью данной статьи является ретроспективное исследование взаимодействия командования войск с духовенством на территории белорусских земель в составе Российской империи с конца XVIII до середины XIX века, позволяющее выявить его специфические особенности и способствующее объективной оценке современной модели взаимоотношений органов военного управления Республики Беларусь и религиозных организа-

ций, модернизации правового механизма их взаимодействия.

Отдельные аспекты историко-правовых событий, конфессиональной политики царского правительства в конце XVIII – середине XIX века нашли свое отражение в трудах М.В.Цвилик, Г.Я.Киприановича, Т.П.Короткой, И.Н.Кузнецова, Г.Ч.Лянькевича, А.Мартоса, А.И.Осипова, И.И.Птухи, В.А.Тепловой, В.А.Шелкопляса, А.Б.Григорьева, Г.А.Гребенникова, О.В.Золотарева, М.О.Без-Корниловича, А.А.Керсновского, И.К.Новожилова, А.Е.Савинкина и др.

Основная часть

После включения белорусских земель в состав Российской империи требовалось в кратчайшие сроки сформировать надежную охрану и оборону западных территорий. При этом стояла задача по безболезненной интеграции части вооруженных формирований Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) в подразделения российской армии, постепенной адаптации личного состава к новым условиям жизни и деятельности войск, отличавшимся от условий вооруженных

сил ВКЛ не только правовой регламентацией боевой деятельности, но и наличием юридически оформленной и практически реализованной системы взаимодействия воинства и священнослужителей в перманентном формате [1, с. 68–77; 2, с. 17].

Одновременно нельзя не учитывать, что военнослужащие армейских подразделений нового состава являлись участниками вооруженных конфликтов и обязаны были находиться в постоянной готовности к ведению военных действий. Поэтому, несмотря на проводимую вероисповедальную политику российского государства, указанная категория лиц независимо от социального происхождения и национальности нуждалась не только во всесторонней материальной поддержке, но и в необходимом в этих условиях дифференцированном духовном окормлении (обеспечении).

Обязательность постоянного нахождения духовенства среди военнослужащих предписывалась Воинским уставом 1716 года, утвержденным царем и великим князем всея Руси (императором Всероссийским с 1721 года) Петром I (1672–1725 годы), в котором было юридически закреплено требование о назначении в каждый полк священнослужителя [3, с. 21]. Необходимо учитывать, что в Российской империи с 1721 года православную церковь включили в систему органов государственного управления, образовав для ее руководства Духовную коллегию, впоследствии переименованную в Святейший Синод. Создание этого органа, возглавляемого светским чиновником – обер-прокурором, с одной стороны, обеспечивало православной церкви всемерную государственную поддержку, а с другой стороны, ставило ее функционирование и развитие под строгий государственный контроль, в значительной степени закрепляя зависимое положение, нивелируя достижения и преимущества и в целом равноправный характер прежней парадигмы двустороннего взаимодействия, сбалансированность и эффективность принимаемых решений.

В данном контексте принципиальным нововведением стал тот факт, что кадровые и иные сугубо внутрицерковные вопросы на местах регулировались уже церковно-административными органами управления – консисториями, созданными при епархиях (административно-территориальных единицах – местных церквях с учреждениями, приходами, монастырями, подворьями, возглавляемых архиереями). Совершенно закономерно практика столь серьезно трансформированных «сверху» российских государственно-церковных отношений стала распространяться на присоединенные земли Беларуси, в том числе и в вооруженных формированиях [2, с. 16].

Российский исследователь И.К.Новожилов, анализируя законодательное становление и развитие института военного духовенства армии и флота Российской империи, сугубо по формализованным организационно-административным параметрам выделяет четыре основных этапа организации его деятельности: первый – 1716–1800 годы (полковые и корабельные священники имели двойное подчинение со стороны епархиального (для армии) или синодального (для флота) и военного руководства по месту дислокации); второй – 1800–1830 годы (для организации единого управления полковыми и корабельными священниками вводится обер-священник армии и флота, которому было подчинено военное и морское духовенство); третий – 1830–1890 годы (деятельность военного и морского духовенства осуществляется в виде двух самостоятельных, не подчиненных друг другу, параллельно действующих структур); четвертый – 1890–1918 годы (становление единой системы управления военного и морского духовенства) [3, с. 21–52].

Тем не менее, как представляется автору, указанная периодизация, имея определенные содержательные пробелы, не вполне применима при рассмотрении вопросов становления, развития и юридического закрепления взаимодействия воинства и священства непосредственно на белорусских территориях, хотя бы по причине наличия здесь иных условий и существенных особенностей взаимоотношений армии и церкви.

Важно учитывать, что почти сразу текущее взаимодействие военного руководства вооруженных формирований, дислоцированных на территории Беларуси, с военным духовенством выстраивалось по административно-территориальному принципу. В губерниях высшую государственную власть представляли генерал-губернаторы, которые в своей деятельности руководствовались указами императора, Законом 1775 года «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» и предписаниями Сената. В 1796 году царское правительство восстановило на западных территориях белорусских земель (в Слонимской и Виленской губерниях) действие Статута ВКЛ 1588 года, а также ряд прежних названий (поветы вместо уездов) и должностей (поветовый маршал, подкоморий, поветовый хоружий и др.) [4, с. 111–114].

Налаживание взаимоотношений воинства и духовенства непосредственно на территории Беларуси в начале XIX века совпало с проведением ряда крупных преобразований в организационно-штатной структуре российской армии. На территории Беларуси были сформированы 4 полка по национальному признаку: конный литовский и конный польский (из белорусов и литовцев), конный татарский (из белорусских и

литовских татар), пехотный белорусский (исключительно из белорусов), каждый из которых имел тысячный состав: 500 человек шляхты и 500 человек шеренговых (рядовых). Комплектование уланских полков осуществлялось за счет уроженцев белорусских губерний, а из местных воинов в основном формировались гарнизонные войска в городах Беларуси. В 1811 году белорусы, являясь десятой частью 40-миллионного населения Российской империи, составляли в регулярных российских войсках до 15 % военнослужащих [5, с. 34, 42–44]. Кроме того, государственная граница в западных губерниях Российской империи от Паланги до устья реки Днестр (место дислокации молдавской армии) охранялась «военной стражей» (пограничными войсками), состоявшей из 11 казачьих и двух конно-татарских полков, которые были приписаны к пехотным дивизиям и имели двойное подчинение: начальникам дивизий и военному губернатору [1, с. 100–101; 6, с. 12].

С 1802 по 1811 год формировалась и «внутренняя стража» (внутренние войска) – специальные воинские формирования «внутреннего употребления» из штатных гарнизонных рот и штабных команд. В каждой губернии были созданы батальоны внутренней стражи трехротного состава, которые в соответствии с Положением для внутренней стражи, утвержденным Указом императора от 3 июля 1811 г., так же, как и пограничные войска, имели двойное подчинение: военному и губернскому начальству [7, с. 18–20].

Что касается деятельности военных священнослужителей, то таковая организовывалась постепенно в процессе создания и реорганизации вооруженных формирований, их размещения на территориях, приобретенных Российской империей в 1772, 1773 и 1795 годах, применительно к административно-территориальному делению на епархии. Военные (полковые) священники, проходившие службу в подразделениях российской армии, в мирное время находились в ведении епархиального духовенства по месту дислокации войск. Для оперативного руководства и качественной организации деятельности военных священнослужителей в случае начала ведения армейскими подразделениями военных действий в соответствии с инструкцией Святейшего Синода с 1797 года назначались обер-полевые священники, имевшие двойное подчинение – главнокомандующему войсками и Святейшему Синоду. 4 апреля 1800 г. императорским указом утверждается должность обер-полевого священника на постоянной основе с распространением его полномочий по организационной и кадровой деятельности не только в военное, но и мирное время [8, с. 233–234; 9, с. 236].

Это нововведение имело огромное значение для организации взаимодействия православных священнослужителей с командованием войск и

их практической деятельности по духовному окормлению воинства, призванного по рекрутской повинности с белорусских территорий и имевшего различное отношение к вероисповеданию (православное, католическое, униатское, мусульманское и др.). В ситуации многообразия вероисповеданий среди воинства военные священники, помимо удовлетворения религиозных потребностей, являлись ключевыми действующими лицами в решении проблемы недопущения недоразумений и конфликтов на религиозной почве среди военнослужащих, объединяя их согласно требованиям воинского единоначалия для беспрекословного и неукоснительного выполнения поставленных армейским командованием боевых задач.

В своей деятельности военные священники руководствовались, прежде всего, Артикулом воинским от 25 апреля 1715 г. [10], вошедшим в Воинский устав от 30 марта 1716 г. [11] в качестве приложения к нему и регламентировавшим отношение военнослужащих к религии (артикулы (статьи) 1–8 главы 1 «О страхе Божии») и порядок проведения богослужений в войсках (артикулы 9–17 главы 2 «О службе Божией и о священниках») [8, с. 414–417]. Глава 1 содержала не только требования к нравственному состоянию солдат и офицеров с позиций христианской морали, но и определяла санкции за недопустимые деяния в виде штрафа, телесного наказания, прожжения языка раскаленным железом или смертной казни.

Оценивая приведенные выше виды наказаний, в особенности телесные, автор полагает, что представители православного военного духовенства по роду и специфике своей деятельности, а также обязанности деликатного отношения к каждому военнослужащему в вопросах вероисповедания не выступали приверженцами излишне строгих мер воздействия. При этом военное командование, осознавая значение религии для укрепления дисциплины, формирования единого (единообразного) понимания боевых задач, поддержания высокого морального и боевого духа, административными мерами обеспечивало проведение военным священством богослужений и других служб в частях с привлечением всех военнослужащих.

Представители инославных религий (католики, униаты) и иноверцы (представители нехристианских религий – мусульмане) также принимали участие в проводимых богослужениях и молебствиях, за исключением церковных таинств – исповеди (покаяния), евхаристии (причащения), соборовании (еleosвящения) и др. [12, с. 169–171]. Для удовлетворения религиозных потребностей указанной выше (неправославной) части воинства военные священники по согласованию с командованием контактировали по месту дислока-

ции воинских частей со священнослужителями соответствующих конфессий [13, с. 35–36].

Отметим, что в рассматриваемый период деятельность военных священников была направлена, прежде всего, на прямое выполнение своих священнических (пастырских) обязанностей по духовному окормлению военнослужащих вооруженных формирований и включала в себя: совершение богослужений в походных и стационарных (приходских) церквях по месту дислокации, подготовку военнослужащих к участию в церковных таинствах (исповеди, причастии, соборовании, крещении), проведение молитвословий (молебнов) и совершение церковных таинств в казармах, домах, квартирах, лазаретах, госпиталях, ведение бесед с наставлением воинов всех вероисповеданий в правилах беспредельной преданности государю, повиновении начальству и усердии на службе, выполнении обязанностей по совести и глубокому убеждению в святости своего долга. В госпиталях и лазаретах военные священники беседами и совершением молитвословий утешали раненых и больных, а во время участия в вооруженном конфликте, непосредственно находившись в районе ведения боевых действий, поддерживали и укрепляли морально-боевой дух воинства.

Особенно ярко проявились перечисленные выше и новые формы и направления деятельности военного духовенства в период Отечественной войны 1812 года. В частности, с отступлением двух российских армий с Северо-Западного края (1-й Западной армии М.Б.Баркляя де Толли и 2-й Западной армии П.И.Багратиона) [14, с. 438–448] на белорусских территориях развернулось партизанское движение из крестьян против наполеоновских войск. Оно было как стихийным, так и организованным, причем партизанские отряды находились под командованием не только кадровых, но и отставных офицеров, а также дворян, старост, иногда даже священников. Стихийное сопротивление оказывалось в основном группам французских мародеров, которые сначала требовали от местного населения пищу, деньги и водку, а потом отбирали у них съестные припасы, рогатый скот, домашнюю птицу, одежду, белье, обувь. Организованная борьба координировалась и направлялась руководителями партизанских отрядов совместно со священнослужителями, призывавшими местное население к активному противостоянию оккупационным войскам, которое осуществлялось посредством вооруженных нападений на отдельные подразделения наполеоновских войск, а также пассивного саботажа в исполнении требований оккупационных властей по поставкам в войска рекрутов, продовольствия, лошадей, фуража и т.д.

Партизанское движение носило ярко выраженный антизахватнический характер и было направлено против французских войск, кото-

рые, несмотря на внешне объявленное «освобождение» от власти Российской империи, на самом деле занимались грабежом населения, разрушением и осквернением национальных святынь – храмов, монастырей [15, с. 35–35, 180; 16, с. 222–225]. Впрочем, на оккупированных губерниях белорусской и литовской территорий отмечались и случаи коллаборационизма (сотрудничества с оккупантами), хотя и значительно реже, нежели на исконно польских землях [5, с. 34–37].

Всего в Отечественной войне 1812 года погибло на поле боя, во вражеском плену, а также от ранений и болезней около 50 полковых священников [17, с. 253]. Неслучайно после войны многие военные священники были отмечены не только государственными церковными наградами (набедренным, скуфьей, камилавкой, наперсным крестом), но и государственными светскими, предназначенными для офицерского состава, орденами [9, с. 238–239, 335–342; 17, с. 253–256; 18, с. 30–34; 19, с. 95–97].

Тем не менее, следует отметить, что в декабре 1812 года после изгнания наполеоновских войск с белорусских территорий обострились политические противоречия в Северо-Западном крае Российской империи, приведшие к восстанию 1830–1831 годов [20, с. 252–258], в котором приняла участие большая часть римско-католического и униатского духовенства, активно поддерживавшая мятежные движения. Эти события ориентировали российскую религиозную политику на укрепление позиций православной церкви и ослабление католицизма. В западных губерниях Российской империи в 1840 году были закрыты с конфискацией земельных угодий более 30 [21, с. 286–287], а в 1860 году – свыше 20 католических монастырей [12, с. 210–214]. Для недопущения выступлений политического характера в костелах в 1852 году российское правительство издало распоряжение о произнесении проповедей, прошедших цензуру и напечатанных в соответствующем сборнике [21, с. 287]. В отношении униатской церкви в Полоцке униатские епископы 12 февраля 1839 г. подписали соборное постановление о воссоединении униатов с православной церковью, которое было рассмотрено Святейшим Синодом 23 марта и 25 марта того же года утверждено императором [5, с. 37–39; 13, с. 39–40].

Заключение

Таким образом, взаимодействие (совместную деятельность) командования российских войск с военным духовенством на белорусских территориях с конца XVIII до середины XIX века по существу можно определить как административно-территориальный период, характеризующийся интеграцией части воору-

женных формирований ВКЛ в подразделения российской армии и постепенной адаптацией личного состава к новым условиям жизнедеятельности войск, выстраиванием юридически оформленной применительно к епархиальному территориальному устройству системы взаимоотношений совместной деятельности (взаимодействия) военного командования и священства. Выстраивание такой системы требовало обязательного согласования с ментальными особенностями военнослужащих бывших вооруженных сил ВКЛ, ранее проходивших службу в условиях действия законодательства ВКЛ и Речи Посполитой, так как в новых законодательных условиях православное вероисповедание имело статус государственной религии, а остальные христианские вероисповедания (римско-католическое, греко-католическое и др.) и нехристианские конфессии (мусульманские, иудейские и др.) признавались терпимыми. По организации церковно-духовной деятельности военный священник подчинялся местному епархиальному архиерею, а по служебным вопросам — соответствующему военному начальству.

Утверждение в 1800 году должности обер-священника на постоянной основе позволило применительно к новым реалиям выстроить взаимодействие православных священнослужителей с командованием войск и воинством, призванным по рекрутской повинности с белорусских территорий и имевшим различное отно-

шение к вероисповеданию. Такое сотрудничество, которое особенно ярко проявилось в Отечественной войне 1812 года и более поздних вооруженных конфликтах, способствовало весьма эффективному объединению военнослужащих для неукоснительного выполнения поставленных армейским командованием боевых задач и недопущения среди них разногласий на религиозной почве.

Современная военная дидактика (теория обучения военнослужащих) признает, что лица, обладающие твердой верой и глубокими нравственными убеждениями, способны на подлинно жертвенное служение Отечеству, что особенно ярко проявляется в период войн и вооруженных конфликтов. Указанная мировоззренческая позиция является важным качеством для личного состава вооруженных формирований Республики Беларусь. Поэтому и на современном этапе в войсках «система духовно-нравственного воспитания должна опираться на глубинную религиозную мотивацию, предполагающую абсолютность и незыблемость нравственности норм» [22, с. 394–398], что полностью согласуется и с ключевыми положениями Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, закрепляющими приоритет в ходе реализации государственной политики мероприятий, ориентированных «на сохранение и умножение духовного и историко-культурного потенциала страны» [23, пункт 52].

ЛИТЕРАТУРА

1. История пограничной службы Беларуси: учеб. пособие / В.В. Давыдик [и др.]; под общ. ред. В.Г. Мойсеенко. — Минск: ИВЦ Минфина, 2011. — 438 с.
2. Цвилик, М.В. Исторические формы и опыт правового регулирования конфессиональной политики в Беларуси / М.В. Цвилик // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь: сб. док. и мат-лов / авт.-сост. М.В. Цвилик; под ред. В.И. Новицкого. — Минск: Четыре четверти, 2005. — С. 9–30.
3. Новожилов, И.К. Взаимодействие Церкви и Армии. История и современность / И.К. Новожилов. — Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. епархии, 2004. — 160 с.
4. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. — Минск: Дикта, 1999. — 272 с.
5. Лянькевич, Г.Ч. Вооруженные формирования Беларуси. К юбилеям великих побед / сост.: Г.Ч. Лянькевич, И.И. Птуха; редкол.: В.В. Гайдукевич [и др.]. — Минск: Беларусь, 2005. — 136 с.
6. Мищенко, В.Г. Граница. Вехи истории Пограничных войск Беларуси / В.Г. Мищенко. — Минск: Междунар. центр культуры книги, 2005. — 80 с.
7. Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность / А.М. Литвин [и др.]; под общ. ред. В.Г. Рожнева. — Минск: ФУАинформ, 2006. — 304 с.
8. Савинкин, А.Е. Христоролюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии / А.Е. Савинкин [и др.]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский путь, 2006. — 544 с.
9. Григорьев, А.Б. Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской Армии / А.Б. Григорьев. — М.: Кучково поле: Жуковский, 2005. — 472 с.

10. Артикул воинский от 25 апреля 1715 г. // Викитека – свободная библиотека [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Артикул_воинский. – Дата доступа: 27.05.2012.
11. Устав воинский о должности генералов, фельд-маршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведеньях, что каждому чину чинить должно от 30 марта 1716 г. [Электронный ресурс] // Законодательство Петра I / отв. ред.: Т.Е. Новицкая, А.А. Преображенский. – М.: Юрид. лит., 1997. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.Ru/ER/Ystav1716/htm>. – Дата доступа: 27.05.2012.
12. Киприанович, Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г.Я. Киприанович. – Минск: Белорус. Дом печати, 2006 – 352 с.
13. Короткая, Т.П. Христианство в Беларуси: история и современность / Т.П. Короткая, А.И. Осипов, В.А. Теплова. – Минск: Молодежное науч. о-во, 2000. – 72 с.
14. Баиов, А.К. История русского военного искусства: в 2 т. / А.К. Баиов; сост. М.Б. Смолин. – М.: ФондИВ, 2008. – Т. 2. – 520 с.
15. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии (с привосокуплением и других сведений к ней же относящихся) / М.О. Без-Корнилович. – С.-Петербург: III отд. собст. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 356 с.
16. Беларусь в составе Российской империи / Р.В. Анофренко [и др.] // Республика Беларусь: энцикл.: в 6 т. / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]. – Минск: БелЭн, 2005. – Т. 1. – С. 216–256.
17. Ласкеев, Ф. Ратный труд военных пастырей. Общие итоги деятельности за 1800–1900 гг. / Ф. Ласкеев // Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии / сост. А.Е. Савинкин [и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2006. – С. 249–262.
18. Золотарев, О.В. Христолюбивое воинство русское / О.В. Золотарев. – М.: Граница, 1994. – 110 с.
19. Гребенников, Г.А. Заступники Руси Святой / Г.А. Гребенников. – М.: Благо, 2004. – 176 с.
20. Керсновский, А.А. История Русской Армии / А.А. Керсновский. – М.: Воениздат, 1999. – 782 с.
21. Мартос, А. (архиепископ Афанасий). Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2000. – 352 с.
22. Военная дидактика: учеб. / О.Е. Андрюнин [и др.]; под общ. ред. В.Г. Михайловского. – 2-е изд. – М.: ИД «Куприянова», 2010. – 503 с.
23. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575. – Минск: Белорус. Дом печати, 2011. – 48 с.

Дата поступления статьи в редакцию 12.10.2012

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

БЕХИ КАМБИЗ,
аспирант Белорусского государственного университета

В статье описываются некоторые главные и отличительные черты постсоветских конституций Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины. Уделяется значительное внимание двум дихотомиям, которые проявились в постсоветской конституционной теории и практике. Освещается главная цель трех конституций – учреждение новых государств-наций, которые возникли после распада Советского Союза, а также норм, принципов универсальных прав человека и личности, которые зачастую расходятся с другими правилами и принципами, в частности с широкими полномочиями исполнительной власти, которые появились в трех новых конституциях, а также с предпочтением института президентства.

This article describes some of the main features and characteristics of post-Soviet constitutions of three independent countries: the Russian Federation, the Republic of Belarus and Ukraine. Devotes considerable attention to the two dichotomies, which appeared in the post-Soviet constitutional theory and practice. It covers the main goal of the three constitutions – the establishment of new nation-states that emerged after the collapse of the Soviet Union – and other rules, principles of universal human rights and identity, which are often at variance with other rules and principles, in particular the large powers of the executive power, which appeared in three new constitutions, as well as the institution of the presidency preference.

Введение

После падения коммунизма в Восточной Европе и Советском Союзе конституционные реформаторы стремились заменить коммунистические конституции моделями, совместимыми с принципом верховенства права. Новые независимые страны приняли конституции, что стало важнейшим инструментом реформаторов для учреждения независимых демократических государств, опирающихся на верховенство права. Разработчики новых конституций все больше и больше использовали западные модели для руководства при создании конституций. Новое направление согласовывалось с задачами маркизации, демократизации и национального строительства.

Как любой политический итог, конституционное строительство было в основном результатом политической борьбы доминирующих сил в государстве и общих геополитических факторов

страны. Конституционное развитие в бывших коммунистических странах Восточной Европы было нацелено на вступление в Европейский союз (далее – ЕС). Под влиянием Российской Федерации три республики бывшего Советского Союза проложили другую дорогу к независимости, внедряя в свои конституции несколько иные позитивные государственные факторы, отличающиеся от восточноевропейской модели. Среди вопросов, которые отделили конституционную модель трех постсоветских республик от европейских и американских моделей, большую роль сыграла концепция руководителя, или, иначе говоря, концепция «государства», как она сейчас понимается в постсоветском контексте, наряду с практикой судебного и конституционного контроля.

Но в целом, как справедливо отметил Г.Г.Арутюнян, «правовое государство, народо-властие, верховенство права, достоинство человека, свобода, конституционная демократия, разделение властей, общественное согласие, ра-

венство, плюрализм, солидарность и другие общепризнанные ценности в их органическом единстве составляют основу конституционных решений» [1].

Определенный позитивный аспект постсоветских конституционных норм об экономических и социальных правах направил конституции вышеупомянутых республик на путь, несколько отличный от восточноевропейских членов ЕС. Хотя новые конституции следует рассматривать с точки зрения перспективы перехода, есть определенные конституционные положения, которые предполагают последовательность, отделяя эти конституции от капиталистических. Особенно важна роль социальных и экономических норм в постсоветских конституциях, а именно включение таких норм и правовых положений как обширных социальных и экономических прав, в том числе право на охрану здоровья, пособие по безработице и т.п.

1. Национальное строительство и верховенство права

Для того чтобы лучше понять конституционное развитие в бывших советских республиках, необходимо отметить, что исторический контекст конституционного формирования и трансформации в посткоммунистических странах существенно отличался от того, в котором сформировались классические конституции, например во Франции или США, где частные экономические интересы, такие как справедливые налоги, таможенные и другие пошлины, а также право собственности, послужили толчком к конституционному формированию в ранние революционные периоды, когда конституция была написана. Более того, концепция гражданского общества сыграла центральную движущую силу после классических революций, которые фокусировались на свободе личности от монархических режимов.

В отличие от классических конституций основной целью конституционного развития бывших советских республик являлись национальное строительство и формирование государства. Главный интерес разработчиков новых конституций заключался в отрыве от советских времен и учреждении независимых национальных государств. Новая политическая элита рассматривала создание новых конституций в качестве первого шага к отрыву от прошлого и основного инструмента для учреждения полностью новой правовой инфраструктуры для независимого государства [2]. Разработчики конституций особое внимание уделяли трансформированию конституций советского периода и моделированию новых институтов, приближая независимые страны к демократизации и, самое важное, к политической независимости и национальному

строительству. Поэтому создание новых конституций стало основной задачей для политической элиты в установлении новой символики и целей новых государств.

На общем уровне конституции, написанные в России, Беларуси и Украины, отражают пути национального строительства. Начальной целью разработки конституций в этих странах стали национальное самоопределение и суверенитет. Новые конституции созданы как противоположность конституций СССР. В преамбуле Конституции Российской Федерации, например, содержатся такие формулировки, как «многонациональный народ», «соединенные общей судьбой», «сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству...» [3]. Конституция Республики Беларусь закрепила «многовековую историю развития белорусской государственности» [4], тогда как Конституция Украины включает формулировку «многовековую историю украинского государственного строительства и на основе осуществленного украинской нацией, всем Украинским народом права на самоопределение» [5].

Для новых конституций характерна тенденция к глобализации в учреждении фундаментальных и международных прав человека. Они содержат гарантии свободы слова, свободы совести и права создания политических партий. Во многих случаях нормы международного права признаются составной частью национальной правовой системы, им придается более высокая юридическая сила в случае конфликта с национальным законодательством.

Правовые принципы закреплены в первых разделах конституций, которые регулируют основы государственного строя. В Конституции Российской Федерации, например, закреплено, что «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [3]. Республика Беларусь в разделе I Конституции определена как «унитарное демократическое социальное правовое государство» [4]. В Конституции Украины закреплено, что «Украина есть суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство» [5].

После вступительных разделов в духе демократического государства конституции Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины закрепляют международно-правовые принципы, в частности права человека и личности. Конституционные реформаторы установили приоритет гражданских свобод и социальных прав в течение начальной стадии конституционного образования, но также включили принципы свободного рынка и положение об охране част-

ной собственности. Были приняты гарантии свободы слова, свободы совести, права образовывать политические партии, принципов, запрещающих дискриминацию, а также процессуальные гарантии для лиц, обвиняемых в преступлении.

На начальных стадиях перехода от СССР к независимости авторы конституций решили включить в них положения, согласно которым разрешалось бы прямое применение норм международного права и устанавливалась их юридическая сила выше государственных законов. Новая Конституция Российской Федерации, например, предусматривает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». На вопрос об общепризнанных положениях о правах человека данная Конституция предусматривает, что права человека признаются и гарантируются в качестве конституционных принципов «в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» [3]. Когда в Конституционном Суде возбуждается конкретное дело о том, как толковать статью 17 Конституции, Суд уполномочен предоставить приоритет всеобщим правам человека в отношении с другими национальными правами в случае необходимости.

Форма российского государства в Конституции определена как федерация. Это говорит о том, что применение конституционных принципов России в других республиках может иметь сложности. Характер правовых актов внутригосударственных образований, а также международных организаций может оставаться неясным и открытым для толкования Конституционным Судом. Российская Конституция, как и западно-европейские конституции, допускает передачу некоторых полномочий Российской Федерации «межгосударственным объединениям», и в то же время такая передача ограничена двумя положениями: во-первых, она должна осуществляться в соответствии с международными договорами (ратифицированными Парламентом Российской Федерации), а во-вторых, не должна влечь ограничения прав и свобод человека и гражданина и противоречить основам конституционного строя Российской Федерации [3].

Конституция Республики Беларусь, как и Конституция Российской Федерации, гарантирует все основные права и свободы, предусмотренные Всеобщей декларацией прав человека. Конституция в качестве основных прав человека разделяет политические, личные, социальные и экономические права. Язык Конституции Рес-

публики Беларусь отличается от Конституции Российской Федерации тем, что права личности провозглашаются в социальном русле: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [4]. Помимо этого общего положения Конституция содержит ряд мер защиты человека и прав личности, включая право на жизнь, право на судебную проверку законности задержания или ареста и т.п. [4].

Конституция Республики Беларусь в сравнении с Конституцией Российской Федерации имеет, на наш взгляд, содержит более консервативный подход к международным организациям. В целом правовые акты международных организаций могут подлежать проверке Конституционным Судом на предмет конституционности. Тем не менее, что касается прав человека, Конституция гарантирует право каждого «в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [4].

Конституция Украины, как и конституции Беларуси и России, установила в качестве конституционного принципа, что государство должно руководствоваться принципами международных норм «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». Что касается прав человека, Конституция гарантирует, что «каждый имеет право обращаться за защитой своих прав к Уполномоченному Верховной Рады Украины по правам человека. Каждый имеет право после использования всех национальных средств правовой защиты обращаться за защитой своих прав и свобод в соответствующие международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом или участником которых является Украина» [5].

2. Исполнительные полномочия

Обширные законодательные полномочия исполнительной власти в Российской Федерации, Республике Беларусь и Украине являются основным отличием от конституционных систем ЕС и США. Многие черты исполнительной власти американской формы конституционализма малоприспособны для республик бывшего Советского Союза, где в переходный период предпочтительнее концепция сильного государства. В американском политическом лексиконе понятия «государство» и «федеральное правительство» понимаются в минимальном значении и влияют на общее национальное развитие США. В постсоветских конституциях, напротив,

в национальном развитии особое внимание уделяется роли государства как основного инструмента централизации.

В целом основные политические разногласия в течение конституционного развития в постсоветских республиках наметились между теми, кто был за парламентскую республиканскую систему, и теми, кто призывал к сильной президентской власти [6]. В каждом из трех государств разногласия были решены в пользу от полупрезидентской до сильной президентской власти, но в некоторых случаях границы между исполнительной, законодательной и судебной властями не были четко определены [3]. Должность Президента России, например, является мощным сочетанием исполнительной, законодательной и судебной власти, хотя в Конституции его главная задача определена как гарант Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, он «принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти» [6].

Президент также владеет законодательными полномочиями, издавая указы и распоряжения [7]. Согласно Конституции Президент является хранителем демократического порядка, что подразумевает исполнительные и законодательные полномочия, а также возможность использовать форму «судебного пересмотра». Более того, Президент России вправе «приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом».

Законодательные полномочия Президента регулируются статьей 90 Конституции, которая закрепила, что «Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения» и что «указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации» [3].

Процесс приостановки действия законов Президентом дает судебные полномочия по толкованию текста Конституции. Поэтому можно сказать, что в дополнение к исполнению и принятию законов Президент также имеет право временного судебного или конституционного контроля предшествующих режимов. Только в Конституции закреплено, что указы Президента сами подвергаются судебному контролю: «указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам». Такой

акт, однако, не подвергается автоматически судебному контролю, а только если Государственная Дума или другой государственный орган возбуждает дело в Конституционном Суде Российской Федерации.

Сильная исполнительная власть представлена также в Конституции Республики Беларусь. Конституция, принятая в марте 1994 года, была уточнена в 1996 году, когда в первоначальный текст были добавлены новые полномочия исполнительной власти. Также был создан двухпалатный парламент, Президент наделен правом назначать восемь сенаторов [6]. Изменения позволили Президенту распускать палаты Парламента [4]. Президент имеет право законодательной инициативы в отношении законов, следствием принятия которых может быть сокращение государственных средств или увеличение расходов, издавать указы и распоряжения, имеющие обязательную силу [4].

Более того, Президент может назначать на должность и освобождать от должности всех министров, только назначение Премьер-министра требует согласия Парламента. Согласно ст. 106 Конституции, «Правительство в своей деятельности подотчетно Президенту Республики Беларусь и ответственно перед Парламентом Республики Беларусь» и «Премьер-министр назначается Президентом Республики Беларусь с согласия Палаты представителей». Также «в случае двукратного отказа в даче согласия на назначение Премьер-министра Палатой представителей Президент Республики Беларусь вправе назначить исполняющего обязанности Премьер-министра, распустить Палату представителей и назначить новые выборы» [4].

В Украине правовое урегулирование было завершено в 1996 году учреждением полупрезидентской-полупарламентской конституционной системы. Как и конституции России и Беларуси, принятие конституционных норм в Украине несколько отличалось от западного конституционализма особым вниманием к сильной исполнительной власти. Конституция Украины 1996 года отражает влияние российской модели, в которой исполнительная власть также имеет широкие полномочия, хотя, в сравнении с Россией и Беларусью, исполнительная власть в Украине намного больше ограничена.

Президент Украины является главой государства. Он ответственен за поддержание государственного суверенитета, территориальной целостности Украины, соблюдение Конституции Украины, прав и свобод человека и гражданина. Более того, Президент имеет право, наравне с Верховной Радой, созывать референдум. В соответствии с Конституцией Президент, избираемый на пять лет, является главой государства, в то время как большинство исполнительных полномочий принадлежит Кабинету Министров,

хотя между этими двумя институтами существует значительная несогласованность. Конституция позволяет Президенту назначать Премьер-министра с согласия Парламента, но Президент вправе освободить Премьер-министра от должности в одностороннем порядке, а также отменить акты Кабинета Министров. По рекомендации Премьер-министра Президент также назначает остальных членов Кабинета Министров.

В Украине государственная власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Единственным законодательным органом является парламент – Верховная Рада, состоящий из 450 членов и избираемый на 4 года. В его полномочия входят принятие законов, дача согласия на назначение Премьер-министра, предложенного Президентом. Парламент может также преодолеть законодательное вето Президента двумя третями голосов. Президент может распустить парламент, если в течение 30 дней одной очередной сессии пленарные заседания не могут начаться. В это время он является Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил и возглавляет Совет национальной безопасности. Решения Совета, изданные в форме указа Президента, имеют силу закона. И Президент, и Премьер-министр имеют право издавать исполнительные приказы, имеющие силу закона. Но приказы Президента в области иностранных дел, назначения должностных лиц, военной и национальной безопасности, а также решения о роспуске Парламента должны утверждаться Премьер-министром [8].

Заключение

Новые конституции ввели общий принцип, связанный с верховенством права и демократией, включая разделение властей, внедрение международных принципов прав человека, создание независимых судов, в том числе конституционного.

В отличие от классических конституций основной целью конституционного развития бывших советских республик являлись национальное строительство и формирование государства. Главный интерес разработчиков новых конституций заключался в отрыве от советских времен и учреждении независимых национальных государств.

На начальных стадиях перехода от СССР к независимости авторы конституций решили включить в них положения, согласно которым разрешалось бы прямое применение норм международного права и устанавливалась их юридическая сила выше государственных законов. Такое решение внесло значительный вклад в укрепление международных прав человека в постсоветских странах.

При создании новых конституций России, Беларуси и Украины основные споры велись между сторонниками парламентаризма и приверженцами сильной президентской власти. Во всех трех случаях конфликт был разрешен в пользу президентской формы правления. Стоит отметить, что ветви государственной власти не подверглись четкому разграничению. Например, Президент Российской Федерации наделен широкими полномочиями не только в сфере исполнительной власти, но и в других областях государственной жизни.

Сильное положение исполнительной власти закреплено также в Конституции Республики Беларусь. Конституция, принятая в марте 1994 года, подверглась в 1996 году существенным изменениям, согласно которым исполнительная власть была наделена широкими полномочиями. Президенту было предоставлено право законодательной инициативы (в том числе по вопросам республиканского бюджета), а также издавать декреты и указы, имеющие силу законов.

Украина в результате длительных обсуждений последней из республик бывшего СССР приняла новую конституцию. Конституция 1996 года отражает влияние российской модели конституционализма, в которой исполнительная власть наделена полномочиями во многих сферах государственного управления, однако положение исполнительной власти в государственной иерархии Украины является более ограниченным.

Президент Украины ответственен за соблюдение государственного суверенитета, территориальной целостности Украины, Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина. Более того, Президент, как и Верховная Рада (украинский парламент), наделен полномочием назначать общегосударственный референдум по инициативе граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян, Г.Г. Некоторые деформации в конституционно-правовом развитии постсоветских государств / Г.Г. Арутюнян // Общее и особенное в современном экономическом и конституцион-

но-правовом развитии постсоветских государств: материалы междунар. науч. конф., С.-Петербург, 28 мая 2010 г. [Электронный ресурс]. – 2004. – № 2. – Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/structure/president/articles/peterburg_may_2010_ru.pdf. – Дата доступа: 21.02.2013.

2. Culic, I. State Building and Constitution Writing in Central and Eastern Europe after 1989 / I. Culic // *Regio Yearbook*. – 2003. – № 3. – P. 38–58.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: офиц. текст. – М.: Юрист, 2005. – 56 с.

4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

5. Конституция Украины [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/309>. – Дата доступа: 21.02.2013.

6. Robert, S. Legal Transplants and Political Mutations: The Reception of Constitutional Law in Russia and the Newly Independent States / S. Robert // *East European Constitutional Rev.* – 1998. – № 7. – P. 59–68.

7. Teitel, R. Post-Communist Constitutionalism: A Transnational Perspective / R. Teitel // *Columbia Human Rights Law Review*. – 1995. – № 26. – P. 167–190.

8. Steiger, S. New Constitution Enshrines Right to Property / S. Steiger // *Economic and Political Weekly*. – 1996. – Vol. 31. – № 49. – P. 3167–3168.

Дата поступления статьи в редакцию 15.11.2012

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

КИСЕЛЕВА Т.М.,

аспирант Белорусского государственного университета

В статье анализируются общие вопросы конституционных обязанностей в Республике Беларусь: понятие и сущность конституционных обязанностей, их специфические черты. Также рассматриваются обязанности государства и граждан, прямо закрепленные в Конституции Республики Беларусь. Приводится классификация конституционных обязанностей по различным основаниям.

This article discusses general issues of constitutional duties in the Republic of Belarus: the concept and essence of constitutional duties, their specific features. The is also look at the duties of the state and the citizens directly vested in the Constitution of the Republic of Belarus. A constitutional duties classification on various grounds is given.

В юридической литературе особое внимание уделяется правам и свободам личности, гарантиям их реализации. При этом такой важный элемент правового статуса, как обязанность, не получает должного изучения у правоведов, хотя никто из них не ставит под вопрос его значимость. Как справедливо отмечает С.Б.Кордуба, «конституционные обязанности имеют основополагающее значение для определения соотношения интересов человека, общества, государства, а также для отраслевого регулирования» [1, с. 3]. Проблема конституционных обязанностей получила относительно широкое отражение в работах советских ученых-государствоведов (Л.Д.Воеводин, В.А.Масленников, А.П.Таранов и др.), однако на современном этапе рассматриваются лишь отдельные вопросы данной тематики – моральный аспект конституционных обязанностей (А.Н.Бодак), вопросы экологической конституционной обязанности (Д.С.Велиева) и др. Комплексному изучению указанной проблемы должное внимание не уделяется, что и является целью данной статьи.

Если говорить о причинах такого отношения к юридическим обязанностям, то можно согласиться с Л.Д.Воеводиным, который видел их в кажущейся простоте обязанности. «На первый взгляд может показаться, что характеристика юридической обязанности может быть исчерпана кратким определением ее понятия, поскольку она не име-

ет той сложной внутренней структуры, которая присуща субъективному праву» [2, с. 26]. Однако юридические обязанности также заслуживают подробного изучения и анализа, так как без понимания обязанностей невозможно в полной мере уяснить сущность прав и свобод.

Изучение сущности и особенностей конституционных обязанностей в свою очередь невозможно без понимания юридической обязанности в целом, установления ее признаков.

Под юридической обязанностью в литературе понимают закрепленную в нормах права меру должного (общественно необходимого) поведения, устанавливаемую и гарантируемую государством в интересах граждан и общества, вытекающую из целей и задач, возложенных на субъекта правоотношений, являющуюся необходимым элементом его правового статуса и обусловленную его спецификой [3, с. 483].

Конституционные обязанности являются видом юридических обязанностей, обладают названными выше характеристиками, а также имеют специфические признаки.

Следует отметить, что конституционные обязанности можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле под конституционными обязанностями можно понимать меры должного поведения, закрепленные в нормах конституционного права. Но при таком рассмотрении теряется ряд специфических свойств, по-

зволяющих выделить данные обязанности в особый вид, так как нормы конституционного права регулируют конкретные правоотношения, устанавливая конкретные обязанности для определенного круга лиц, то есть отраслевые обязанности. Поэтому правильным будет узкое понимание конституционных обязанностей, в рамках которого конституционными обязанностями будут выступать лишь те, которые прямо закреплены в Конституции.

Конституционные обязанности по сравнению с иными юридическими обязанностями имеют ряд особенностей, вытекающих главным образом из особого статуса конституционного права и самой Конституции.

Во-первых, конституционные обязанности обладают верховенством. Исходя из этого, все иные обязанности, закрепленные в отраслевом законодательстве, должны им соответствовать. Однако верховенство конституционных обязанностей не означает, что отраслевые обязанности должны в точности дублировать конституционные. В отраслевом законодательстве могут устанавливаться различные льготы либо полное освобождение от обязанности. Данные случаи нельзя рассматривать как нарушение конституционных обязанностей, если они устанавливаются в соответствии с иными нормами Конституции, общими принципами права (например, отсрочка от армии, налоговые льготы и т.п.).

Во-вторых, обязанности, прямо закрепленные в нормах Конституции, служат правовой основой для всех других юридических обязанностей. Нормы Конституции выступают в качестве основной базы для всех иных национальных отраслей права. Так, отраслевые обязанности разрабатываются на основе конституционных обязанностей. При этом в отраслевом законодательстве могут закрепляться и иные обязанности, которые при этом не должны противоречить смыслу Конституции.

В-третьих, для каждого субъекта правоотношения существует одинаковый круг конституционных обязанностей. Требования норм Конституции, закрепляющих обязанности, распространяются на всех субъектов правоотношений, если иное специально не оговорено. При этом данные обязанности реализуются не только в рамках конституционных правоотношений, но и в иных отраслевых отношениях – брачно-семейных, налоговых, административных и др.

В-четвертых, конституционные обязанности имеют постоянно действующий характер и не имеют пространственных границ. Действие конституционных обязанностей, как правило, не ограничивается каким-либо периодом времени или нахождением на определенной территории.

В-пятых, конституционные обязанности характеризуются повышенной правовой защитой. Этот признак определяется источником их закрепления – Конституцией, Основным Законом государства. Все нормы Конституции, исходя из ее особого, основополагающего положения в системе нормативных правовых актов, подлежат повышенной правовой защите. Поэтому и конституционные обязанности, занимающие соответствующее положение по отношению к отраслевым обязанностям, также подлежат такой защите.

Особого внимания заслуживает проблема субъекта конституционных обязанностей. В большинстве случаев в норме прямо указываются лица, которым соответствующая обязанность адресована (граждане Республики Беларусь, государственные органы и т.п.). Однако в ряде статей используется термин «каждый». При буквальном толковании в данном случае следует понимать граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства. Представляется, что правильнее будет более широкий подход и к субъектам соответствующих конституционных обязанностей следует отнести также юридические лица и государственные органы, их должностных лиц. Как отмечает Д.С.Велиева, в данном случае недопустим «чисто формальный подход к определению содержания и области применения конституционных норм, в частности норм главы о правах и свободах человека и гражданина» [4, с. 8]. То есть конституционные обязанности, субъектом которых выступает каждый, имеют общий характер. Их исполнять в равной степени обязаны как физические лица, так и иные субъекты правоотношений – государство в лице уполномоченных органов и должностные лица, юридические лица. О необходимости исполнения данных обязанностей свидетельствует закрепление в законах, регулирующих деятельность соответствующих государственных органов, таких принципов деятельности, как принципы законности, уважения прав и свобод иных лиц и т.п.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что конституционная обязанность представляет собой закрепленную в нормах Конституции меру должного (необходимого) поведения, являющуюся правовой основой для иных обязанностей, имеющую общий характер, установленную и гарантируемую государством в интересах граждан и общества, являющуюся необходимым элементом конституционно-правового статуса, направленную на эффективное функционирование конституционных правоотношений.

В Республике Беларусь на конституционном уровне закреплен ряд конкретных обязанностей личности и государства.

Так, часть вторая статьи 34 Конституции устанавливает, что государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы [5].

К таким материалам в литературе (Г.А.Василевич) предлагают относить «решения, касающиеся предоставления или лишения его льгот, каких-либо преимуществ; материалы проверок органов дознания, следствия, прокуратуры и других; уголовные, гражданские и другие дела, где идет речь о привлечении к ответственности либо решаются вопросы по инициативе данного гражданина (например, он выступает в качестве истца)» [6, с. 386]. Помимо того, к данным материалам следует относить информацию, которая касается персональных данных граждан, является составной частью массивов персональных данных и находится в обладании соответствующих государственных органов и должностных лиц.

В соответствии с частью второй статьи 40 Конституции Республики Беларусь государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращения граждан и дать ответ по существу в определенный законом срок. Отказ от рассмотрения поданного заявления должен быть письменно мотивированным [5]. Порядок рассмотрения обращений граждан подробно регулируется Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 года «Об обращениях граждан и юридических лиц». Данный закон определяет понятие обращения граждан, порядок и сроки их рассмотрения, а также случаи, когда обращение не подлежит рассмотрению.

Часть третья статьи 32 Конституции закрепляет обязанность родителей или лиц, их заменяющих, воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, а также обязанность детей заботиться о родителях или лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь [5]. Названная обязанность уточняется нормами брачно-семейного законодательства. Так, согласно статье 75 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье под воспитанием понимается забота о физическом, духовном и нравственном развитии детей, об их здоровье, образовании и подготовке к самостоятельной жизни в обществе [7]. Необходимым элементом воспитания является содержание родителями своих детей. И в соответствии со статьей 91 названного Кодекса родители обязаны содержать своих несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, а статья 100 в свою очередь устанавливает, что дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь [7].

Статья 52 Конституции Республики Беларусь определяет, что каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан со-

блюдать ее Конституцию, законы и уважать национальные традиции [5]. Эта обязанность является общей для всех субъектов, распространяется как на физических, так и на юридических лица, как на граждан Республики Беларусь, так и на иностранных граждан, лиц без гражданства и т.д.

Указанная статья Конституции говорит о необходимости соблюдения только норм самой Конституции и законов. Данное положение носит общий характер, так как все нормативные правовые акты, соответствующие установленным требованиям, являются обязательными для исполнения. Поэтому данную норму следует толковать расширительно, исходя из чего следует понимать данную обязанность как необходимость соблюдения не только Конституции Республики Беларусь и ее законов, но и иных действующих нормативных правовых актов, соответствующих Конституции и вышестоящим актам.

Что касается обязанности уважать национальные традиции, то, как отмечает А.Бодак, «национальные традиции отражаются не только в правовых нормах, но они содержатся в культуре общества, его обычаях, религиозных устоях» [8, с. 33]. Эта особенность опосредует возможность наступления как юридической ответственности, если данные традиции нашли свое отражение в правовых нормах, так и нравственной, если правовые нормы соответствующими действиями не нарушаются.

В соответствии со статьей 53 Конституции каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц [5]. Как и предыдущая обязанность, данное требование распространяется на всех лиц, находящихся на территории Республики Беларусь. Сущность данной обязанности заключается в том, что права одного лица ограничиваются правами другого лица, то есть осуществление своих прав, свобод и законных интересов возможно лишь в той мере, пока они не нарушают права, свободы и законные интересы других лиц. Данная конституционная обязанность возлагает не только юридическое, но и нравственное требование.

Согласно статье 54 Конституции каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности [5].

В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 года «Об историко-культурной спадчыны Рэспублікі Беларусь» под историко-культурным наследием понимается совокупность наиболее отличительных результатов свидетельства исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях [9]. Главным образом данная конституционная обязанность заключается в недопу-

щении совершения действий, влекущих уничтожение или повреждение объектов историко-культурного наследия. При этом допускается использование историко-культурных ценностей, но только в соответствии с их историко-культурной значимостью и согласно законодательству Республики Беларусь. На пользователей таких объектов возлагается обязанность по обеспечению сохранности используемых ценностей.

Статья 55 Конституции провозглашает, что охрана природной среды – долг каждого [5]. В данной норме используется термин «долг», а не «обязанность» с целью указать на моральную сторону обязывания данной нормы. Однако это не означает, что указанная обязанность носит исключительно нравственный характер, ее неисполнение влечет юридические последствия.

Под природной средой в соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года «Об охране окружающей среды», понимается совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов [10]. Названный Закон устанавливает ряд обязанностей, уточняющих содержание конституционной обязанности по охране природной среды. В частности, к ним относятся такие обязанности, как обязанность беречь и охранять природную среду и рационально использовать природные ресурсы, выполнять требования в области обращения с отходами, пожарной безопасности и др.

Статья 56 Конституции закрепляет обязанность граждан Республики Беларусь принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей [5].

Отношения, связанные с исполнением данной обязанности, подробно урегулированы налоговым законодательством. Так, статья 6 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) раскрывает содержание понятия налога и сбора (пошлины). Также статья 13 НК устанавливает, что плательщиками налогов, сборов (пошлин) признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с законодательством возложена обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины) [11]. Однако Конституция Республики Беларусь закрепляет данную обязанность только в отношении своих граждан. Все иные плательщики, установленные налоговым законодательством, будут нести отраслевую налоговую обязанность.

В соответствии со статьей 57 Конституции защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь [5]. В данной норме указывается на юридический и моральный аспекты обязанности по защите государства. Названная обязанность адресована только гражданам Республики Беларусь,

но всем из них, а не отдельным категориям. Исполнение воинской обязанности или несение альтернативной службы не исчерпывают данную конституционную обязанность, но являются важными ее элементами. Исполнение воинской обязанности имеет целью подготовить население к защите республики. Саму же обязанность защищать Республику Беларусь следует рассматривать шире, включая запрет на любые действия, которые могут причинить вред национальной безопасности, территориальной целостности и т.п. Например, нарушением рассматриваемой конституционной обязанности будет выступать разглашение государственной тайны.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение конституционных обязанностей законодательством Республики Беларусь предусматривается юридическая ответственность в форме мер уголовной и административной ответственности. В ряде случаев предусматривается наступление дисциплинарной ответственности (например, нарушение порядка работы с обращениями), гражданско-правовой (нарушение прав охраняемой природной среды).

Все обязанности, закрепленные Конституцией Республики Беларусь, можно классифицировать по различным видам в зависимости от критерия, лежащего в основе соответствующей классификации. Так, в зависимости от субъекта, на которого обязанность возлагается, можно выделить:

1) конституционные обязанности государства. Исполняют их государственные органы и должностные лица, выступающие от имени государства (например, обязанность по предоставлению гражданам Республики Беларусь возможности ознакомления с материалами, затрагивающими их права и законные интересы);

2) конституционные обязанности граждан. В свою очередь данный вид обязанностей подразделяется на обязанности, возлагаемые исключительно на граждан Республики Беларусь (например, обязанность защищать Республику Беларусь), и обязанности, возлагаемые на всех физических лиц, находящихся на территории Республики Беларусь (обязанность по воспитанию детей, заботе о них);

3) конституционные обязанности, распространяемые на всех субъектов правоотношений (обязанность соблюдать Конституцию, законы и уважать национальные традиции).

В зависимости от сферы, в рамках которой исполняются обязанности, их можно подразделить на:

1) конституционные обязанности в политической сфере (обязанность соблюдать Конституцию и законы Республики Беларусь);

2) конституционные обязанности в экологической сфере (обязанность охранять природную среду);

3) конституционные обязанности в экономической (финансовой) сфере (обязанность уплачивать государственные налоги, пошлины и иные платежи);

4) конституционные обязанности в информационной сфере (обязанность государственных органов предоставлять гражданам возможность ознакомления с материалами, затрагивающими их права и свободы);

5) конституционные обязанности в семейной сфере (обязанность по воспитанию детей, заботе о них, а также обязанность детей заботиться о родителях и т.д.).

В зависимости от территории, на которой конституционные обязанности подлежат исполнению, можно выделить:

1) конституционные обязанности, подлежащие исполнению на территории Республики Беларусь. Например, обязанность соблюдения Конституции и законов для иностранных граждан и лиц без гражданства;

2) конституционные обязанности, исполнение которых не зависит от места нахождения обязанного субъекта. Например, обязанность родителей по воспитанию детей и заботе о них, равно как и обязанность детей заботиться о родителях, не снимается в силу выезда за территорию Республики Беларусь.

В зависимости от последствий, наступающих в результате неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанности по отношению к нарушителю, можно выделить:

1) конституционные обязанности, неисполнение которых влечет юридические последствия. Таким последствием будет являться применение мер юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности;

2) конституционные обязанности, неисполнение которых влечет нравственные последствия. При их неисполнении юридическая ответственность не наступает, однако действия либо бездействие нарушителя осуждаются обществом.

Это возможно в случае неуважения национальных традиций.

Л.Д.Воеводин предложил разделять конституционные обязанности на две группы по характеру их осуществления. Первую группу, по его мнению, составляют те обязанности, которые реализуются в конкретном правоотношении (например, обязанность по уплате налогов и сборов), а вторую группу образуют обязанности, реализуемые вне правоотношения, нарушение которых может породить конкретные правоотношения (обязанность соблюдать Конституцию и законы) [12, с. 184–185]. Представляется, что данные конституционные обязанности можно именовать абсолютными (исполняемыми в конкретном правоотношении) и относительными (исполняемыми вне конкретного правоотношения).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) под конституционной обязанностью следует понимать закрепленную в нормах Конституции меру должного (необходимого) поведения, являющуюся правовой основой для иных обязанностей, имеющую общий характер, установленную и гарантируемую государством в интересах граждан и общества, являющуюся необходимым элементом конституционно-правового статуса, направленную на эффективное функционирование конституционных правоотношений;

2) конституционными следует считать лишь те обязанности, которые прямо закреплены в нормах Конституции, что определяет их особое положение в системе юридических обязанностей. Конституционные обязанности обладают такими специфическими признаками, как верховенство, особый (основополагающий, общий, постоянно действующий) характер, повышенная правовая защита;

3) субъектами конституционных обязанностей могут выступать государство в лице его уполномоченных органов и должностных лиц, физические лица, юридические лица;

4) Конституция Республики Беларусь закрепляет ряд обязанностей государства и граждан, которые могут быть классифицированы по различным основаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кордуба, С.Б. Конституционная обязанность родителей заботиться о детях в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / С.Б. Кордуба. – Саратов, 2011. – 26 с.
2. Воеводин, Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л.Д. Воеводин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.

3. Шавцова, А.В. Юридическая обязанность / А.В. Шавцова // Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2: К–О. – 584 с.
4. Велиева, Д.С. Субъекты конституционной обязанности сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам / Д.С. Велиева // Конституц. и муниципальн. право. – 2009. – № 18. – С. 7–8.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
6. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учеб. / Г.А. Василевич. – Минск: Кн. Дом, 2010. – 768 с.
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 15 июля 2009 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. Бодак, А. Конституционные обязанности граждан: правовой и моральные аспекты / А. Бодак // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 3. – С. 33–35.
9. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., № 98-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 мая 2012 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
10. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26 окт. 2012 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
11. Налоговый кодекс Республики Беларусь. Общая часть: принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г.: одобрен Советом Респ. 2 дек. 2002 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие / Л.Д. Воеводин. – М.: Изд-во МГУ: ИНФА-М-НОРМА, 1997. – 304 с.

Дата поступления статьи в редакцию 30.01.2013

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ПРАВОПРЕКРАЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

КОСТРУБА А.В.,

доцент кафедры гражданского и трудового права Таврического национального университета имени В.И.Вернадского, кандидат юридических наук

Статья посвящена рассмотрению механизма правопрекращения, его элементов и места в механизме правового регулирования общественных отношений. Проанализированы понятие механизма правопрекращения, его элементы и их взаимосвязь, определено место механизма правопрекращения в правовом регулировании гражданских правоотношений.

The article is devoted to the research of legal mechanism of right deprivation, its elements and its place in mechanism of legal regulation the public relations. The definition of legal mechanism of right deprivation, its elements and their correlation are analyzed, the place of legal mechanism of right deprivation in mechanism of legal regulation the legal civil relations is determined.

Юридические факты как явления правовой действительности всегда пробуждали интерес со стороны ученых всех сфер юриспруденции. С существованием юридических фактов связываются процессы возникновения, изменения и прекращения прав, обязанностей, правоотношений или даже отдельных правомочностей как составляющих элементов субъективных прав или обязанностей участников этих правоотношений. Фактически юридические факты являются теми обстоятельствами правовой действительности, которые определяют динамику правоотношений в обществе. В связи с этим научные исследования проблематики юридических фактов никогда не потеряют своей актуальности. Хотя следует отметить, что на сегодняшний день тенденция исследования данного вопроса значительно снизила свои темпы. После публикации в конце 50-х – начале 60-х годов XX ст. доктринальных работ, посвященных юридическим фактам (О.А.Красавчиков «Юридические факты в советском гражданском праве», 1958 год, О.С.Иоффе, М.Д.Шаргородский «Вопросы теории права», 1961 год), юридическая наука в этой сфере почти не двигалась в течение десятилетия до выхода в свет результатов научного исследования ученых, которые несколько усовершенствовали позиции своих предшественников (Р.О.Халфина «Общее учение о правоотношении», 1974 год, В.Б.Исаков «Юридические факты в советском праве», 1984 год, В.И.Данилин, С.И.Реутов «Юридические факты в советском семейном праве», 1989 год). После этого пробле-

ма юридических фактов никем основательно не исследовалась. На сегодняшний день приведенные работы являются единственными в своем роде. Кроме того, все они имеют системный характер и исследуют лишь природу юридических фактов вообще, а не отдельные их свойств или способов установления.

Интересным является то обстоятельство, что исследуя вопрос юридических фактов, ученые несправедливо обделили вниманием их специфику в зависимости от причиняемых последствий (правоустановление, правоизменение и правопрекращение). Кроме того, не был исследован и механизм возникновения последствий отдельных юридических фактов, что, безусловно, повышает актуальность рассмотрения затронутых вопросов.

Целью статьи является проведение анализа порядка возникновения юридического факта и причинения им правопрекращающего последствия в аспекте взаимодействия всех необходимых для этого элементов правового регулирования.

Теоретическое исследование проблем механизма, посредством которого идеальные положения правовых норм трансформируются в реальную общественную жизнь, является традиционным для советской и постсоветской правовой науки второй половины XX – начала XXI столетия [1, с. 47]. Как удачно определила С.О.Сарновская, на сегодняшний день произошел своеобразный ренессанс, а также новое видение этой проблематики [2, с. 43].

Впервые категория «механизм правового регулирования» появилась в работах М.Г.Алек-

сандрова [1, с. 48], который в других источниках также называется ее автором [3, с. 82]. С.С.Алексеев и Л.П.Рассказова под механизмом правового регулирования понимали взятую в единстве всю совокупность правовых средств, с помощью которых обеспечивается правовое влияние на общественные отношения [1, с. 48; 4, с. 14]. Так, по мнению С.С.Алексеева, категория «механизм правового регулирования» существует в теории права для демонстрации момента действий и функционирования правовой формы.

Категория «механизм правового регулирования» происходит от категории «правовое регулирование». С.С.Алексеев определяет правовое регулирование как результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с помощью системы правовых средств (норм права, правоотношений, предписаний) с целью их упорядочивания, охраны и развития в соответствии с потребностями общества. Из этой дефиниции можно понять, что автор определяет категорию правового регулирования через правовое воздействие, но не любое воздействие является механизмом правового регулирования. Понятие «механизм правового регулирования» уже, чем понятие «правовое регулирование», по объему, поскольку правовое регулирование предусматривает влияние с помощью как определенной правовой нормы, так и других правовых средств и форм воздействия на поведение субъектов [3, с. 82].

Свою позицию на вопрос механизма правового регулирования имеет и О.Ф.Скакун, по мнению которой он представляет собой систему правовых средств, способов и форм, с помощью которых нормативность права превращается в упорядоченность общественных отношений, удовлетворяются интересы субъектов права, устанавливается и обеспечивается правопорядок [3, с. 83].

Каждое из вышеприведенных определений содержит рациональное зерно, но в то же время, являясь сторонниками широкой трактовки «инструментальной концепции» механизма правового регулирования и даже в определенной степени выхода за ее границы, считаем, что более обоснованной является позиция О.Ф.Скакун, но с некоторыми коррективами. Во-первых, предложенное ей определение сосредотачивает внимание на превращении такого свойства права, как нормативность, в упорядоченность общественных отношений. Если же взять во внимание то обстоятельство, что нормативность является свойством содержать модели поведения, а упорядоченность является состоянием общественных отношений, мы согласно определению: а) противопоставляем нормированные общественные отношения упорядоченным; б) упускаем момент соответствия общественных отношений их правовым прототипам — правоотношениям и фактически отождествляем

эти два понятия. В связи с этим поддерживаем определение, предложенное О.Ф.Скакун, понимаемая под превращением нормативности в упорядоченность упорядочивание норм права общественных отношений.

Механизм правового регулирования как правовая категория представляет собой систему юридических средств, с помощью которых осуществляется правовое урегулирование [5, с. 487]. С.С.Алексеев, который очень глубоко осмыслил данную проблематику, менял свои взгляды на это вопрос несколько раз. Изначально в его понимании механизм правового регулирования содержал три основных элемента: юридические нормы, правоотношения и акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей, а также два (очевидно, по мнению С.С.Алексеева, не основных) элемента — нормативно-юридические акты и правосознание. Но в других работах «строго с инструментальной точки зрения» автор выделяет в механизме правового регулирования три основных звена: юридические нормы — основы правового регулирования, правовые отношения, в частности субъективные права и юридические обязанности их участников, акты реализации прав и обязанностей [1, с. 48–49]. Совершенно логичным является то обстоятельство, что механизм правового регулирования можно назвать картой общественных отношений. Фиксируя нормы права в правовых предписаниях, законодатель направляет общественные отношения в определенном порядке и с помощью этих же предписаний вырисовывает вектор возникновения, развития и прекращения правоотношений. В таком смысле норма права является формой фиксации правовых моделей поведения. Если фактические обстоятельства действительности совпадают с моделью, закрепленной в норме права, то это соединение и является юридическим фактом, который приводит к последствиям, предусмотренным нормами права. Таким образом, вся динамика правоотношений является ничем другим, как цепью юридических фактов. Отсутствие нормы права нивелирует возникновение юридического факта, а поэтому и правоотношений как сферы их бытия. Юридические факты являются такими и имеют смысл для других участников правоотношений только тогда, когда они тем или иным образом затрагивают их интересы, а значит, когда они имеют место в рамках юридической связи между лицами, которая и является правоотношением.

Совокупность приведенных элементов механизма правового регулирования только в общей форме дает возможность вообразить порядок его функционирования, но точную картину наступления последствий юридических фактов представляет механизм их действия. В случае с предметом нашего рассмотрения — это механизм правопрекращения. По нашему мнению,

такой механизм можно рассматривать только как часть механизма правового регулирования, поскольку в силу того, что правопрекращение является последствием правопрекращающего юридического факта, который является частью механизма правового регулирования, оно, во-первых, тесно связано с самим юридическим фактом, а во-вторых, предусматривается нормой права как юридическое последствие. В противном случае последствие не могло существовать, так как закрепленность нормой права делает его фактическим, но не юридическим. Вместе с тем следует отметить, что механизм правового регулирования является громоздким и масштабным, а поэтому для его приведения в действие необходимо функционирование дополнительных механизмов, которые и обеспечивают реализацию его целей. Как было сказано выше, норма права только создает предусловие для существования юридических фактов путем закрепления их правовой стороны, а правоотношения являются полем существования юридических фактов. Таким образом, в механизм правопрекращения как минимум включаются три основных элемента механизма правового регулирования. При этом следует отметить, что в механизме правопрекращения юридический факт рассматривается как совокупность юридической и фактической сторон. Вместе с этим норма права по содержанию шире, чем юридический факт, поскольку включает в себя еще и юридическое последствие его наступления, которое не является частью этого юридического факта. Рассмотрение механизма правопрекращения без соответствующего последствия невозможно, а поэтому и юридическое последствие, предусмотренное нормой права, следует рассматривать как неотъемлемую часть механизма правопрекращения. Кроме того, рассмотрение последствий в полном отрыве от юридического факта ставит их вне механизма правопрекращения, в связи с чем последний также включает причинно-следственную связь между юридическим фактом и его последствием, которое является связующим звеном между этими элементами.

С точки зрения инструментального действия механизма правопрекращения его нельзя рассматривать исключительно как совокупность идеальных юридических элементов, поскольку теряется связь между объективной действительностью и правом. В связи с этим такой механизм является целой системой как объективных, так и идеальных элементов, а поэтому можно определить следующую совокупность элементов, которые составляют содержание механизма правопрекращения: норма права, правоотношения, юридическая сторона правопрекращающего юридического факта, фактическая сторона этого факта, его юридическое последствие, фактическое последствие правопре-

кращающего юридического факта, а также причинно-следственная связь между правопрекращающим юридическим фактом и его последствием.

Только эта совокупность элементов демонстрирует действие механизма правопрекращения, но для формирования его окончательного представления необходимо рассмотреть взаимосвязь между всеми его элементами, что и показывает их завершённую целостность.

Норма права служит своеобразным безальтернативным связующим звеном между объективной реальностью и правом. Закрепив нормативные предписания, право «привязывает» модели поведения к реальности, к тем условиям, в которых они должны реализовываться. Они выступают в роли своеобразного ядра в системе общественных отношений как подсистема, опираясь на которую право превращает весь массив общественных связей. Норма права создает юридическую возможность существования юридического факта. Правовая норма или совокупность норм права являются правовым отображением фактических событий, поэтому каждое действие или событие имеет свою фактическую сторону, проявляющуюся в определенном движении или просто в существовании в объективной действительности, которая соответствует объективным законам природы и в то же время правовым моделям, закрепленным в нормах права, наделяется правовым характером, правовым измерением и видом. Можно констатировать, что, существуя отдельно от реальной (а не идеальной, правовой) действительности, она остается только моделью, которая не способна привести к реальному последствию. Последствие в ней предусмотрено только как идеальное, такое, которое не имеет телесного (физического) отображения.

В норме права как в элементе механизма правопрекращения закрепляются два его элемента: а) правовая модель поведения; б) правовое последствие такой модели. Но рассматриваются они обособленно друг от друга, так как последнее не является частью юридического факта. Последний является причиной последствия. В противном случае он должен рассматриваться не как жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого норма права связывает наступление определенного последствия, а как правовая модель и последствие, к которому она приводит одновременно.

Характерным для правоотношений как элемента правового регулирования и правопрекращения является то, что, когда в правоотношение вступают две стороны, у одной из них есть субъективное право, а у другой – юридическая обязанность, которая корреспондирует этому праву. Способом осуществления права одной стороной является исполнение обязанности другой

стороной [6, с. 5]. Действие и составляет то основное и единое, очевидно реальное, содержание правоотношений, в котором оно проявляется внешне и в то же время, как и само правоотношение, является только порядком взаимоотношенности между этими действиями, то есть обусловленностью одних действий другими, так что одни тянут за собой другие и являются их причиной [7, с. 218].

Что касается юридической стороны правопрекращающего юридического факта, то следует отметить, что на сегодняшний день все большее распространение среди ученых находит разграничение содержания правоотношений на фактическую и юридическую стороны. Под фактической стороной понимаются реально осуществляемые участниками правоотношений действия, направленные на реализацию их субъективных прав и юридических обязанностей. В юридическое содержание входят традиционно права и обязанности участников правоотношений (М.С.Строгович) и возможное их поведение (П.С.Елькин) [8, с. 475]. По поводу юридических фактов, по нашему мнению, обоснованной является позиция М.Рожковой, которая вносит ясность в их понимание путем разграничения «правовой модели обстоятельств» и «юридического факта», однако с некоторыми дополнениями. Под правовой моделью обстоятельств ученый понимает абстрактное (типичное) обстоятельство, которое закреплено в гипотезе нормы права (либо нескольких норм права) и с которыми норма права связывает возникновение определенных последствий. Юридический факт, считает она, традиционно понимается как реально существующее жизненное обстоятельство – явление либо процесс. И поэтому определение юридического факта не может базироваться на его понимании как правовой модели обстоятельств [9]. Однако считаем, что юридический факт также нельзя сводить к реальному действию, поскольку без правовой модели это лишь обычное физическое действие, так же как и правовая модель без действия является лишь идеальной формой существования таких действий. Лишь соединение юридической и фактической составляющих создает юридический факт. В этой связи последний представляется в форме явления объективной реальности, отраженного в специфической идеальной системе – законодательстве [10, с. 733].

Фактическая сторона правопрекращающего юридического факта. Юридический факт является тем явлением реальной действительности, которое приводит норму права в движение, превращая субъект права в субъект конкретных правоотношений [11, с. 519]. По этому поводу удачно высказался В.Щербина, который определил юридический факт как такое состояние общественных отношений, «поворот», «момент»

в их развитии, с которым связаны определенные юридические последствия (вторжение правовых норм в ход фактических отношений) [12, с. 8]. Другими словами, фактическая сторона юридического факта является реальным действием либо событием, которые существуют в объективной действительности и правовые модели которых отображены в нормах права.

Юридическое последствие правопрекращающего юридического факта. Правопрекращающий юридический факт может прекращать права, обязанности, правоотношения и правосубъектность. Его юридическое последствие является ничем другим, как моделью, отраженной в диспозиции нормы права. Как и было определено, в норме права отражены два элемента механизма правопрекращения – правовая модель правопрекращающего юридического факта, которая фиксируется в гипотезе, и ее последствие, которое отображается в диспозиции. Условно два эти элемента обозначаются вопросами «если» и «то» соответственно.

Фактическое последствие правопрекращающего юридического факта. Анализ оснований прекращения вещных прав, а также обязательств позволил сделать вывод, что в различных ситуациях могут иметь место разные фактические последствия юридических фактов. В основу большинства оснований прекращения вещных прав положен разрыв юридической связи между лицом и вещью путем ее фактического перехода к другому лицу. В таком случае фактический переход прав сопровождается переходом прав на нее.

Характерной особенностью правопрекращающих юридических фактов в обязательственной сфере является то, что в большей степени юридическим последствием является прекращение всего обязательства, а потому и правоотношение, которое возникло на его основании. При этом фактическое последствие может иметь форму передачи вещи, либо исполнения фактических действий, либо же отсутствовать вообще. Так, обязательство может прекращаться путем передачи отступного либо объединения должника и кредитора в одном лице. При таких обстоятельствах фактическим последствием правопрекращающего юридического факта будет переход вещи от одного лица к другому.

В то же время следует согласиться с тем, что большинство правопрекращающих юридических фактов в обязательственной сфере приводят лишь к юридическим последствиям. Эти юридические факты находят отражения в таких основаниях прекращения обязательств, как, например, зачет однородных встречных требований, новация, прощение долга, невозможность исполнения обязательства. Сам факт надлежащего юридического оформления приведенных оснований прекращения обязательств приводит

к его юридическому прекращению, и единым возможным фактическим последствием становится прекращение необходимости дальнейшего совершения действий фактического характера. Исключением можно считать новацию, которая в принципе может прекратить одно обязательство возникновением другого, которое связано с передачей вещи.

Особенность причинно-следственной связи между правопрекращающим юридическим фактом и последствием заключается в том, что, по сути, фактические действия изменяют правовое состояние субъектов гражданских правоотношений либо их правомочности по отношению к объекту таких отношений. Можно также сказать о том, что, как правило, причиной является действие либо событие фактического характера, а следствие имеет более юридический характер. Действие либо событие способно вызвать юридическое последствие, если оно совпало со своей юридической моделью, в связи с чем создало правопрекращающий факт. Кроме того, пребывая в чисто правовом измерении, наступление последствия может обеспечиваться фактическими действиями. При этом юридические и фактические последствия могут не совпадать во времени. В частности, наступление правопрекращающих последствий может обеспечиваться дополнительными действиями, например действиями специальных должностных лиц, уполномоченных на выполнение судебных решений. То есть в случае удовлетворения виндикационного иска такое решение не лишает лицо, которое незаконно владеет чужим имуществом, права фактического владения спорной вещью.

Поэтому *de jure* на вещь распространяется право собственности законного собственника, а *de facto* эта вещь находится у владеющего несобственника.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что механизм правопрекращения – это порядок прекращения правоотношений, прав, обязанностей правомочностей либо правосубъектности субъектов гражданского права. Если же акцентировать внимание на системных особенностях данного механизма, то его можно определить как систему средств, с помощью которых совершается прекращения правоотношений, прав, обязанностей правомочностей либо правосубъектности субъектов гражданского права.

Механизм правопрекращения с точки зрения правопрекращающего юридического факта является инструментом достижения его цели и имеет вид двух отождествленных систем, которые создаются вследствие отображения реальных обстоятельств действительности их правовой модели. Правовая модель, будучи идеальной (правовой) стороной механизма правопрекращения, предусматривает правовую конструкцию обстоятельств (юридического факта), ее последствий и причинно-следственной связи между юридическим фактом и последствием. Именно наличие всех приведенных элементов механизма правопрекращения дает возможность говорить о наступлении правопрекращающего последствия. Это своеобразный микромеханизм в границах существования общего механизма правового регулирования имущественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погрібний, С.О. Поняття механізму досягнення мети правового регулювання цивільних відносин / С.О. Погрібний // Пробл. законності: респ. міжвідом. наук. зб. / відп. ред. В.Я. Тацій. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2006. – Вип. 84. – С. 47–52.
2. Сарновська, С.О. Механізм правового регулювання та його подвійне тлумачення / С.О. Сарновська // Бюл. М-ва юстиції України. – 2004. – № 12 (38). – С. 43–51.
3. Красовська, В.Г. Механізм правового регулювання як система правових засобів / В.Г. Красовська // Держава і право: зб. наук. пр. Юрид. і політ. науки. – 2009. – Вип. 43. – С. 81–87.
4. Тарахонич, Т.І. Механізм дії права, механізм правового регулювання, механізм реалізації права: особливості взаємодії / Т.І. Тарахонич // Держава і право: зб. наук. пр. Юрид. і політ. науки. – 2010. – Вип. 50. – С. 12–18.
5. Запорожець, О.М. Теоретичні аспекти ефективності механізму правового регулювання охоронних відносин у трудовому праві / О.М. Запорожець // Митна справа. – 2011. – № 6 (78), ч. 2, кн. 2. – С. 486–490.
6. Евсеев, А.П. Процедура как средство реализации правоотношений / А.П. Евсеев // Пробл. законності: респ. міжвідом. наук. зб. / відп. ред. В.Я. Тацій. – Харків: Нац. юрид. акад. України, 2007. – Вип. 88. – С. 3–7.

7. Магазинер, Я.М. Заметки о праве / Я.М. Магазинер // Известия вузов. Сер. Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 215–224.
8. Сливич, І.І. Класифікація юридичних фактів у кримінально-процесуальному праві / І.І. Сливич // Держава і право: зб. наук. пр. Юрид. і політ. науки. – 2005. – Вип. 30. – С. 473–478.
9. Рожкова, М. Юридические факты в гражданском праве / М. Рожкова // Хозяйство и право. – 2006. – Прил. к № 7. – 80 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rozhkova-ma.narod.ru/books_text/JUR-ФАКТІ.htm. – Дата доступа: 23.12.2012.
10. Гордєєв, В.В. Правова природа юридичного факту / В.В. Гордєєв // Держава і право: зб. наук. пр. Юрид. і політ. науки. – 2011. – Вип. 51. – С. 732–737.
11. Разбейко, Н.В. Специфіка правопорушення в сфері господарювання як складного юридичного факту / Н.В. Разбейко // Вісн. Донецьк. нац. ун-ту. Сер. В, Економіка і право. – 2009. – Вип. 1. – С. 519–526.
12. Щербина, В. Підстави виникнення охоронних правовідносин у трудовому праві / В. Щербина // Підприємництво, господарство і право. – 2006. – № 9. – С. 8–13.

Дата поступления статьи в редакцию 23.12.2012

УДК 347.726

ЛИКВИДАЦИЯ САДОВОДЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

САДКОВИЧ Е.И.,адвокат юридической консультации Фрунзенского района г. Минска,
аспирант Белорусского государственного университета

Статья посвящена исследованию процесса ликвидации садоводческого товарищества. Анализируются основания и этапы ликвидации садоводческого товарищества по решению как общего собрания товарищества, так и хозяйственного суда. Излагаются предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь, регламентирующего деятельность садоводческого товарищества.

The article deals with the liquidation process of a gardening association. In the article the reasons and stages of liquidation of a gardening association are analyzed. The article deals with proposals aimed at improving the legislation of the Republic of Belarus, which regulates the activity of a gardening association.

Введение

Отношения, связанные с ликвидацией садоводческого товарищества, регламентируются нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), Положением о садоводческом товариществе, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 28 января 2008 г. № 50 «О мерах по упорядочению деятельности садоводческих товариществ» (далее – Положение), Положением о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденным Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 (далее – Положение о ликвидации), постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами дел о ликвидации юридических лиц и прекращении деятельности индивидуальных предпринимателей» (далее – постановление Пленума ВХС).

Изучением проблем ликвидации юридических лиц занимаются российские ученые А.В.Габов, И.В.Елисеев, Е.В.Нода, Л.И.Потягаева, А.Ю.Слоневская, а также белорусские специалисты – профессор В.Ф.Чигир, А.А.Карней, Я.И.Функ и др. В то же время вопросы, касающиеся ликвидации садоводческих товариществ, мало исследованы в белорусском праве.

Цель настоящего исследования – проанализировать процесс ликвидации садоводческого товарищества как в добровольном, так и прину-

дительном порядке, сформулировать возможные предложения по совершенствованию законодательства.

Основная часть

В соответствии с пунктом 1 ст. 57 ГК ликвидация юридического лица (в том числе и садоводческого товарищества) влечет прекращение его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, если иное не предусмотрено законодательными актами. Ликвидация юридического лица – это его «смерть» [1, с. 102].

Поскольку ликвидация юридического лица существенно затрагивает интересы его кредиторов, а также государственные интересы, то она осуществляется открыто на основе широкой гласности [2, с. 152].

В Республике Беларусь в 2009 году было ликвидировано 10, в 2010 году – 53, в 2011 году – 11, а с января по апрель 2012 года – 9 садоводческих товариществ [3].

В соответствии с пунктом 59 Положения ликвидация садоводческого товарищества производится по решению общего собрания либо хозяйственного суда. Оно не может быть ликвидировано по решению регистрирующего органа, но может – по иску регистрирующего органа, поданному в хозяйственный суд.

Таким образом, ликвидация садоводческого товарищества, как и другого юридического лица, может быть добровольной или принудительной.

Е.В.Нода предлагает классифицировать ликвидацию юридических лиц на правомерную и противоправную, учитывая основания ликвидации юридического лица, поскольку ликвидация субъекта может быть результатом правомерного действия или выполнять роль санкции [4, с. 16].

Рассмотрим процесс и основания ликвидации садоводческого товарищества как в добровольном, так и принудительном порядке.

Основание ликвидации юридического лица – это определенное фактическое обстоятельство, установленное законом и обуславливающее принятие решения о ликвидации юридического лица уполномоченным лицом (органом) [5, с. 9–10]. Л.И.Потягаева отмечает, что основание ликвидации некоммерческой организации – это «совокупность причин и условий, обосновывающих объективный вывод о нецелесообразности (неспособности) дальнейшего осуществления уставной деятельности данной организации» [6, с. 9].

Порядок ликвидации садоводческого товарищества **в добровольном порядке** может быть разделен на три этапа.

Первым этапом является принятие решения о ликвидации общим собранием.

Согласно пункту 59 Положения ликвидация товарищества в добровольном порядке может иметь место по решению общего собрания лишь в связи с признанием судом регистрации товарищества недействительной. В частности, государственная регистрация субъекта может быть осуществлена на основании заведомо ложных сведений [7, с. 80].

Но как поступить членам садоводческого товарищества, которые больше не желают осуществлять коллективное садоводство?

В практической деятельности причины ликвидации садоводческого товарищества в добровольном порядке, как правило, заключаются в нежелании членов товарищества осуществлять коллективное садоводство.

Так, садоводческие товарищества «Березка» и «Ходорово», расположенные на территории Витебского района Витебской области, исключены из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГР) Витебским районным исполнительным комитетом в связи с завершением ликвидационного производства по решению общих собраний указанных товариществ об их ликвидации по причине выхода большинства лиц из состава членов товарищества.

Садоводческое товарищество «Ольса 2009», расположенное на территории Могилевского района Могилевской области, было ликвидировано по решению общего собрания. Основная причина – отказ его членов от предоставленных им земельных участков в связи с отсутствием правоудостоверяющих документов на земельные участки и строений на них.

На территории Сморгонского района Гродненской области садоводческое товарищество «Полянка» ликвидировано на основании решения общего собрания и исключено из ЕГР решением Сморгонского районного исполнительного комитета от 27 декабря 2010 г. № 1132. Основная причина ликвидации заключалась в неиспользовании земель по целевому назначению.

Необходимо предоставить возможность общему собранию принимать решение о ликвидации садоводческого товарищества независимо от признания судом недействительной регистрации товарищества и изложить абзац 2 пункта 59 Положения в следующей редакции: «по решению общего собрания, в том числе в связи с признанием судом регистрации товарищества недействительной;».

Общее собрание назначает ликвидационную комиссию (ликвидатора), распределяет обязанности между председателем и членами ликвидационной комиссии (в случае назначения ликвидационной комиссии) и устанавливает порядок и сроки ликвидации (пункт 6 Положения о ликвидации).

Необходимо обязать общее собрание при назначении ликвидационной комиссии устанавливать кворум, нужный для принятия ею решений, и определять число голосов, необходимое для принятия решений ликвидационной комиссии по определенным вопросам.

В случае добровольной ликвидации садоводческого товарищества, в отличие от ликвидации в принудительном порядке, нет специальных требований к лицам, подлежащим включению в состав ликвидационной комиссии. Но при наличии у ликвидируемого садоводческого товарищества задолженности перед кредиторами председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором) назначается лицо, не являющееся собственником имущества (учредителем, участником), руководителем этого юридического лица (пункт 6 Положения о ликвидации).

Второй этап ликвидации садоводческого товарищества в добровольном порядке – это деятельность ликвидационной комиссии (ликвидатора).

Со дня назначения ликвидационной комиссии (ликвидатора) к ней переходят полномочия по управлению садоводческим товариществом. Фактически ее полномочия составляют те, которые призваны обеспечить сохранность имущества товарищества и управление им в процессе ликвидации и (или) в связи с ней, а также те, которые прямо предусмотрены нормативными правовыми актами [8, с. 28].

Председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор) в течение десяти рабочих дней после даты принятия решения о ликвидации товарищества обязан уведомить в письменной форме об этом регистрирующий орган. Так, в соответствии с пунктом 7 Положения о ликвидации за-

явление и решение о ликвидации садоводческого товарищества представляются в регистрирующий орган путем личного обращения председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) либо лица, уполномоченного в соответствии с доверенностью действовать от имени председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора).

Основную деятельность ликвидационной комиссии (ликвидатора) можно разделить на несколько этапов:

1) выявление кредиторов ликвидируемого садоводческого товарищества и принятие мер, направленных на поиск, выявление и возврат имущества должника, в том числе находящегося у третьих лиц.

Как правило, ликвидационная комиссия (ликвидатор) составляет реестр кредиторов с указанием признанных претензий [9];

2) составление промежуточного ликвидационного баланса;

3) продажа имущества ликвидируемого садоводческого товарищества.

Земельные участки, предоставленные садоводческому товариществу, в процессе ликвидации, как правило, изымают и передают близлежащим товариществам или предприятиям либо переводят в земли запаса.

Так, после ликвидации вышеуказанных садоводческих товариществ «Березка» и «Ходорово» их земли перевели в земли запаса или присоединили к близлежащим товариществам, а при наличии строений на земельных (садовых) участках – включили в границы населенных пунктов.

Земельные участки, предоставленные вышеупомянутому садоводческому товариществу «Полянка», в процессе ликвидации со строениями были переданы в ведение Сольского исполнительного комитета, остальные неиспользуемые земли – государственному опытному лесохозяйственному учреждению «Сморгонский опытный лесхоз» для ведения лесного хозяйства.

После ликвидации садоводческого товарищества «Ранет», расположенного на территории Дзержинского района Минской области, земельный участок был передан садоводческому товариществу «Крыница» для расширения садоводческого товарищества, а земельный участок садоводческого товарищества «Беяково» возвращен совхозу им. Фрунзе, строения на земельных участках отсутствовали;

4) выплата денежных сумм кредиторам.

Выплата денежных средств кредиторам ликвидируемого садоводческого товарищества производится ликвидационной комиссией в соответствии с промежуточным ликвидационным балансом в очередности, установленной законодательством [10];

5) составление ликвидационного баланса.

Ликвидационный баланс подписывается всеми членами ликвидационной комиссии (ликвидатором) и предоставляется общему собранию для утверждения. Необходимо уточнить исключительную компетенцию общего собрания: абзац двадцать второй пункта 28 Положения после слов «разделительного баланса» дополнить словами «, промежуточного ликвидационного и ликвидационного баланса».

Третий этап ликвидации садоводческого товарищества в добровольном порядке заключается в совершении компетентными органами действий, направленных на исключение ликвидируемого садоводческого товарищества из ЕГР.

Регистрирующий орган не позднее рабочего дня, следующего за днем представления ликвидационной комиссией (ликвидатором) печатей товарищества либо заявления об их неизготовлении или сведений о публикации объявлений об их утрате; ликвидационного баланса; оригинала свидетельства о государственной регистрации садоводческого товарищества или заявления о его утрате с приложением сведений о публикации объявления об утрате, запрашивает в архиве сведения о сдаче садоводческим товариществом на хранение документов, в том числе по личному составу, подтверждающих трудовой стаж и оплату труда его работников. Архив представляет регистрирующему органу такие сведения в течение трех рабочих дней со дня получения соответствующего запроса (пункт 15 Положения о ликвидации).

В соответствии с пунктом 16 Положения о ликвидации регистрирующий орган принимает решение о внесении записи в ЕГР об исключении из него субъекта хозяйствования при наличии следующих условий:

- ликвидационной комиссией (ликвидатором) представлены необходимые для ликвидации документы;
- органами (организацией) представлены справки об отсутствии задолженности перед бюджетом, Фондом социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты, по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, информация об отсутствии непрекращенных обязательств перед таможенными органами, информация о том, что садоводческое товарищество не состояло на соответствующем учете (не были зарегистрированы) либо органами (организацией) такие документы не представлены и со дня направления регистрирующим органом уведомления о начале процедуры ликвидации садоводческого товарищества прошло не менее тридцати пяти рабочих дней;
- соответствующим архивом представлены сведения о сдаче на хранение документов,

в том числе по личному составу, подтверждающих трудовой стаж и оплату труда работников садоводческого товарищества.

Рассмотрим процесс ликвидации садоводческого товарищества **в принудительном порядке**, когда такое решение принимается хозяйственным судом. Он может быть разделен на пять этапов.

Первый этап заключается в подаче в хозяйственный суд иска о ликвидации товарищества.

Иск о ликвидации садоводческого товарищества может быть предъявлен в хозяйственный суд прокурором, органами Комитета государственного контроля, прокуратуры, внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Министерства по налогам и сборам, регистрирующими органами и иными уполномоченными органами в пределах их компетенции, если иное не установлено законодательными актами.

Согласно пункту 59 Положения товарищества может быть ликвидировано по решению суда в случаях:

- прекращения прав на земельные участки, предоставленные товариществу и его членам для ведения коллективного садоводства;
- неприятия общим собранием решения о ликвидации в связи с признанием судом регистрации товарищества недействительной;
- осуществления деятельности без надлежащего специального разрешения (лицензии), либо запрещенной законодательными актами, либо с иными неоднократными или грубыми нарушениями законодательных актов, признания судом государственной регистрации товарищества недействительной;
- в иных случаях, предусмотренных законодательными актами.

Так, садоводческое товарищество «Обузере», расположенное на территории Чашникского района Витебской области, было ликвидировано по решению хозяйственного суда Витебской области, поскольку оно не осуществляло свою деятельность более двенадцати месяцев подряд, не обращалось в Чашникский районный исполнительный комитет за государственной регистрацией изменений и (или) дополнений в устав.

Садоводческое товарищество «Липно», расположенное на территории Сенненского района Витебской области, после государственной регистрации в качестве юридического лица к хозяйственной деятельности не приступало и земельные участки не осваивало. Указанные выше факты послужили основанием для обращения регистрирующего органа в хозяйственный суд с иском о ликвидации данного товарищества.

Второй этап – это принятие решения о ликвидации товарищества и решение судом вопроса о возложении обязанности по ликвидации на об-

щее собрание или назначении ликвидационной комиссии (ликвидатора).

Согласно части 3 ст. 57 ГК хозяйственный суд может возложить обязанность по ликвидации садоводческого товарищества на общее собрание.

Если хозяйственный суд придет к выводу о невозможности возложения такой обязанности, при принятии решения о ликвидации в резолютивной его части указывается: о назначении ликвидационной комиссии или ликвидатора; порядок и срок проведения ликвидации; срок для письменного уведомления кредиторов и других заинтересованных лиц о ликвидации товарищества; сроки представления хозяйственному суду на утверждение промежуточного ликвидационного баланса и ликвидационного баланса; информации о ходе ликвидации (пункт 14 постановления Пленума ВХС).

Члены садоводческого товарищества с момента назначения ликвидационной комиссии (ликвидатора) не могут осуществлять свои права по управлению ликвидируемым товариществом ни непосредственно, ни через уполномоченные им лица и органы, за исключением случаев, предусмотренных законодательством (пункт 17 постановления Пленума ВХС).

Третий этап ликвидации садоводческого товарищества в принудительном порядке заключается в деятельности ликвидационной комиссии.

Ликвидационная комиссия (ликвидатор) подотчетна и подконтрольна хозяйственному суду, которым она назначена. Ее основная деятельность может быть разделена на пять этапов:

- 1) выявление кредиторов и принятие мер, направленных на выявление и возврат имущества должника, в том числе находящегося у третьих лиц;
- 2) составление промежуточного ликвидационного баланса;
- 3) продажа имущества ликвидируемого садоводческого товарищества;
- 4) погашение задолженности перед кредиторами;
- 5) составление ликвидационного баланса.

После завершения вышеуказанных мероприятий по ликвидации субъекта ликвидационная комиссия (ликвидатор) составляет ликвидационный баланс и представляет его хозяйственному суду для утверждения с письменным отчетом о своей работе.

В случае ликвидации товарищества права на земельные участки, предоставленные товариществу и его членам для ведения коллективного садоводства, прекращаются в порядке, установленном законодательством об охране и использовании земель, и районный исполнительный комитет, на территории которого расположено товарищество, принимает решение об их дальнейшем использовании.

Так, Чашникским районным исполнительным комитетом изъяты земельные участки указанного выше садоводческого товарищества «Обузере» и переданы в постоянное пользование государственному предприятию «Лукомль». В настоящее время данный земельный участок используется предприятием для ведения сельского хозяйства.

Земельный участок вышеупомянутого садоводческого товарищества «Липно», ликвидированного по решению хозяйственного суда Витебской области, включен в границы населенных пунктов в целях наиболее благоприятного решения вопросов по регистрации строений.

Четвертый этап ликвидации товарищества в принудительном порядке – это утверждение определением хозяйственного суда ликвидационного баланса и предоставление ликвидационной комиссией (ликвидатором) в регистрирующий орган документов для исключения товарищества из ЕГР.

После утверждения определением хозяйственного суда ликвидационного баланса ликвидационная комиссия (ликвидатор) в срок, установленный хозяйственным судом, обязана представить в регистрирующий орган печати товарищества либо заявление об их неизготовлении или сведения о публикации объявлений об их утрате; ликвидационный баланс; оригинал свидетельства о государственной регистрации товарищества или заявление о его утрате с приложением сведений о публикации объявления об утрате.

Пятый этап ликвидации садоводческого товарищества заключается в исключении товарищества из ЕГР и представлении в хозяйственный суд документов, подтверждающих его ликвидацию.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Процесс ликвидации садоводческого товарищества по решению общего собрания может быть разделен на три этапа. Первым этапом является принятие общим собранием решения о ликвидации, второй этап заключается в деятельности ликвидационной комиссии (ли-

квидатора), третий этап – совершение компетентными органами действий, направленных на исключение ликвидируемого товарищества из ЕГР.

2. Необходимо предоставить возможность общему собранию принимать решение о ликвидации садоводческого товарищества независимо от признания судом недействительной регистрации товарищества и изложить абзац второй пункта 59 Положения в следующей редакции: «по решению общего собрания, в том числе в связи с признанием судом регистрации товарищества недействительной;».

3. В случае ликвидации садоводческого товарищества по решению общего собрания следует обязать общее собрание при назначении ликвидационной комиссии устанавливать кворум, необходимый для принятия решений ликвидационной комиссией, а также определять число голосов, необходимое для принятия решений ликвидационной комиссией по определенным вопросам: простым или квалифицированным большинством либо единогласно.

4. Необходимо уточнить исключительную компетенцию общего собрания: абзац двадцать второй пункта 28 Положения после слов «разделительного баланса» дополнить словами «, промежуточного ликвидационного и ликвидационного баланса».

5. Процесс ликвидации садоводческого товарищества в принудительном порядке может быть разделен на пять этапов. Первый этап заключается в подаче в хозяйственный суд иска о ликвидации товарищества, второй этап – принятие решения о ликвидации товарищества и решение судом вопроса о возложении обязанности по ликвидации на общее собрание или назначении ликвидационной комиссии (ликвидатора). Третий этап заключается в деятельности ликвидационной комиссии, четвертый этап – в утверждении определением хозяйственного суда ликвидационного баланса и предоставлении ликвидационной комиссией (ликвидатором) в регистрирующий орган документов для исключения товарищества из ЕГР. Пятый этап – исключение товарищества из ЕГР и предоставление в хозяйственный суд документов, подтверждающих его ликвидацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габов, А.В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы / А.В. Габов. – М.: Статут, 2011. – 303 с.

2. Михаловский, А.М. Некоммерческие организации: правовые основы деятельности / А.М. Михаловский, К.Л. Томашевский. – Минск: Изд-во Гревцова, 2007. – 296 с.
3. Перечень зарегистрированных и исключенных из ЕГР юридических лиц и индивидуальных предпринимателей / М-во юстиции Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minjust.by/ru/site_menu/edin_gos_register/subj_hoz/perechen. – Дата доступа: 05.05.2012.
4. Нода, Е.В. Ликвидация юридических лиц по законодательству РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.В. Нода; Рос. гос. социолог. ун-т. – М., 2005. – 26 с.
5. Слоневская, А.Ю. Ликвидация коммерческих организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.Ю. Слоневская; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 28 с.
6. Потягаева, Л.И. Ликвидация некоммерческих организаций по российскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л.И. Потягаева; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2006. – 25 с.
7. Якименко, Л.Е. Ликвидация юридического лица по решению собственника имущества (учредителей, участников) либо органа юридического лица / Л.Е. Якименко // *Налоги Беларуси*. – 2011. – № 3 (147). – С. 80–85.
8. Тихомиров, М.Ю. Юридические лица: учеб.-практ. пособие / М.Ю. Тихомиров. – М.: Изд. г-на Тихомирова М.Ю., 2005. – 520 с.
9. Карней, А.А. Процедура добровольной ликвидации юридического лица / А.А. Карней // *КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»*. – Минск, 2013.
10. Чигир, В.Ф. Юридические лица / В.Ф. Чигир // *КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»*. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 07.02.2013

УДК 347.72(075.8)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КОРОЛЕВА В.Б.,старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса
Могилевского государственного университета имени А.А.Кулешова

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты использования электронного документа, складывающиеся при регистрации и осуществлении деятельности субъектов хозяйствования. Автор анализирует действующие в Республике Беларусь нормативные правовые акты, регулирующие электронный документооборот в сфере предпринимательской деятельности. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

The article considers the theoretical and practical aspects of use of the electronic document, during the registration and activities of economic entities. The author analyzes existing in the Republic of Belarus normative-legal acts, regulating the electronic circulation of documents in the sphere of entrepreneurial activity. There are the proposals on the necessity to introduce amendments into the current legislation.

Введение

Развитие и широкое применение информационных технологий является одной из основных тенденций современного развития общества и государства. Необходимо отметить, что использование электронных документов началось еще до образования глобальной сети Интернет, однако ее появление стало мощным толчком к развитию безбумажных технологий в деятельности субъектов хозяйствования. Сегодня субъекты предпринимательской деятельности взаимодействуют посредством электронного документооборота с конечными потребителями, а также с государственными органами.

Правовые проблемы, возникающие при введении электронных документов и электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП) в гражданский оборот, исследованы в публикациях в периодических юридических изданиях таких авторов, как В.Дрыганов, С.Овсейко, С.Синкевич, П.Федоренский.

Цель настоящей статьи – осветить некоторые вопросы использования электронных документов в предпринимательской деятельности с точки зрения правового регулирования, представить

предложения по возможному совершенствованию законодательства.

Основная часть

Одним из важнейших направлений технического, технологического, экономического и социального развития республики является построение информационного общества. Эта цель сформулирована в основных программных документах – Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года и Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136 [1].

Впервые электронный документооборот появился в банковской сфере, а затем его преимущества оценили субъекты хозяйствования, работающие в других сферах предпринимательской деятельности. Активное внедрение в предпринимательскую деятельность электронного документооборота обусловило необходимость: определения правового режима электронного документа, условий его равнозначности документу

на бумажном носителе; закрепления требований к идентифицирующим реквизитам электронного документа, в том числе к ЭЦП, и порядка их применения; установления методов правового регулирования электронного документооборота.

Правовые основы применения электронных документов регламентированы Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 года № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (далее – Закон) [2].

Статьей 1 Закона установлено, что электронный документ – документ в электронном виде с реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность. Целостность электронного документа – его свойство, определяющее, что в электронный документ не были внесены изменения и (или) дополнения. Подлинность электронного документа – это его свойство, определяющее, что электронный документ подписан действительной ЭЦП. Подлинным электронным документом признается электронный документ, целостность и подлинность которого подтверждаются с применением сертифицированного средства ЭЦП, использующего при проверке открытые ключи лица (лиц), подписавшего (подписавших) электронный документ.

Одной из важнейших частей электронного документа является ЭЦП, позволяющая идентифицировать лицо, подписавшее такой документ. Под ЭЦП понимается последовательность символов, являющаяся реквизитом электронного документа и предназначенная для подтверждения его целостности и подлинности. ЭЦП является аналогом собственноручной подписи и может применяться как аналог оттиска печати или штампа (ст. 23 Закона). При этом П.Федоренский предлагает рассматривать ЭЦП не как подтверждение собственноручной подписи, а как печать [3].

В соответствии со ст. 22 Закона подлинный электронный документ приравнивается к документу на бумажном носителе, подписанному собственноручно, и имеет одинаковую с ним юридическую силу. Если в соответствии с законодательством Республики Беларусь требуется оформление документа в письменной форме, то электронный документ и его копия считаются соответствующими этому требованию. Вместе с тем В.Дрыганов отмечает, что «у электронного документа не может существовать его электронной копии. Все идентичные друг другу экземпляры электронного документа, зафиксированные на материальных (машинных) носителях, являются оригиналами (подлинниками) и, соответственно, имеют равную юридическую силу» [4].

Согласно ст. 19 Закона оригинал электронного документа существует только в электронном виде. Все идентичные экземпляры электронного

документа являются оригиналами и имеют одинаковую юридическую силу. При этом в законодательстве нет понятия «оригинал электронного документа». Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова определяет слово «подлинный» как «настоящий, не скопированный, являющийся оригиналом» [5]. В связи с этим, на наш взгляд, в Законе необходимо закрепить норму о том, что подлинным электронным документом признается оригинальный электронный документ.

В настоящее время электронный документооборот применяется при регистрации и ликвидации субъектов хозяйствования, согласовании наименований организаций, уведомлении об изменении местонахождения организации, назначении (замене) руководителя (иного лица, уполномоченного в соответствии с учредительными документами действовать от имени организации). Рассмотрим подробнее применение электронного документа при осуществлении данных процедур.

Так, в целях создания благоприятных условий для ведения бизнеса подпунктом 1.4 пункта 1 Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» предусмотрена необходимость введения в Республике Беларусь возможности электронной государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе создания веб-портала Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей Республики Беларусь [6]. При этом под электронной регистрацией субъектов хозяйствования следует понимать регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на основе поданных через веб-портал заявлений и других документов в электронном виде, подписанных ЭЦП заявителя.

Функциональные возможности портала позволяют не только подать документы в электронном виде, но и обеспечить передачу заявителю документов, подтверждающих государственную регистрацию субъекта хозяйствования. Так, можно получить в электронном виде подписанные ЭЦП специалиста регистрирующего органа свидетельство о государственной регистрации; устав юридического лица со штампом; документ, подтверждающий постановку на учет.

Подпунктом 1.1 пункта 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2011 г. № 1164 «О некоторых вопросах государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования и внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь» (далее – постановление)

установлено, что введение в Республике Беларусь электронной государственной регистрации субъектов хозяйствования, а также использование веб-портала Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей www.egr.gov.by (далее – веб-портал ЕГР) возможно для представления электронных документов о согласовании наименования организации, уведомлений об изменении местонахождения организации, назначении (замене) руководителя (иного лица, уполномоченного в соответствии с учредительными документами действовать от имени организации) в виде электронных документов [7].

До подачи электронных документов для государственной регистрации юридического лица заявители должны согласовать его наименование путем подачи через веб-портал ЕГР заявления о согласовании наименования в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь.

В силу абзаца четвертого части первой пункта 9 Положения о порядке согласования наименований коммерческих и некоммерческих организаций, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 февраля 2009 г. № 154, согласование наименования юридического лица при представлении электронных документов производится не позднее следующего рабочего дня с даты получения заявления [8]. Для согласования наименования электронные документы представляются посредством веб-портала ЕГР. При этом целостность и подлинность заявления, представленного в форме электронного документа, должны подтверждаться ЭЦП заявителя.

Для представления электронных документов для согласования наименования требуется наличие у заявителей программных и технических средств, используемых для создания, обработки, хранения и передачи информации в регистрирующие органы в установленном формате, которые должны соответствовать требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации. Перечень таких средств размещается на веб-портале ЕГР.

Электронные документы могут быть представлены только авторизованным пользователем – владельцем личного ключа ЭЦП. Услуги по распространению открытых ключей ЭЦП для представления в регистрирующий орган электронных документов для согласования наименования оказываются организациями, перечень которых размещается на веб-портале ЕГР Министерством юстиции Республики Беларусь.

Сначала заявитель получит на электронный адрес подтверждение о приеме документов, затем уполномоченный сотрудник регистрирующего органа направит на веб-портал ЕГР подпи-

санную ЭЦП справку о согласовании наименования либо отказ в этом. Справка может быть использована как при электронной регистрации, так и при личном обращении в регистрирующий орган.

При этом согласно пункту 5 Инструкции о порядке представления юридическими и физическими лицами электронных документов для государственной регистрации субъектов хозяйствования и их рассмотрения регистрирующим органом, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 августа 2011 г. № 1164 «О некоторых вопросах государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования и внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь», чтобы воспользоваться электронной государственной регистрацией, необходимо согласовать наименование юридического лица только посредством веб-портала [9]. После этого необходимо представить электронные документы, предусмотренные Положением о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденным Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования» (далее – Положение) [10], и можно обратиться за электронной регистрацией.

Поступившие в регистрирующий орган электронные документы принимаются уполномоченным сотрудником регистрирующего органа, а заявителю по электронной почте на его электронный адрес в автоматическом режиме направляется подтверждение о приеме таких документов.

После получения документов уполномоченный сотрудник регистрирующего органа рассматривает состав представленных электронных документов и содержание заявления о государственной регистрации.

При отсутствии оснований для неосуществления государственной регистрации, предусмотренных в Положении, уполномоченный сотрудник регистрирующего органа в день получения электронных документов осуществляет государственную регистрацию и направляет на веб-портал ЕГР подписанное ЭЦП уведомление о совершенной операции по форме, установленной Министерством юстиции Республики Беларусь, а также электронные документы, свидетельствующие об осуществлении государственной регистрации. В случае наличия оснований для неосуществления государственной регистрации уполномоченный сотрудник регистрирующего органа в день получения электронных документов направляет на веб-портал ЕГР подписанное ЭЦП уведомление о неосуществлении государственной регистрации с указанием

оснований ее неосуществления по форме, установленной Министерством юстиции Республики Беларусь.

Получить устав юридического лица либо учредительный договор для коммерческой организации, действующей только на основании учредительного договора, изменения и (или) дополнения, вносимого в устав либо учредительный договор, со штампом, свидетельствующим об осуществлении государственной регистрации, свидетельство о государственной регистрации на бумажном носителе можно в регистрирующем органе при личном обращении заявителя либо представителя заявителя при наличии документов, подтверждающих его полномочия.

В связи с тем, что идентичные по содержанию документы, созданные на бумажном носителе и в электронном виде, имеют одинаковую юридическую силу (ст. 19 Закона), копия электронного документа создается посредством удостоверения в установленном порядке формы внешнего представления электронного документа на бумажном носителе. Правом на такое удостоверение помимо должностных лиц, уполномоченных совершать нотариальные действия, обладают организации и индивидуальные предприниматели, имеющие лицензию на осуществление соответствующей деятельности (например, РУП «Белтелеком», РУП «Белпочта»). В настоящее время можно получить документы, подтверждающие государственную регистрацию субъектов хозяйствования, в электронном виде.

Между тем в силу наличия значительного количества административных процедур, требующих представления копий документов на бумажном носителе (иногда и нотариально удостоверенных) с предъявлением оригиналов, реализация электронного документооборота в полном объеме пока затруднена. Представитель юридического лица или индивидуальный предприниматель после осуществления электронной государственной регистрации чаще всего должен будет прийти в регистрирующий орган и лично получить необходимые документы.

Например, одно из условий участия в конкурсах и аукционах – представление копий учредительных документов и свидетельства о государственной регистрации, а также их подлинников. Веб-портал ЕГР дает возможность получить подтверждающие государственную регистрацию документы в электронном виде. Поэтому нормативные правовые акты, содержащие требование об их представлении, необходимо будет скорректировать, позволив субъектам предпринимательской деятельности пользоваться электронными формами документов.

Пунктом 2 Инструкции о порядке опубликования сведений о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, ут-

вержденной постановлением, предоставлена возможность публикаций сведений о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования посредством сети Интернет. При этом ликвидационная комиссия (ликвидатор), индивидуальный предприниматель оформляет заявку на опубликование сведений о ликвидации (прекращении деятельности) субъекта хозяйствования и направляет ее на электронный адрес учреждения «Редакция журнала «Юстиция Беларуси» justbel@tut.by. Примерная форма заявки на опубликование размещается на официальном сайте юридического научно-практического журнала «Юстиция Беларуси» (www.justbel.info).

Необходимо отметить, что с 1 января 2012 г. Министерством по налогам и сборам Республики Беларусь (далее – МНС) проведена работа по организации возможности представления субъектами предпринимательской деятельности, применяющими систему электронного декларирования, отчетов в инспекции МНС в электронном виде [11].

Для передачи отчетов в электронном виде субъектам предпринимательской деятельности необходимо подготовить и сохранить отчеты в виде электронных файлов в формате текстового документа (например, doc, rtf, txt) или табличного документа (например, xls). Файл передается в инспекцию МНС с использованием реализованной в АРМ «Плательщик» услуги передачи любых сведений как путем непосредственного ввода данных сведений в АРМ «Плательщик», так и в виде ранее подготовленных электронных файлов в пункте Заявления – Запрос/Ответ в свободном формате – Прикрепить файл.

Инспекция МНС переданные вышеуказанным способом сведения получает с использованием реализованной в АИС «Расчет налогов» функции в пункте Заявления – Запрос/Ответ в свободном формате – Сохранить файл. Данные сведения должны быть сохранены в едином для использования всей инспекцией МНС каталоге. Полученные от субъектов предпринимательской деятельности в электронном виде отчеты сохраняются и используются уполномоченными начальником инспекции МНС работниками инспекции.

Необходимо отметить, что обязанность представления отчетов только в электронном виде на законодательном уровне не закреплена и субъекты предпринимательской деятельности вправе представлять отчеты, как и ранее, на бумажных носителях. При представлении отчета в электронном виде предоставление на бумажном носителе не требуется.

Законодательством регламентирована возможность представления в органы Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь

(ФСЗН) сведений по застрахованным лицам в виде электронных документов персонифицированного учета. Для этого необходимо установить на компьютере программу для выработки ЭЦП, которую в г. Минске можно получить в районных отделах и Минском городском управлении ФСЗН. Данным органом разработан и открыт корпоративный портал для представления кадровой и бухгалтерской отчетности по каналам электронной связи (адрес портала в Интернете: <http://portal.ssf.gov.by>) [12].

Таким образом, на сегодняшний день уже доступны электронные закупки, электронная государственная регистрация субъектов хозяйствования, подача электронных налоговых деклараций, интернет-сайты государственных органов, электронный учет недвижимого имущества и неиспользуемого государственного имущества, предлагаемого для реализации на торгах, обращение в хозяйственный суд помимо документальной формы также и в электронной.

Проведенный анализ действующего законодательства позволяет сделать следующие выводы.

1. Одними из благоприятных условий развития предпринимательской деятельности являются создание и обеспечение функциони-

рования системы электронного документооборота, позволяющей максимально упростить и удешевить процессы взаимодействия субъектов хозяйствования и государственных органов.

2. Предлагается в законе закрепить понятие «электронный документооборот» и норму о том, что подлинным электронным документом признается оригинальный электронный документ, целостность и подлинность которого подтверждаются с применением сертифицированного средства электронной цифровой подписи, использующего при проверке открытые ключи лица (лиц), подписавшего (подписавших) электронный документ.

3. Предполагается предусмотреть возможность субъектов предпринимательской деятельности пользоваться электронными формами документов и представлять их в любые государственные органы, скорректировать таким образом нормативные правовые акты, содержащие требования об их представлении.

4. Необходимо определить в законодательстве условия, при которых ЭЦП будет использоваться как аналог печати и собственной подписи, а также требования обеспечения фиксации времени и даты заверения документа ЭЦП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2011 г., № 136 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-З // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
3. Федоренский, П. Электронный документ / П. Федоренский // Юрист. – 2001. – № 4. – С. 32–35.
4. Дрыганов, В. Электронный документооборот и электронная цифровая подпись [Электронный ресурс] / В. Дрыганов. – 2013. – Режим доступа: <http://www.kv.by/index2002052201.htm>. – Дата доступа: 21.01.2013.
5. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков // Словари [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://sovslow.ru/>. – Дата доступа: 21.01.2013.
6. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
7. О некоторых вопросах государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования и внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Респ. Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 авг. 2011 г., № 1164 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
8. Об утверждении Положения о порядке согласования наименований коммерческих и некоммерческих организаций: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 5 февр. 2009 г., № 154 //

Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

9. Инструкция о порядке представления юридическими и физическими лицами электронных документов для государственной регистрации субъектов хозяйствования и их рассмотрения регистрирующим органом: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 31 авг. 2011 г., № 1164 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

10. Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования: утв. Декретом Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

11. О предоставлении отчетов в электронном виде: письмо М-ва по налогам и сборам Респ. Беларусь, 23 дек. 2011 г., № 8-1-25/1870 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

12. Об утверждении форм документов и Инструкции по формату документов персонифицированного учета: постановление правления Фонда социальной защиты М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь, 29 июня 2009 г., № 10 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 30.01.2013

УДК 340.11.57:347.63

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

ЮРАШЕВИЧ Н.М.,

доцент кафедры теории и истории государства и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

ИЛЬИНА Е.В.,

магистрант Академии управления при Президенте Республики Беларусь

В статье рассматриваются юридические фикции, используемые в правовом регулировании применения репродуктивных технологий в Республике Беларусь, Российской Федерации, Республике Казахстан. Оценивается целесообразность, выявляются особенности правовой регламентации этих семейно-правовых фикций, вносятся предложения по оптимизации правового регулирования отношений в сфере применения репродуктивных технологий в данных странах.

In the article legal fictions used for legal regulation of reproductive technologies in the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan are examined, its suitability is assessed, distinctive features of legal regulation of these fictions of family law are revealed and some proposals for optimization of the legal regulation of the reproductive technologies in these countries are submitted.

Юридические фикции – древнейший правовой феномен, свойственный всем отраслям права, позволяющий законодателю, объявив несуществующее положение существующим и наоборот, урегулировать такие общественные отношения, которые нельзя формализовать общепринятыми правовыми средствами. Не является исключением и отрасль семейного права. При этом в рассматриваемой сфере юридические фикции органично присутствуют в правовом регулировании не только семейных отношений, существующих с давних времен, но и новых институтов семейного права, которые появились благодаря научно-техническому прогрессу в медицине, поскольку современное семейное законодательство «развивается по пути придания большего значения социальным связям, основанным на намерении установить родительские отношения с ребенком, по сравнению со связями генетическими» [1, с. 193]. Речь идет, прежде

всего, о том, что посредством семейно-правовых фикций возможно установление происхождения детей, родившихся в результате применения репродуктивных технологий.

Сегодня правовое обеспечение репродуктивных технологий – один из самых сложных вопросов в юридической науке и практике, поскольку развитие науки несколько опережает морально-правовую адаптацию общества к ее новым достижениям. Следует отметить, что современное законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан различает и регламентирует использование таких видов репродуктивных технологий, как суррогатное материнство (имплантация эмбриона) и вспомогательные репродуктивные технологии (искусственное оплодотворение), правовая регламентация которых в рассматриваемых странах имеет свои особенности.

Нормы, регулирующие отношения в области применения репродуктивных технологий, содержатся в современном семейном законодательстве и Республики Беларусь, и Российской Федерации, и Республики Казахстан. При этом если в Беларуси и России вопросы суррогатного материнства и вспомогательных репродуктивных технологий затрагиваются в отдельных статьях Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [2] и Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК Российской Федерации) [3] соответственно и некоторых других нормативных правовых актах, то в Казахстане этому посвящена отдельная глава Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье (далее – КоБСС Республики Казахстан) [4], что, на наш взгляд, закономерно, поскольку принят этот документ недавно и в нем, вследствие бурного развития общественных отношений в данной области, нашли правовую регламентацию новые аспекты общественной жизни.

Как следствие, в силу указанных обстоятельств при правовой регламентации суррогатного материнства в законодательстве каждой страны существуют разные подходы. Можно сказать, что в настоящее время идет процесс поиска оптимальных правовых механизмов, и констатировать отставание законодателя от уровня развития общественных отношений в данных областях, чем и объясняется «разброс» в законодательстве: говорить о единых тенденциях в правовом регулировании данной области не приходится.

Ситуация родительской неопределенности, возникающая в связи с медицинским вмешательством и нечеткостью правовой регламентации последнего, требует вмешательства законодателя, для того чтобы оградить психику ребенка от переживаний. В данном случае уравнивание биологического и юридического состояния необходимо, прежде всего, из гуманных побуждений. Главной задачей является соблюдение прав и родителей (как биологических, так и юридических), и ребенка. Отношения в сфере применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий (искусственного оплодотворения) или суррогатного материнства (имплантации эмбриона) носят комплексный характер, включают в себя правовой, морально-нравственный и психологический аспекты.

В правовом аспекте перенесение статусов и состояний в случае применения данных методов возможно лишь с помощью юридических фикций, в пользу применения которых выступают такие характерные их черты, как категоричность и неопровержимость. В данных ситуациях это качество юридических фикций как никогда востребовано: «категоричность фикций необходима, дабы оградить психику ребенка от трений,

которые могут возникнуть между приемными и биологическими родителями по поводу прав на ребенка» [5, с. 27].

Касательно суррогатного материнства следует отметить, что современное законодательство Беларуси, России и Казахстана регулирует только так называемое высокотехнологическое суррогатное материнство, которое осуществляется путем пересадки эмбриона суррогатной матери. В этом случае отсутствует генетическая связь между ребенком и суррогатной матерью. При использовании технологии суррогатного материнства сам факт рождения обусловлен многими моментами: во-первых, истинные генетические родители новорожденного – заказчики (заказчик), но женщиной, выносившей и родившей ребенка, является суррогатная мать, во-вторых, со стороны суррогатной матери существует возможность отказа в регистрации в качестве родителей ребенка супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона.

Белорусский законодатель, прибегая к семейно-правовой фикции, исходит из того, что «матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства», а не суррогатная мать; в свою очередь, «отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства» (часть пятая ст. 52 КоБС) [2]. Кроме того, белорусский законодатель исключает возможность опаривания материнства и (или) отцовства ребенка, рожденного суррогатной матерью [2].

Норма части второй пункта 4 ст. 51 СК Российской Федерации прямо противоположна: «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)» [3]. Считаем, что здесь не только не устраняется, но и усиливается неопределенность в отношениях: законодатель позволяет суррогатной матери, которая фактически не имеет с ребенком генетической связи, а лишь его вынашивает, в любой момент до регистрации рождения отозвать свое согласие на передачу ребенка родителям. То есть суррогатная мать может оставить биологически чужого ей ребенка себе, официально считаясь его матерью, что, как отмечается в научной литературе, «не отвечает интересам всех заинтересованных участников процесса» [6, с. 68] и требует введения в законодательство четких положений относительно регулирования суррогатного материнства, «где бы обе стороны были защищены» [7, с. 75].

До недавнего времени норма, аналогичная российской, содержалась и в законодательстве Республики Казахстан. В КоБСС Республики Казахстан были закреплены более прогрессивные подходы (аналогичные белорусским). Согласно части второй пункта 2 ст. 47, «в случае рождения ребенка суррогатной матерью происхождение ребенка удостоверяется на основании заключенного договора суррогатного материнства». Заключение такого договора заведомо предполагает родительские права и обязанности супругов (заказчиков) на ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных методов и технологий (пункт 2 ст. 54), следовательно, «суррогатная мать <...> при заключении договора суррогатного материнства обязана <...> передать рожденного ребенка лицам, заключившим с ней договор суррогатного материнства» (подпункт 4 пункта 2 ст. 57), и супруги записываются его родителями в книге записей актов о рождении (часть вторая пункта 2 ст. 192) [4].

В законодательстве Республики Казахстан также предусмотрена ситуация, когда супруги (заказчики), заключившие договор с суррогатной матерью, отказываются от ребенка. В этом случае право материнства по желанию суррогатной матери остается за ней, и лишь при ее отказе ребенок передается на попечение государства. При этом супруги, отказавшиеся от ребенка, при принятии его суррогатной матерью обязаны выплатить последней компенсацию в размере и порядке, установленном договором. Следует отметить, что согласно нормам КоБСС Республики Казахстан передача ребенка суррогатной матери либо государственным организациям в форме опеки не прекращает его прав как наследника супругов (заказчиков) [4].

Законодательство Беларуси и Казахстана, обязывая суррогатную мать передать ребенка супругам (заказчикам), предусматривает и исключение: заказчики не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, рожденного суррогатной матерью, за исключением случаев, когда имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела в результате наступления естественной беременности, а не имплантации эмбриона [2; 4]. Кроме того, согласно законодательству Казахстана договор суррогатного материнства в этом случае расторгается с выплатой ею всех расходов, затраченных заказчиками согласно договору суррогатного материнства (ст. 59) [4].

Таким образом, анализ семейно-правовых фикций, касающихся суррогатного материнства, указывает на прогрессивность законодательства Беларуси и Казахстана по сравнению с российским, поскольку нормами, содержащимися в КоБС и КоБСС Республики Казахстан, обеспечивается максимальная правовая определен-

ность при законодательном регулировании применения данной технологии. Положения этих актов однозначно закрепляют материнство (отцовство) ребенка, родившегося в результате применения таких методов, а также то, что материнство и (или) отцовство субъекты соответствующих правоотношений оспаривать не вправе. Формулировка же, используемая в настоящее время в СК Российской Федерации, допускает возможность возникновения неоднозначных ситуаций по поводу прав на ребенка и нуждается в корректировке, поскольку абсолютно не защищены интересы заказчиков, ожидающих ребенка. А ведь назначение и смысл применения юридической фикции состоят в том, чтобы не усилить, а устранить неопределенность в отношениях, урегулировав их однозначно. Такие свойства юридической фикции, как категоричность и неопровержимость, позволяющие однозначно и эффективно устранять ситуации правовой неопределенности и разрешать конфликты интересов между субъектами правоотношений, могут и должны использоваться законодателем, чтобы сделать общественные отношения максимально определенными, что законодательству Республики Беларусь и Республики Казахстан удалось осуществить в полной мере.

С ситуацией, возникающей в случае применения суррогатного материнства, весьма схожа и проблема использования вспомогательных репродуктивных методов и технологий. Но если в случае применения суррогатного материнства применяются различные законодательные подходы, то относительно вспомогательных репродуктивных методов и технологий правовое регулирование идентично в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан.

В случае применения суррогатного материнства лица, предоставляющие генетический материал (то есть генетические родители), дают согласие на имплантацию этого материала суррогатной матери, которой предстоит выносить и родить ребенка, но которая кровной связи с ребенком фактически не имеет, поскольку у ребенка гены заказчиков. В рассматриваемом случае, наоборот, женщина-заказчик сама вынашивает ребенка, однако зачат он может быть с применением генетического материала другого лица.

В целях пресечения неоднозначных ситуаций (например, отказа от ребенка родителей, давших согласие на применение репродуктивных технологий, случаев установления отцовства по отношению к лицу, явившемуся донором материала, и т.п.) в Республике Беларусь законодательно закрепляется, что «лица, явившиеся донорами половых клеток, которые использовались при применении вспомогательных репродуктивных технологий, не вправе оспаривать

материнство и (или) отцовство ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий» [2]. В свою очередь, «мать ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, не вправе предъявлять иск об установлении отцовства к мужчине, явившемуся донором половых клеток, которые использовались при применении вспомогательных репродуктивных технологий», а «супруг, давший в установленном порядке согласие на применение вспомогательных репродуктивных технологий в отношении своей супруги, признается отцом рожденного ею ребенка и не вправе оспаривать свое отцовство...» [2]. При этом в законодательстве предусмотрена дополнительная гарантия: в случае, если имеются доказательства, что жена забеременела не в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, муж вправе оспаривать свое отцовство на ребенка [2].

«Женщина, родившая ребенка, признается матерью и в том случае, если ребенок зачат из яйцеклетки, изъятной из организма другой женщины, за исключением рождения ребенка суррогатной матерью» [2], — законодатель осознанно делает исключение, дабы избежать путаницы в понимании применения методов вспомогательных репродуктивных технологий и суррогатного материнства.

Законодатели Российской Федерации и Республики Казахстан в этом случае также устанавливают, что лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений, а следовательно, признаются родителями новорожденного. По законодательству России и Казахстана супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона,

не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства [3; 4].

Таким образом, анализ правового регулирования семейно-правовых фикций, регламентирующих использование репродуктивных технологий в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан, показывает единство законодательных подходов при регламентации этих общественных отношений. Созданные правовые механизмы относятся к прогрессивным, учитывающим особенности отношений в сфере репродуктивных технологий, обеспечивают максимальную правовую определенность и однозначность, не позволяя лицам — донорам генетического материала оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, что в конечном итоге благоприятно сказывается на формировании и развитии семьи. Единобразие подходов в правовом регулировании отношений, связанных с использованием репродуктивных технологий, оправдано и потому, что вряд ли данные отношения следует относить к категории таких, где законодатель должен учитывать правовую опыт и традиции конкретной страны. Лица, которые участвуют в отношениях, касающихся репродуктивных вопросов, должны быть равны в своих правах и обязанностях, не зависящих от того, в какой стране они проживают и гражданином какой страны являются.

Использование юридических фикций в правовом регулировании «традиционных» семейных отношений, существующих длительный период, и еще большее их распространение для регламентации недавно возникших общественных отношений, обязанных своим появлением и развитием современному научно-техническому прогрессу, свидетельствует о том, что юридическая фикция в семейном праве — подтверждение ее не архаичности и статичности, а, напротив, развитости и динамичности. Семейно-правовые фикции, регламентирующие использование репродуктивных технологий, — объективная потребность времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Танимов, О.В. Искусственные методы репродукции человека в век тотального социологизаторства: вопросы телесности и правовой аспект / О.В. Танимов, О.А. Зубрилова // Антропологическая экспертиза российского законодательства: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 11–12 февр. 2005 г. / отв. ред. Г.Э. Галанова; Ин-т экономики, управления и права. — Казань: Таглимат, 2005. — С. 190–194.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 30 дек. 2011 г. //

Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс Рос. Федерации, 13 июня 1996 г., № 223-ФЗ: текст Кодекса по состоянию на 30 нояб. 2011 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

4. О браке (супружестве) и семье: Кодекс Респ. Казахстан, 26 дек. 2011 г., № 518-IV // ИС ПАРАГРАФ – ЮРИСТ [Электронный ресурс] / ТОО «ИнфоТех&Сервис». – Алматы, 2012.

5. Курсова, О.А. Фикции в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.А. Курсова; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2001. – 32 с.

6. Козловская, А.Э. Правовые аспекты суррогатного материнства / А.Э. Козловская // Гражданское право. – 2006. – № 2. – С. 67–69.

7. Айвар, Л.К. Правовое положение суррогатного материнства в России: пробелы законодательства / Л.К. Айвар // Юрид. мир. – 2006. – № 2. – С. 73–76.

Дата поступления статьи в редакцию 29.10.2012

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЪЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

МАТВИЙЧУК С.Б.,

кандидат юридических наук, доцент

ЮЦОВ И.А.,

аспирант Белорусского государственного университета

В статье рассмотрены теоретические подходы ученых к понятию «правовой режим». Проведен анализ международных правовых актов, законодательства Республики Беларусь по вопросам правового регулирования правового режима объектов использования атомной энергии, конкретизированы цель и содержание правового режима объектов использования атомной энергии. Предлагается авторское определение понятия «правовой режим объектов использования атомной энергии».

The article deals with scientists' theoretical approaches to the concept of «legal regime». It contains the analysis of international legal acts, the legislation of the Republic of Belarus regarding the questions about the legal regulation of the legal regime of nuclear facilities. Also, this article includes the specified scope and content of the legal regime of nuclear facilities and the suggested author's definition of a «legal regime of nuclear facilities».

Отношения, возникающие в связи с использованием атомной энергии, строительством и эксплуатацией объектов использования атомной энергии, составляют определенный комплекс общественных отношений и имеют внутреннее единство и относительную самостоятельность. Они имеют свои индивидуальные особенности и черты, определяемые и обуславливаемые особенностями объектов, которые вызвали их возникновение.

Указом Президента Республики Беларусь от 12 ноября 2007 г. № 565 «О некоторых мерах по строительству атомной электростанции» (далее – Указ № 565) было принято решение о начале проведения работ по строительству атомной электростанции (далее – АЭС) в Беларуси, в соответствии с которым определены генеральный проектировщик и организация, выполняющая научное сопровождение работ по строительству АЭС [1]. В этой связи вопрос правовой основы регулирования правового режима объектов использования атомной энергии (далее – ОИАЭ) приобрел особую актуальность.

Во многих странах мира, где используется атомная энергия, созданы и функционируют национальные правовые режимы объектов использования атомной энергии.

В Республики Беларусь атомная энергетика играет важную роль в решении проблемы энер-

гообеспечения, которая в настоящее время занимает особое место в энергетическом балансе ряда стран (более 33 процентов в Европе). Она является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей энергетики и играет системообразующую, стабилизирующую и природоохранную роль [2].

В последние годы на различных международных форумах, а также в трудах ученых определенное внимание уделяется вопросу о необходимости дальнейшей разработки правовых мер, регулирующих отношения, возникающие в связи с использованием атомной энергии в мирных целях. Это объясняется тем, что система гарантий Международного агентства по атомной энергии (далее – МАГАТЭ) направлена на предотвращение переключения ядерных материалов с мирных целей на военные.

Проводя сравнительный анализ существующих в юридической науке подходов к пониманию такого юридического феномена, как «правовой режим», необходимо отметить, что пока у ученых не сложилось однозначного толкования определения и содержания.

Слово «режим» происходит от французского «regime» и латинского «regimen», «rego» – управляю. В толковом словаре русского языка закреплено несколько определений режима: государственный строй; условия деятельности, ра-

боты, существования; распорядок дела, действий [3, с. 543]. Существует определение режима как метод управления; установленный распорядок жизни; совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели [4, с. 248].

В юридическом словаре дано следующее определение: «правовой режим – это особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права».

Основные признаки правовых режимов:

- они устанавливаются в законодательстве и обеспечиваются государством;
- имеют цель специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права;
- представляют собой особый порядок правового регулирования, состоящий из юридических средств и характеризующийся определенным их сочетанием;
- создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов отдельных субъектов права» [5, с. 30].

Под правовым режимом Д.Н.Бахрах понимает систему норм права, регулиующую деятельность, отношения между людьми по поводу определенных объектов [6, с. 411].

По мнению С.С.Алексеева, правовой режим – это социальный режим определенного объекта, урегулированный нормами права и обеспеченный совокупностью юридических средств [7, с. 186].

Н.И.Матузов и А.В.Малько полагают, что «правовой режим – органическая часть государственного и политического режима. Если государственный режим определяется обычно как совокупность методов, приемов, способов осуществления государственной власти, то политический режим – это функциональная (деятельная) сторона политической системы общества» [8].

Учитывая многообразие мнений ученых-правоведов в вопросах уяснения сути и содержания категории «правовой режим», выделяют общие черты режима:

- социальность, выраженную наличием определенных ограничений и льгот;
- направленность на достижение определенных целей;
- пространственный и функциональный, пространственно-функциональный характер;
- правоохранительная сущность;
- наличие правовых средств, создающих условия для его применения [9, с. 467].

Так, И.И.Мах отмечает: «Правовой режим – это пространственно-функциональное состояние

определенного социального объекта, выраженное в различных ограничениях, урегулированных нормами права и обеспеченных совокупностью правоохранительных средств» [9, с. 467].

Согласно анализу различных взглядов ученых, правовой режим носит внутриотраслевой характер. Так, отмечается, что «в пределах отрасли определяется своеобразный юридический режим, регламентирующий правовое положение субъектов права, устанавливающий законные способы реализации прав и исполнения юридических обязанностей, государственно-правовые меры, направленные на неукоснительную реализацию правовых норм в конкретных отношениях. Отрасль права содержит полный набор юридических средств, призванных обеспечить эффективное действие как отрасли в целом, так и каждого его компонента на уровне правовых институтов и конкретных норм права. При этом для каждой отрасли характерен специфический, только ей присущий набор юридических средств правового регулирования, что позволяет не только объединять нормы права в единое целое, придавать им упорядоченный, системный характер, но и отличать одну отрасль права от другой» [10, с. 277].

А.А.Долгополов полагает, что правовой режим, являясь формой правового регулирования, объединяет правовые нормы различных отраслей права в единую систему, доминантная отраслевая направленность которой соотносит правовой режим с определенной отраслью права [11, с. 21].

В содержании правовых режимов выделяют правовые и организационные элементы. При проведении режимных мероприятий преследуется цель сделать эту деятельность подконтрольной с точки зрения интересов обеспечения общественной безопасности, не допустить отклонений от установленного в этих интересах порядка данной деятельности, предупредить, выявить и пресечь действия, наносящие ущерб охраняемым интересам [12].

«Как элемент любой социально управляемой системы, правовой режим предопределяет государственное регулирование общественных отношений, складывающихся в процессе его действия. Регулирование общественных отношений осуществляется государством преимущественно посредством издания правовых актов», – пишет В.Ф. Ермолович [13, с. 35].

Исследуя природу правового режима ОИАЭ, необходимо проанализировать источники правового регулирования.

Все правовые источники, регулирующие правовой режим ОИАЭ, необходимо условно разделить на два уровня:

- международные правовые акты;
- национальные правовые акты.

В настоящее время в Республике Беларусь произошли значительные изменения в сфере

усовершенствования национальной законодательной базы, которые подтверждают выполнение нашим государством международных обязательств по установлению правового режима ОИАЭ.

В соответствии со ст. 8 Конституции Республики Беларусь наше государство признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства [14].

Основополагающим международным документом является Конвенция о ядерной безопасности МАГАТЭ от 17 июня 1994 г., которая вступила в силу 24 октября 1996 года, а для Республики Беларусь – 27 января 1999 г.

Данная Конвенция имеет следующие цели:

1) достичь высокого уровня ядерной безопасности во всем мире на основе укрепления национальных мер и международного сотрудничества, в том числе, в соответствующих случаях, на основе технического сотрудничества в области безопасности, и поддерживать такой уровень;

2) создать и поддерживать на ядерных установках эффективные средства защиты от потенциальной радиационной опасности, с тем чтобы защитить отдельных лиц, общество в целом и окружающую среду от вредного воздействия ионизирующих излучений от таких установок;

3) предотвращать аварии с радиологическими последствиями и смягчать такие последствия в том случае, если они произойдут.

Конвенция предусматривает, что каждая договаривающаяся сторона в рамках своих национальных законов принимает законодательные, регулирующие и административные меры и другие шаги, необходимые для осуществления своих обязательств, вытекающих из Конвенции.

Особо оговаривается, что каждая договаривающаяся сторона создает и поддерживает законодательную и регулируемую основу для обеспечения безопасности ядерных установок.

Законодательная и регулирующая основа предусматривает:

1) введение соответствующих национальных требований и регулирующих положений в области безопасности;

2) систему лицензирования в отношении ядерных установок и запрещение эксплуатации ядерной установки без лицензии;

3) систему регулирующего контроля и оценки ядерных установок в целях проверки соблюдения действующих регулирующих положений и условий лицензий;

4) обеспечение выполнения действующих регулирующих положений и условий лицензий, включая приостановку действия, изменение или аннулирование [15].

Важнейшим международным документом является Конвенция о физической защите ядерного материала МАГАТЭ от 26 октября 1979 г.

Главной задачей Конвенции является обеспечение защиты ядерного материала от несанкционированного доступа во время международной перевозки (включая экспорт, импорт и транзит). Решение данной задачи осуществляется по трем направлениям:

- предотвращение несанкционированного доступа;
- восстановление контроля над похищенным материалом;
- ответственность виновных лиц.

Статья 7 Конвенции перечисляет действия против безопасности ядерных материалов и установок, которые государства-участники должны будут в своем законодательстве признать наказуемыми правонарушениями и либо судить нарушителей, либо выдать их компетентному суду [16].

В целом Конвенция представляет собой эффективный инструмент обеспечения ядерной безопасности.

Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии МАГАТЭ от 26 сентября 1986 г. вступила в силу в Республике Беларусь 26 февраля 1987 г. Она применяется в случае любой аварии, связанной с указанными ниже установками или деятельностью государства-участника или лиц или юридических субъектов под его юрисдикцией или контролем, вследствие которой происходит или может произойти выброс радиоактивных веществ и которая привела или может привести к международному трансграничному выбросу, что могло бы иметь с точки зрения радиационной безопасности значение для другого государства.

Установками и деятельностью являются:

1) любой ядерный реактор независимо от местонахождения;

2) любая установка ядерного топливного цикла;

3) любая установка по обращению с радиоактивными отходами;

4) перевозка и хранение ядерного топлива или радиоактивных отходов;

5) изготовление, использование, хранение, удаление и перевозка радиоизотопов для сельскохозяйственных, промышленных, медицинских целей и для проведения научных исследований в этих областях;

6) использование радиоизотопов для выработки энергии в космических объектах [17].

26 февраля 1987 г. в Республике Беларусь вступила в силу Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации МАГАТЭ от 26 сентября 1986 г. [18].

Как указывалось выше, 12 ноября 2007 г. Президентом Республики Беларусь был подпи-

сан Указ № 565 [1]. Данным нормативным правовым актом было положено начало разработке и принятию национальных источников, регулирующих все вопросы, связанные с атомной энергетикой.

Центральное место в системе национальных нормативных правовых актов занимает Закон Республики Беларусь от 30 июля 2008 года «Об использовании атомной энергии» (далее – Закон).

В ст. 1 Закона дается определение физической защиты как комплекса технических, организационных и иных мер, направленных на сохранность ОИАЭ и предотвращение несанкционированного доступа к ним.

Глава 6 Закона содержит конкретные требования к физической защите ОИАЭ. Так, в соответствии со ст. 22, физическая защита ОИАЭ осуществляется в целях:

- предотвращения несанкционированного проникновения на территорию ядерной установки и (или) пункта хранения, предотвращения несанкционированного доступа к ядерным материалам, отработавшим ядерным материалам и (или) эксплуатационным радиоактивным отходам, их хищения или повреждения;
- своевременного выявления, предупреждения и пресечения угроз безопасности ОИАЭ, в том числе террористического и диверсионного характера;
- обнаружения и возврата пропавших или похищенных ядерных материалов, отработавших ядерных материалов и (или) эксплуатационных радиоактивных отходов.

Меры по обеспечению физической защиты ядерной установки и (или) пункта хранения должны предусматриваться на всех этапах проектирования, сооружения, ввода в эксплуатацию, эксплуатации, ограничения эксплуатационных характеристик, продления срока эксплуатации, вывода из эксплуатации, а также при обращении с ядерными материалами, отработавшими ядерными материалами и (или) эксплуатационными радиоактивными отходами.

Государственный надзор за обеспечением физической защиты ОИАЭ осуществляется уполномоченными государственными органами по регулированию безопасности при использовании атомной энергии в порядке, установленном Правительством Республики Беларусь.

На территории ядерной установки и (или) пункта хранения и в их санитарно-защитных зонах запрещается проведение массовых мероприятий [19].

На основании абзаца девятого ст. 5 Закона Совет Министров Республики Беларусь принял постановление от 27 сентября 2010 г. № 1385 «Об утверждении Положения о физической защите объектов использования атомной энергии».

Данным Положением определяются условия и порядок обеспечения физической защиты ОИАЭ.

Физическая защита обеспечивается эксплуатирующими организациями и республиканскими органами государственного управления в пределах их компетенции.

В целях поддержания физической защиты в состоянии, при котором возможно эффективное реагирование на проектную угрозу, эксплуатирующая организация разрабатывает и после согласования с республиканскими органами государственного управления, осуществляющими государственное регулирование деятельности по обеспечению безопасности при использовании атомной энергии, утверждает программы обеспечения качества физической защиты.

В целях установления требований к физической защите для каждого объекта использования атомной энергии эксплуатирующей организацией определяется проектная угроза в порядке, установленном Министерством внутренних дел. Проектная угроза – свойства и характеристики потенциальных нарушителей, для противодействия которым проектируется и оценивается физическая защита.

Эксплуатирующая организация обеспечивает:

- совместно с республиканскими органами государственного управления в пределах их компетенции создание и функционирование физической защиты;
- проведение анализа уязвимости ОИАЭ;
- оценку последствий несанкционированных действий в отношении ОИАЭ;
- оценку эффективности и разработку предложений о совершенствовании физической защиты;
- разработку и утверждение в установленном порядке локальных нормативных правовых актов по физической защите;
- выполнение иных обязанностей, установленных законодательством.

Эксплуатирующая организация взаимодействует с республиканскими органами государственного управления, осуществляющими государственное регулирование безопасности при использовании атомной энергии, в части регулирования безопасности при использовании атомной энергии, а также незамедлительно информирует заинтересованные государственные органы в соответствии с их компетенцией о противоправных действиях в отношении ОИАЭ или попытке совершения таких действий [20].

В соответствии с Указом № 565 для осуществления государственного надзора в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности в Министерстве по чрезвычайным ситуациям создан Департамент по ядерной и радиационной безопасности (далее – Госатомнадзор),

который является структурным подразделением с правами юридического лица Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, осуществляющим специальные функции в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности [1].

Госатомнадзор в соответствии с возложенными на него задачами в пределах своей компетенции организует и осуществляет государственный надзор за:

- обеспечением физической защиты ядерных материалов и установок, радиационных источников, пунктов хранения;
 - планированием защитных мероприятий по обеспечению безопасности работающего персонала и населения в случае ядерных и радиационных аварий;
- Кроме того, осуществляет контроль за:
- соблюдением требований норм и правил в области использования атомной энергии;
 - выполнением международных обязательств Республики Беларусь по обеспечению ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии и источников ионизирующего излучения.

Уголовным кодексом Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил обеспечения физической защиты ядерных материалов (далее – УК) [21].

Так, ст. 278 УК предусматривает ответственность за нарушение правил безопасности производства, хранения, использования, транспортировки, захоронения или иного обращения с радиоактивными веществами или отходами.

Статья 301 УК содержит нормы об ответственности за нарушение правил производственно-технической дисциплины или правил безопасности на объектах использования атомной энергии, создавшее угрозу радиоактивного загрязнения, повлекшее по неосторожности радиоактивное загрязнение, смерть человека, либо причинение тяжкого телесного повреждения, либо иные тяжкие последствия.

Кроме того, главой 29 «Преступления против здоровья населения» предусмотрена уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, использование, сбыт либо разрушение радиоактивных материалов (источников ионизирующего излучения, радиоактивных веществ и ядерных материалов, находящихся в любом физическом состоянии в установке, изделии или в ином виде), хищение радиоактивных материалов, угрозу опасным использованием радиоактивных материалов и нарушение правил обращения с радиоактивными материалами.

Таким образом, принятие нормативных правовых актов, регулирующих использование атомной энергии, привело к формированию пра-

вового режима ОИАЭ как самостоятельного правового института административного права. В связи с тем, что общественные отношения, связанные с использованием атомной энергии, носят комплексный характер, можно с полной уверенностью говорить, что правовой режим ОИАЭ также носит комплексный характер. Это выражается в том, что:

- правовые нормы, регулирующие эти отношения, подразделяются на нормы, входящие в национальные правовые акты, и на нормы, входящие в международные правовые акты;
- комплекс национальных правовых актов включает нормы административного, гражданского, уголовного права, объединенные единым предметом регулирования.

В правовых актах, регулирующих правовую основу правового режима ОИАЭ, содержатся нормы, регулирующие порядок режимной деятельности субъектов, перечень действий, подлежащих обязательной регистрации, и действий, запрещаемых без специального разрешения, виды ответственности и санкции за допущенные нарушения.

Основной целью правового режима является создание надежного правового механизма, который бы предупреждал правонарушения и наступление иных вредных последствий, опасных для личности, общества и государства.

Необходимо также отметить, что содержание правового режима ОИАЭ включает порядок деятельности в режимных сферах, регистрацию определенных видов деятельности, систему разрешений, которые бы обеспечили необходимый учет и контроль определенных видов деятельности, прямое запрещение отдельных установлений и применение различных видов ответственности за нарушение действующих правил.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что правовой режим ОИАЭ представляет собой правовой институт, нацеленный на установление оптимальных с точки зрения государства отношений, возникающих в связи с использованием атомной энергии, строительством и эксплуатацией ОИАЭ.

Таким образом, «правовой режим ОИАЭ» – это специальный порядок осуществления деятельности, а также функционирование органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления, организаций, которые используют разрешительные, надзорные, принудительные, информационные методы в качестве правовых мер обеспечения безопасности общественных отношений, возникающих в связи с использованием атомной энергии, строительством и эксплуатацией ОИАЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. О некоторых мерах по строительству атомной электростанции: Указ Президента Респ. Беларусь, 12 нояб. 2007 г., № 565 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 274. – 1/9085.
2. Государственная программа «Научное сопровождение развития атомной энергетики в Республике Беларусь на 2009–2010 годы и на период до 2020 года»: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 авг. 2009 г., № 1116 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 212. – 5/30385.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Мир и Образование, 2012. – 736 с.
4. Большая советская энциклопедия. Т. 36. – М.: Гос. науч. изд-во, 1955.
5. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. – М.: Проспект, 2009. – 504 с.
6. Бахрах, Д.Н. Административное право России / Д.Н. Бахрах. – М., 2002. – 640 с.
7. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 286 с.
8. Матузов, Н.И. Политико-правовые режимы: актуальные проблемы / Н.И. Матузов, А.В. Малько // Россия. Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 63–69.
9. Мах, И.И. Административное право Республики Беларусь: курс лекций / И.И. Мах. – Минск.: ГИУСТ БГУ, 2006. – 543 с.
10. Проблемы теории государства и права: учеб. / Т.В. Кашанина [и др.]; под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо: РАП, 2008. – 525 с.
11. Долгополов, А.А. Сущность режимного административно-правового регулирования / А.А. Долгополов // Административное право и процесс. – 2012. – № 1. – С. 18–21.
12. Гуцин, В.В. Правовые и организационные основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации при чрезвычайных ситуациях: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / В.В. Гуцин; Акад. упр. МВД России. – М., 1998. – 38 с.
13. Ермолович, В.Ф. Концептуальные подходы к правовому регулированию административно-правовых режимов в Республике Беларусь / В.Ф. Ермолович, В.А. Рябоволов // Законность и правопорядок. – 2012. – № 3 (23). – С. 35–40.
14. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
15. Конвенция о ядерной безопасности: Конвенция Междунар. агентства по атомной энергии, 17 июня 1994 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
16. Конвенция о физической защите ядерного материала: Конвенция Междунар. агентства по атомной энергии, 26 окт. 1979 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
17. Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии: Конвенция Междунар. агентства по атомной энергии, 26 сент. 1986 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
18. Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации: Конвенция Междунар. агентства по атомной энергии, 26 сент. 1986 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
19. Об использовании атомной энергии: Закон Респ. Беларусь, 30 июля 2008 г., № 426-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 нояб. 2009 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
20. Об утверждении Положения о физической защите объектов использования атомной энергии: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 сент. 2010 г., № 1385 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
21. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 26 окт. 2012 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 15.03.2013

О ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ХИЩЕНИЯМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ ИЛИ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

ЕРМОЛОВИЧ В.Ф.,

профессор кафедры криминалистики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации

ТАЛАЛАЕВ В.А.,

заместитель начальника кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь

В статье проведен анализ правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение хищений огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, определены направления правового противодействия данным преступлениям.

In the article the analysis of the rules of law providing responsibility for commission of plunders of firearms, ammunition or explosives is carried out, the directions of legal counteraction to these crimes are defined.

В последние годы в Республике Беларусь особое внимание уделяется проблемам правового обеспечения национальной безопасности. Наша республика в силу принятых мер является государством, на территории которого минимизированы проявления террористической активности, экстремизма и других подобных противоправных тенденций.

Необходимость дальнейшего правового обеспечения общественной безопасности в сфере обращения огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств обусловлена:

- требованиями современности к усилению степени защиты интересов личности, общества и государства от угроз, связанных с преступным использованием огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ;
- целесообразностью реализации соответствующих мероприятий по изъятию предметов вооружения из незаконного оборота и установлению источников их поступления к гражданам;
- стабильностью проявления, ростом общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием предметов вооружения;
- востребованностью усилий по противодействию проявлению экстремизма, террористической активности и иным, связанным с указанными, негативным тенденциям;

- дальнейшим повышением авторитета военной службы в государстве, укреплением воинской дисциплины и иными обстоятельствами.

В государственных программах, направленных на борьбу с преступностью, отмечается рост вооруженности и организованности преступников. Указаны основные направления предупреждения и пресечения незаконного оборота оружия, актов терроризма, проявлений экстремизма, организованной преступности [1].

Важная роль в противодействии хищениям, незаконному обороту, преступному использованию предметов вооружения отводится уголовно-правовым нормам.

В большинстве составов преступлений, предусмотренных главой 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), законодатель указывает на повышенную степень опасности предметов вооружения, их преступного применения, конкретизированы общественно опасные последствия этого явления.

Наличие в незаконном обороте предметов вооружения, в соответствии с действующим законодательством запрещенных или ограниченных к свободному обращению, вызывает интерес правоохранительных органов в отношении источника их поступления к отдельным гражданам.

В части 1 ст. 294 УК к предмету хищения отнесены огнестрельное оружие, его составные части или компоненты, боеприпасы, взрывчатые вещества (далее – ВВ) или взрывные устройства (далее – ВУ) [2].

Определение огнестрельного оружия, его составных частей или компонентов, боеприпасов дается в Законе Республики Беларусь от 13 ноября 2001 года «Об оружии» (далее – Закон «Об оружии») [3].

Все огнестрельное оружие по предназначению и основным характеристикам подразделяется на боевое, служебное и гражданское. Этим дифференцирована степень опасности каждого из указанных видов оружия, в соответствии с которой определяются количество, содержание, специфика оборота предметов вооружения на различных этапах его цикла.

В Законе «Об оружии» нет определения таких предметов вооружения, как ВВ и ВУ. Оно дается в уголовно-правовой литературе, судебной практике.

В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297 УК)» (далее – постановление № 1) указано, что к ВВ следует относить химические вещества и смеси, обладающие способностью к взрыву без доступа кислорода (порох, динамит, тротил и т.п.). ВУ признаются предназначенными к взрыву при определенных условиях изделия, изготовленные промышленным или самодельным способом, объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва [4].

По своим характеристикам, свойствам, механизму воздействия на цель, степени поражающего воздействия ВВ и ВУ отличны от предметов, указанных в части 1 ст. 294 УК.

ВВ и ВУ в силу их специфического предназначения всегда присуща социальная опасность, и наибольшую тревогу в обществе вызывает тенденция расширения использования взрыва в способе совершения отдельных видов и групп преступлений.

Малоправляемая энергия взрыва, как и возможность дистанционного управления ВУ, взятые на вооружение преступниками, несут в себе чрезвычайную опасность для общества. Помимо известных последствий криминальных взрывов, устрашающий фактор их производства служит преступным целям его исполнителей, деморализуя окружающих.

Преступное применение ВУ способствует дестабилизации общественного порядка и тем самым оказывает негативное воздействие на отдельные политические аспекты деятельности государства. Хищения и дальнейший неконтро-

лируемый оборот указанных веществ и устройств создают большую угрозу общественной безопасности. При их преступном использовании ставятся под угрозу жизнь, здоровье, другие охраняемые законом интересы более широкого круга лиц, в отличие от других предметов вооружения, указанных в диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Таким образом, хищение ВВ или ВУ обладает более высокой общественной опасностью, что целесообразно учесть в уголовном законодательстве путем выделения таких предметов из общего перечня видов вооружения, содержащихся в части 1 ст. 294 УК.

Для инициирования ВВ необходимо внешнее воздействие. Используемые в военной сфере и промышленности ВВ требуют достаточно мощного импульса для детонации, чтобы ее причиной не стала случайность при хранении или транспортировке ВВ.

По своим характеристикам приспособление для инициирования взрыва также содержит ВВ, однако, исходя из предназначения и технических характеристик, не может причинить такой вред, как ВУ при его преступном использовании.

Следует отметить, что в перечне предметов вооружения, указанных в части 1 ст. 294 УК, приспособления для инициирования взрыва отдельно не обозначены.

К таким приспособлениям относятся капсули-воспламенители и капсульные втулки, капсули-детонаторы, электровоспламенители и электродетонаторы, детонирующий шнур и др. Без их наличия устройство взрывным не является, что чаще всего сознает субъект хищения указанных предметов.

Вследствие своего специфического предназначения приспособления для инициирования взрыва целесообразно оценивать в качестве самостоятельного предмета хищения.

При данном подходе будут учтены положения пункта 23 постановления № 1 о том, что судам при оценке степени общественной опасности содеянного и назначении наказания по делам о преступлениях необходимо учитывать вид, количество, свойства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также цели и мотивы действий виновных [4].

Таким образом, в действующей редакции ст. 294 УК установлена ответственность за совершение хищений предметов преступления, отличающихся друг от друга целевым предназначением, качественными и иными характеристиками. Это оказывает влияние на характер и степень общественной опасности преступления в целом.

В ст. 294 УК законодатель акцентирует внимание на непосредственном объекте преступления – общественной безопасности в сфере кон-

троля за обращением оружия различных видов, его основных частей, боеприпасов, ВВ или ВУ.

Общественная безопасность здесь проявляется в предотвращении, устранении угрозы, исходящей не только от общественно опасного поведения лиц, совершающих хищения указанных предметов, но и их дальнейшего незаконного оборота и высокой вероятности преступного использования.

Одними из факультативных объектов рассматриваемых преступлений являются отношения собственности. Сущность преступления состоит в хищении различными способами предметов вооружения, выступающих в качестве чужого имущества. Последнее имеет определенную стоимость, иногда существенную для владельца.

Предметы вооружения могут принадлежать гражданам, организациям или формированиям, в том числе государственным воинским.

Боевое оружие принято на вооружение в государственных воинских формированиях и военнизированных организациях, таможенных органах, органах прокуратуры, а также изготавливается для поставок в другие государства.

Служебное оружие используется должностными лицами государственных органов и работниками юридических лиц, которым законодательством Республики Беларусь разрешено его хранение, хранение и применение.

Гражданское оружие используется физическими лицами, которые приобретают его в установленном порядке в целях самообороны, для занятий спортом и охоты [3].

Таким образом, отношения собственности неизбежно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на непосредственный объект – общественную безопасность. Посягательство на такой дополнительный объект, как собственность, имеет место в каждом случае совершения рассматриваемого вида преступлений. Если посягательства на отношения собственности не было, деяние не может быть квалифицировано как хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ.

В части 3 ст. 294 УК Республики Беларусь законодатель указывает на квалифицирующий признак хищения таких предметов с целью сбыта, одной из форм которого выступает их продажа.

В рамках уточнения структуры и содержания элементов криминалистической характеристики таких хищений нами проведен анализ отдельных материалов уголовных дел рассматриваемой категории, характеризующих личность преступника, его мотивы и цели, который показывает, что самым распространенным среди ряда других выступает корыстный мотив.

В основе побудительных причин хищения огнестрельного оружия и других предметов преступления лежит стремление преступника полу-

чить какую-либо материальную выгоду. Преимущественно возникает ситуация, когда за счет хищения и последующей реализации похищенного субъект преступления стремится улучшить свое материальное положение в ущерб интересам общественной безопасности, что, по нашему мнению, целесообразно учесть в рассматриваемой уголовно-правовой норме. В этой связи увеличение количества похищенных предметов вооружения повышает и общественную опасность преступления. Представляется, что правовая оценка данного деяния может зависеть как от качественных, так и от количественных характеристик похищенных предметов вооружения.

Изучение материалов архивных уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений показывает, что в следственной и судебной практике в отдельных случаях, когда похищенные предметы возвратить по принадлежности не удается, размер причиненного преступлением ущерба, обусловленный уничтожением, повреждением таких предметов, зачастую не устанавливается.

Вместе с тем в части 3 ст. 44 УК указано, что уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него имущественного ущерба.

Законодательной гарантией возмещения такого вида ущерба гражданам, государству в лице указанных выше организаций или формирований может послужить установление размера ущерба, причиненного хищением. Это будет способствовать дальнейшему обеспечению конституционных прав граждан и организаций, объективности и полноте установления обстоятельств по уголовному делу и, в свою очередь, упорядочит и оптимизирует решение задач расследования рассматриваемых преступлений.

Такой подход имеет место в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья. К примеру, Уголовный кодекс Республики Армения ответственность за хищение или вымогательство предметов вооружения определяет в ст. 238 главы 23 «Преступления против общественной безопасности». В частях 3 и 4 указанной статьи предусмотрен ущерб в крупном и особо крупном размерах, но его количественное выражение не определено. Однако это предусмотрено в главе 21 «Преступления против собственности» [5].

В уголовном законодательстве отдельных государств хищение оружия, боеприпасов или ВВ рассматривается как посягательство на интересы собственности. В части 4 ст. 175 Уголовного кодекса Латвийской Республики отмечается: «Кража... взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или боеприпасов – наказывается лишением свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества и контролем поли-

ции на срок до трех лет». Ответственность за завладение взрывчатыми веществами, огнестрельным оружием или боеприпасами способами разбоя, мошенничества установлена в ст.ст. 176 и 177 указанного нормативного правового акта [6, с. 182–186].

В Уголовном кодексе Республики Польша акцентируется внимание на специальном субъекте хищения оружия. В § 1 ст. 358 главы XLIV «Преступления против военного имущества» указано: «Военнослужащий, который самовольно распоряжается военным оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или иными средствами ведения боя, подлежит наказанию воинским арестом либо лишением свободы на срок до 3 лет» [7, с. 226].

В некоторых странах дальнего зарубежья, например в Швейцарии, ответственность за хищение оружия предусматривается вторым разделом Уголовного кодекса «Преступные деяния против имущества». Уголовно наказуемым является завладение предметами преступления путем растраты (ст. 138), кражи (ст. 139), разбоя (ст. 140) [8, с. 170–173].

В уголовном законодательстве Японии отдельно не устанавливается ответственность за совершение хищения оружия, боеприпасов или ВВ. Уголовно наказуемыми обозначены преступления, состоящие «в краже и разбое» (глава 36), «мошенничестве и вымогательстве» (глава 37), «присвоении» (глава 38) [9, с. 142–150].

Оборот предметов вооружения отдельных видов регулируется локальными нормативными правовыми актами. Анализ правовой регламентации оборота оружия в государственных воинских формированиях позволяет выделить основные самостоятельные этапы оборота вооружения. К ним относятся закупка, хранение, эксплуатация, ремонт (техническое обслуживание), перемещение (транспортировка), утилизация предметов вооружения, каждый из которых характеризуется индивидуальным содержанием. Основные требования к организации охраны вооружения на данных этапах урегулированы положениями общевойсковых уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Действие указанных уставов распространяется на военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь, внутренних войск Министерства внутренних дел, органов государственной безопасности, пограничной службы и транспортных войск, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, других воинских формирований, создаваемых в соответствии с законодательством Республики Беларусь, военнообязанных, призванных на сборы.

Применительно к рассматриваемым вопросам следует отметить, что в пунктах 179, 298 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь, пункте 125 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Республики Беларусь общевойсковых уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь содержится термин «личное оружие» офицеров и прапорщиков [10].

Термин «личное оружие» буквально означает принадлежность боевого оружия конкретным военнослужащим (то есть, по сути, являющееся их собственностью). В соответствии с Законом «Об оружии» гражданам запрещается иметь в собственности боевое и служебное оружие, за исключением наградного [3, ст.ст. 5–6].

Указанные уставы как нормативные правовые акты должны соответствовать общим требованиям, предъявляемым к ним. Так, в ст. 23 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 года «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» указано, что термины и понятия, используемые в тексте таких актов, должны быть понятными и однозначными [11]. В этой связи вместо термина «личное» целесообразно использовать «закрепленное» оружие.

Таким образом, для повышения эффективности противодействия хищениям, незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, ВВ, ВУ целесообразно совершенствование правовых норм отдельных законодательных актов криминального цикла.

В части 1 ст. 294 УК содержится перечень видов предметов хищения, отличающихся друг от друга специфическим целевым назначением, тактико-техническими, боевыми, иными характеристиками, свойствами и, соответственно, степенью опасности. ВВ и ВУ по степени поражающего воздействия, неизбирательности целей при их преступном применении либо неосторожном обращении, ряду других связанных с указанными факторами являются наиболее опасными из представленного перечня, что может служить основанием для рассмотрения их в качестве квалифицирующих признаков хищения.

Приспособления для инициирования взрыва также имеют специфическое назначение, отличающее их от других предметов хищения. В перечне видов похищаемого вооружения такие приспособления не указаны. Для решения задач расследования таких преступлений, объективной оценки преступного деяния целесообразно считать приспособления для инициирования взрыва самостоятельным предметом хищения. Кроме того, понятие приспособлений для инициирования взрыва законодательно не закреплено, хотя имеет принципиальное значение для квалификации рассматриваемого преступного деяния, решения задач его расследования, связанных с ус-

тановлением всех мотивов и целей преступника. В этой связи полагаем целесообразным дополнить часть первую ст. 1 Закона «Об оружии» абзацем двадцать четвертым следующего содержания: «приспособление для инициирования взрыва — изделие промышленного или самодельного изготовления, содержащее заряд, достаточный для однократного воздействия различными способами на взрывчатые вещества в целях его подрыва.».

Важной задачей расследования рассматриваемых преступлений является установление факта получения расхитителем дохода в результате реализации предметов хищения. Цель сбыта похищенного вооружения, указанная в части 3

ст. 294 УК, не предполагает обязательного извлечения дохода. Поэтому наиболее распространенный на практике корыстный мотив целесообразно признать самостоятельным признаком данного преступления, что не противоречит содержанию примечания к указанной уголовно-правовой норме.

Реализация данных предложений, по нашему мнению, будет способствовать: сведению до минимума ошибок правового, организационного и тактического характера; конкретизации задач, упорядочению и оптимизации процесса расследования указанных преступлений; дальнейшему обеспечению прав граждан и государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 сент. 2010 г., № 485: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 621 // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 26 окт. 2012 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
3. Об оружии: Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З: в ред. Закона Респ. Беларусь, 4 мая 2012 г., № 360-З // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297 УК): постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 3 апр. 2008 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2008. — № 94. — 6/703.
5. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е.Р. Азарян, пер. с армян. Р.З. Авакян. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 450 с.
6. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. А.И. Лукашов, Э.А. Саркисова; пер. с латыш. А.И. Лукашова; редкол.: Р.М. Асланов [и др.]. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. — 313 с.
7. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А.И. Лукашов, Н.Ф. Кузнецова; вступ. ст. А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич; редкол.: Р.М. Асланов [и др.]. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 234 с.
8. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., пер. с нем. А.В. Серебренникова; редкол.: Р.М. Асланов [и др.]. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 350 с.
9. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. А.И. Коробеев; пер. с япон. В.Н. Еремина, В.В. Курлапова; редкол.: Р.М. Асланов [и др.]. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 226 с.
10. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2001 г., № 355: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 5 апр. 2012 г., № 157 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2001. — № 62. — 1/2794.
11. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 2 июля 2009 г. // Эталон–Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 26.02.2013

РЕАДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПРОБЛЕМЫ

БУРЫЙ В.Е.,

заместитель начальника факультета милиции по учебной и научной работе
Могилевского высшего колледжа Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

Принятая Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения направлена на реформирование целого комплекса назревших проблемных вопросов уголовной и уголовно-исполнительной политики нашего государства. В части уголовно-исполнительной политики это касается качественного изменения средств, методов и форм исправительного воздействия в отношении осужденных, а также принятия мер по созданию действенной системы их реадaptации в местах лишения свободы.

В статье автор рассматривает правовое обеспечение действующей системы реадaptации в местах лишения свободы и предлагает пересмотреть и выделить основные функции и задачи социальной работы с осужденными к лишению свободы.

The adopted Concept of improvement of the system of criminal responsibility measures and procedure of their execution is aimed at reforming the complex of existing problems in criminal and penal-executive policy of our state. The matter of penal-executive policy concerns qualitative change of measures, methods and forms of corrective enforce on condemned persons, and also assuming the measures aimed at creation of an effective system for their readaptation in prison.

In the article the author considers the legal maintenance of operating system of readaptation in correctional facilities and suggests reconsidering and pointing out the basic functions and problems of social work with criminals condemned to imprisonment.

В соответствии с положениями Концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, одним из важнейших направлений реформирования уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь (далее – УИС) признается реализация стратегии развития, ориентированной, прежде всего, на соблюдение рекомендаций и требований основополагающих международных правовых актов в области соблюдения прав осужденных, создания необходимых условий для их реадaptации в местах лишения свободы (далее – МЛС) и последующей социальной адаптации после освобождения из исправительных учреждений (далее – ИУ).

Новые Европейские пенитенциарные правила (2006 год) указывают на необходимость минимизации пенитенциарного принуждения, дифференциации исполнения уголовного наказания в

виде лишения свободы, создания в ИУ условий, не ущемляющих человеческое достоинство и предоставляющих возможность сознательного включения осужденных в социально полезную деятельность, а также подготовку их к полноценному возвращению в общество через применение индивидуальных исправительно-ресоциализационных программ коррекции личности (социально-правовой, психолого-педагогической, религиозной, общеобразовательной и иной направленности) [1].

Исправление, реадaptация и социальная адаптация освобождаемых из ИУ предполагают не только позитивные изменения личности осужденного, но и коррекцию системы его общественных связей и отношений в микро- и макро-среде. Самостоятельно осуществить подобную социальную терапию осужденный не может и нуждается в постоянной социальной поддержке со стороны государства и общества. В этой связи

возникает необходимость формирования развитой социальной инфраструктуры, объединяющей усилия всех субъектов социальной работы в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды, внедрения в практическую деятельность органов и учреждений УИС инновационных технологий, форм и методов работы с осужденными, создания необходимых правовых, организационных, ресурсных и иных условий развития пенитенциарной социальной работы.

Международная уголовно-исполнительная практика свидетельствует, что разносторонней социальной помощью и поддержкой осужденных на разных этапах их реадaptации и подготовки к жизни на свободе прежде всего должны профессионально заниматься специалисты по социальной работе. В этой связи в свете реализации положений Европейских пенитенциарных правил существенно возрастают требования к профессиональной компетентности персонала ИУ.

Система социальной пенитенциарной работы в нашей стране находится в стадии становления. Отечественная уголовно-исполнительная практика имеет опыт воспитательной, социально-психологической и социальной работы с осужденными. По сведениям Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, в настоящее время в нашей стране сеть социальной адаптации лиц, освобожденных из МЛС, включает 5 учреждений: три центра социальной адаптации ранее судимых лиц (в Гродно, Гомеле, Могилеве), структурное подразделение Минской епархии Белорусской Православной Церкви «Центр социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы» в деревне Любча Борисовского района Минской области, пункт адаптации и реабилитации ранее судимых лиц, утративших социальные связи, в Пинске [2, с. 76]. Вместе с тем уровень пенитенциарного рецидива в общей структуре рецидивной преступности (не менее 25 %) показывает, что этих центров (пунктов) явно недостаточно [3, с. 268–269].

Следует также отметить, что в части 2 статьи 192 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) законодательно закреплено, что службой социальной адаптации исправительных учреждений с осужденными проводится воспитательная работа с целью подготовки их к освобождению, разъясняются их права и обязанности после освобождения [4]. Вместе с тем это положение носит до сих пор (с момента вступления УИК в силу в 2001 году) декларативный характер, так как в ИУ не созданы службы социальной адаптации. Этими вопросами в ИУ в нагрузку занимаются, отвлекаясь от своих прямых обязанностей, сотрудники отдела исправительного процесса.

Более того, на данный момент образовался своего рода вакуум правового сопровождения и

без того невысокого коэффициента полезного действия организации реадaptации в МЛС. В соответствии с постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 12 августа 2010 г. № 256 «О признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Республики Беларусь и структурных элементов постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь» утверждено, что утратили силу такие нормативные правовые акты, регулирующие в том числе вопросы социальной работы и адаптации осужденных в МЛС, как: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2001 г. № 223 «Об утверждении Инструкции о порядке представления лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, к условно-досрочному освобождению от наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2002 г., № 12, 8/7639); абзац второй пункта 1 постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 14 сентября 2005 г. № 285 «Об организации воспитательной работы с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2005 г., № 156, 8/13174) и др. [5].

Как следствие, сегодня правовая основа социальной помощи осужденным как в МЛС, так и в постпенитенциарный период оставляет желать лучшего. Разработка новых правовых актов, регулирующих это направление, требует определенного периода времени, тщательного учета рекомендаций международных правовых актов и постоянных (примерно раз в год) изменений и дополнений, вносимых в Уголовный кодекс Республики Беларусь и УИК.

Внедрение в уголовно-исполнительную практику социальной работы связано с решением таких задач, как:

- идентификация пенитенциарной и постпенитенциарной социальной работы как самостоятельного направления работы с осужденными;
- определение четких целей, принципов, функций, задач, методов, форм, инструментария социальной работы как в ИУ, так и в постпенитенциарный период, в том числе разработка и принятие положения о службе социальной адаптации;
- создание в соответствии с требованиями статьи 192 УИК службы социальной адаптации, но не в ущерб или за счет штатного сокращения сотрудников из иных отделов и служб;
- определение теоретических, методологических и научных подходов к пониманию сущности пенитенциарной и постпенитенциарной социальной работы;

- совершенствование нормативной правовой базы пенитенциарной и постпенитенциарной социальной работы, в том числе принятие закона о социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы;
- развитие инфраструктуры социальной работы в обществе, расширение взаимодействия социальных работников УИС с гражданскими социальными службами;
- формирование в ИУ необходимых условий для ресоциализации и социальной адаптации осужденных путем создания, например, центров трудовой адаптации, учебно-производственных (трудовых) и лечебно-производственных (трудовых) мастерских и т.д.;
- совершенствование системы профессиональной подготовки сотрудников служб социальной адаптации.

Проблемы реализации нормативно-правового обеспечения социальной работы в учреждениях и органах исполнения наказаний напрямую связаны с пересмотром идеологических ориентиров, реализуемых в ходе реформы отечественной УИС. Законодательные основы пенитенциарной социальной работы базируются в первую очередь на регламентации правового положения осужденных. Именно в целях оказания социально полезного воздействия на осужденных необходимо развитие и укрепление социальной службы УИС, которая не только осуществляет социальную защиту осужденных, но и взаимодействует с государственными и общественными организациями по вопросам повышения профессионального и культурного уровня сотрудников учреждений и органов исполнения наказаний.

Говоря об особенностях нормативно-правового обеспечения социальной работы в учреждениях и органах исполнения наказаний, необходимо выделить основные функции этой социальной работы:

- исправительную (воспитательно-педагогическую), в ходе реализации которой сотрудник ИУ выделяет личностные достоинства и недостатки, интересы и потребности, убеждения и установки и т.д.;
- охранно-защитную (предупредительно-профилактическую) – обеспечивает условия для жизнедеятельности осужденных, контроль и надзор за соблюдением прав и законных интересов осужденных, их охрану;
- психологическую – выделение психологических особенностей личности осужденного, особенностей микросреды и т.д.;
- социально-медицинскую – содействие организации работы по сохранению здоровья;
- социально-бытовую – содействие в создании бытовых условий содержания в МЛС, соответствующих требованиям уголовно-исполнительного законодательства;

- ресоциализирующую – комплексную подготовку осужденных к жизни на свободе путем личностного развития, сохранения и развития социально полезных связей;
- реабилитационную (реадаптационную), направленную на содействие в оказании конкретных видов помощи, защиты, поддержки лиц, освободившихся из ИУ, на первых этапах жизни на свободе, восстановление их нормального социального функционирования.

Исходя из указанных функций, целесообразно выделить основные задачи социальной работы в УИС: социальную диагностику как проблему выявления социальных проблем осужденного; координацию деятельности подразделений по адаптации осужденного к условиям конкретного ИУ; подготовку осужденного к освобождению из ИУ, обеспечение процесса ресоциализации путем установления социально полезных связей, поиски потенциальной работы и жилья и т.д.

Одновременно стоит отметить и этический аспект взаимоотношения социального работника с осужденным к лишению свободы. Исследователи С.Л.Бабаян и С.Ф.Табан отмечают: «Сотруднику группы социальной защиты ИУ при проведении социальной работы следует учитывать Международные этические стандарты социальных работников, которые приняты на общем собрании Международной федерации социальных работников (МФСР) в октябре 1994 года. В частности, в подпункте 3.3.2 пункта 3 этих стандартов отмечено: «Поддерживать право клиента на доверие, конфиденциальность, ответственное использование информации. Сбор и обмен информацией относится к функции профессиональных услуг, когда клиента информируют о необходимости ее сбора и в каких целях она будет использована. Информацией не пользуются без предварительного предупреждения клиента, кроме случаев, когда клиент не может отвечать за свои поступки или когда это может нанести серьезный ущерб другим. Клиент имеет доступ к записям социального работника и к информации, касающейся его» [6, с. 2]. Как видим, даже выборочное цитирование основных международных документов, регламентирующих социальную работу, показывает необходимость разработки нормативно-правовой базы, определяющей этическую составляющую в деятельности социального работника, в сфере исполнения наказаний.

Таким образом, современные тенденции развития и функционирования пенитенциарной системы в Республики Беларусь обуславливают актуальность и необходимость построения отечественной модели исправительного процесса с осужденными, решение правовых пробелов и проблем их ресоциализации с учетом рекомен-

даций зарубежного законодательства и опыта работы с гражданами данной категории, основываясь на передовых достижениях наук социально-гуманитарной направленности.

На значимость этого обращает внимание и начальник Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь С.Дорошко: «Данное

направление работы в ИУ (в части реадaptации осужденных. – Прим. авт.) не выделено в отдельную службу, хотя по УИК вопросами реадaptации занимается именно «служба». Вопрос реадaptации осужденных сегодня более чем острый. Социальная неустроенность – один из факторов рецидивной преступности...» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейские пенитенциарные правила (редакция 2006 года) // Общерос. обществ. организация «Совет общественных наблюдательных комиссий» [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/490-2006-.html>. – Дата доступа: 05.09.2012.

2. Чернявская, А.С. Справочник для освобождающихся из исправительных учреждений Республики Беларусь / А.С. Чернявская, С.Л. Бураков, И.В. Воронец; ДИН МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – 91 с.

3. Хомич, В.М. Отчет национального эксперта в области применения уголовных санкций / В.М. Хомич // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь (Программа развития ООН (ПРООН). – Минск: Рэйплац, 2009. – С. 265–292.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г.; одобрен Советом Респ. 22 дек. 1999 г.; текст Кодекса по состоянию на 5 мая 2010 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5. О признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Республики Беларусь и структурных элементов постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь: постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 12 авг. 2010 г., № 256 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 214. – 8/22750.

6. Бабаян, С.Л. Актуальные вопросы повышения имиджа социального работника исправительного учреждения / С.Л. Бабаян, С.Ф. Табан // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 3. – С. 2–3.

7. Стригалева, А. Мне приходилось не раз менять дислокацию... / А. Стригалева // На страже. – 2012. – 17 авг. – С. 11.

Дата поступления статьи в редакцию 18.10.2012

ПРАВОВОЙ СТАТУС СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

МАКЕЕВА О.А.,
магистр юридических наук

В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты определения содержания правового статуса свидетеля в уголовном процессе и проводится анализ уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, регулирующего правовой статус свидетеля. В заключение сделан ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, касающегося правового положения свидетеля.

In the article some problem aspects of definition of the maintenance of legal status of the witness in criminal trial are considered and the analysis of the criminal and procedural legislation of the Republic of Belarus regulating legal status of the witness is carried out. A number of offers on improvement of the criminal and procedural legislation of the Republic of Belarus concerning a legal status of the witness is made in summary.

Производство по уголовному делу невозможно представить без участия свидетелей. Если не считать некоторых исключений, любой человек, находящийся на территории Республики Беларусь, может быть вызван на допрос в качестве свидетеля и тем самым приобрести правовой статус свидетеля. Различные проблемы, связанные с правовым статусом свидетеля в уголовном процессе, исследовались такими учеными, как Р.Д.Рахунов, М.Л.Якуб, М.И.Бажанов, В.И.Смыслов, К.Ф.Карибов, М.М.Шейфер, И.Е.Козырева, С.Ю.Никитин, В.В.Молчанов, А.В.Макеев, И.И.Басецкий, Л.И.Родевич и др. Вместе с тем в уголовно-процессуальной науке остались нерешенные проблемы: ряд процессуальных вопросов регулирования статуса свидетеля требует усовершенствования, поскольку нередко на практике возникают коллизии и неправовые ситуации, требующие своего разрешения на основании позитивного права; не решены вопросы экспертного обследования свидетелей в случае сомнения в их психическом здоровье; необходимо совершенствовать механизмы обеспечения безопасности свидетелей и привлечения свидетелей к ответственности за лжесвидетельство и т.д. Основной целью статьи является разработка рекомендаций по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь.

Согласно теории права правовой статус личности обусловлен системой общественных отношений, местом и ролью человека в системе общества, в конечном счете детерминированно-

стью социальных факторов и закономерностей, имеющих объективный характер [1]. Отсюда статус свидетеля определяется необходимостью получения от него следственными органами и судом показаний, предназначенных для доказывания подлежащих по уголовному делу обстоятельств. В то же время получение свидетелем определенного статуса – это возможность гражданина противостоять произволу путем защиты своих прав и законных интересов [2]. Как указывает М.М.Шейфер, процессуально-правовой статус свидетеля имеет целью создание необходимых условий для добросовестного выполнения им своей правовой обязанности и морального долга и вместе с тем для предотвращения возможных попыток совершения действий, противоречащих задачам уголовного процесса [3].

В настоящее время среди ученых не сложилось единого мнения о правовом статусе свидетеля, его общем содержании и элементах.

И.Е.Козырева в своем исследовании озвучивает позицию В.М.Корнукова, который предложил включить в уголовно-процессуальный статус личности такие элементы, как гражданство в уголовно-процессуальном значении, правосубъектность, права и законные интересы, обязанности, гарантии прав, законных интересов и обязанностей. С.А.Саушкин считает целесообразным дополнить указанную концепцию ответственностью свидетеля и правоотношениями статусного типа, а также выделить в качестве отдельной составляющей свидетельский иммунитет, поскольку он выступает и в качестве

конституционно-правового принципа, и в качестве права любого допрашиваемого лица [4].

Приведенные точки зрения требуют правового осмысления, поскольку, на наш взгляд, в данном случае имеют место некоторые противоречия между категориями теории права и уголовного процесса, а также другие не совсем приемлемые положения.

Исходя из общей теории права, традиционно в состав правового статуса личности входят закрепленные законом права и свободы, законные интересы и обязанности личности [1]. В отличие от правового статуса правосубъектность означает признаваемую законодательством способность личности иметь юридические права, свободы, обязанности и законные интересы и осуществлять их самостоятельно либо через законных представителей, а также нести ответственность за их неправомерное осуществление. Правосубъектность, имея отраслевой характер, а в нашем случае – относительно уголовно-процессуальных отношений, означает способность лица в качестве свидетеля при проведении следственных действий в досудебном производстве (а далее и в судебном) реализовывать свои права, обязанности и законные интересы [5].

Тем самым правовой статус и правосубъектность свидетеля – это различные самостоятельные явления. Правовой статус очерчивает границы возможного и необходимого поведения личности, определяет меру пользования конкретными правами, а также свободу, обязанности и законные интересы в уголовно-процессуальных правоотношениях. Правосубъектность лица, являющегося свидетелем, показывает способность к сознательному поведению в границах его правового статуса, очерченного в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК): являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; правдиво сообщать все известное по делу и отвечать на поставленные вопросы; подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс, и т.д. [6]. Поэтому вследствие различного содержания указанных понятий мы не можем включить правосубъектность свидетеля в его правовой статус, поскольку она находится за рамками данного института.

Что касается гарантий прав, а также интересов и обязанностей свидетеля, включаемых указанными авторами в его правовой статус, то они, как известно, реализуются системой (силой) государства и его специальных служб. Гарантии обеспечиваются путем выполнения специальными органами (в том числе ведущими уголовный процесс) определенных мер защиты, безопасности, регламентированных нормами УПК и другими законодательными актами. То есть юридические гарантии обеспечения правового статуса личности – это предусмотренные законодатель-

ством условия, с наличием которых законодатель связывает реальную возможность реализации прав, свобод и обязанностей, в комплексе составляющих правовой статус [7]. Вследствие данного положения гарантии прав, интересов и обязанностей также не могут входить в правовой статус свидетеля, поскольку реализуются не им, а государственными органами. Иными словами, они гарантируют наличие правового статуса свидетеля, как и статуса других участников процесса.

Кроме того, включение в правовой статус свидетеля таких правовых институтов, как свидетельский иммунитет и гражданство, излишне загромождает рассматриваемое понятие в связи со следующими доводами.

Исходя из современного понимания свидетельского иммунитета, он определяется как «исключение из общего порядка допроса, а также дополнительное право отказываться от дачи показаний, установленные в отношении указанных в уголовно-процессуальном праве лиц в целях обеспечения процессуальных прав свидетеля, его профессиональной деятельности и сохранности различного рода тайн, а также достоверности получаемых показаний» [8]. То есть в данном случае мы имеем дело с одним из реализуемых прав свидетеля, которое к тому же относится далеко не ко всем из допрашиваемых в качестве свидетелей лиц. Поэтому выделять отдельно из других прав право на свидетельский иммунитет, по нашему мнению, излишне и нецелесообразно.

В отношении признака гражданства известно, что уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь при проведении следственных действий с участием свидетелей, во всяком случае на территории Республики Беларусь, не делает различий в отношении их гражданства (разумеется, если они не обладают дипломатической неприкосновенностью). Любые процессуальные действия в отношении свидетелей в органах уголовного преследования и в суде выполняются по общим правилам УПК, причем даже в отношении тех свидетелей, которые с их согласия могут прибыть из иностранных государств (ст. 491). Тем самым вряд ли в правовой статус свидетеля целесообразно включать признак гражданства, поскольку указанное понятие имеет четко регламентированный законом однообразный подход и не предполагает разнообразного толкования.

И, наконец, весьма дискутируемым элементом в правовом статусе свидетеля является возможность его ответственности, которую нередко включают в юридические гарантии для выполнения им своих прав, интересов и обязанностей, поскольку природа ответственности свидетеля исходит из средств государственного принуждения. Вместе с тем свидетель – это единственный участник уголовного процесса, который с начала

проведения следственного действия с его участием предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний. То есть законодатель не ждет от свидетеля совершения преступления, а сразу его предупреждает об ответственности. Иначе говоря, человек только в том случае приобретает статус свидетеля, когда он предупреждается об ответственности за выполнение своих функций при участии в уголовном деле. Например, объяснение очевидца преступления, пусть даже в точности повторившего свои показания в качестве свидетеля в протоколе допроса, не будет являться процессуальным документом ввиду отсутствия одного из основных атрибутов протокола допроса – предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний.

Таким образом, с позиций особого правосознания свидетеля при даче им показаний, участии в следственных действиях не может не испытывать постоянной ответственности, которая является обязательной составляющей его обязанностей [9]. К тому же, исходя из значения вопроса об ответственности свидетеля, законодатель включил признаки юридической ответственности в конструкцию нормы о его правовом статусе (ст. 60 УПК), то есть прямо указал категорию ответственности за невыполнение обязанностей. Тем самым ввиду неразрывной связи обязанностей и ответственности свидетеля, который может быть привлечен к уголовной и иной ответственности за невыполнение своих обязанностей, мы в данном конкретном случае признак ответственности включаем в правовой статус свидетеля.

В действующем УПК права, обязанности и ответственность свидетеля достаточно подробно расписаны.

Свидетель – лицо, в отношении которого имеются основания полагать, что ему известны какие-либо обстоятельства по уголовному делу, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для дачи показаний либо дающее показания (часть 1 ст. 60 УПК).

Свидетель, согласно части 3 ст. 60 УПК, имеет право:

- 1) не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников;
- 2) заявлять отвод переводчику, участвующему в его допросе;
- 3) собственноручно записывать свои показания в протоколе допроса или удостоверить своей подписью в протоколе следственного или другого процессуального действия правильность записи данных им показаний;
- 4) заявлять ходатайства и приносить жалобы на действия органа, ведущего уголовный процесс, в том числе о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких

родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества;

5) получать возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, и вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс.

Два случая свидетельского иммунитета предусмотрены в пункте 1 части 3 ст. 60 УПК. Это привилегия против самообвинения и освобождение от свидетельских показаний против членов своей семьи и близких родственников. Причем в УПК под «членами своей семьи» подразумеваются близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно с участником уголовного процесса и ведущие с ним общее хозяйство; а под «близкими родственниками» – родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также супруг (супруга). Но у нас возникает следующий вопрос: как быть, если на допрос в качестве свидетеля вызывают бывшего супруга или супругу? К какой категории отнести этих лиц, ведь до развода они подпадали под понятие «близкие родственники»?

Привилегия против самообвинения (никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя – ст. 27 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) вытекает из такого принципа процесса, как презумпция невиновности (ст. 26 Конституции) [10]. Привилегия против самообвинения означает, что лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или суд обязаны перед началом допроса разъяснить допрашиваемому его право отказаться давать показания об обстоятельствах, уличающих его в совершении преступления. Нарушающей привилегию против самообвинения должна признаваться следственная практика допроса в качестве свидетеля лица, в отношении которого имеются достаточные данные для привлечения в качестве обвиняемого [11].

Особого внимания требует вопрос: нужен ли адвокат для свидетеля в уголовном процессе? Речь идет о возможности пользоваться юридической помощью адвоката лицом, участвующим в уголовном процессе в качестве свидетеля, в момент осуществления такого процессуального действия, как допрос.

Казалось бы, что положения ст. 62 Конституции, обладающей на территории Республики Беларусь высшей юридической силой, не позволяют сомневаться в наличии права «пользоваться в любой момент помощью адвокатов ... в государственных органах и в отношениях с должностными лицами», а достаточная ясность и определенность нормы должны исключить неопределенность в ее применении.

Однако на практике по-прежнему возникают препятствия в реализации конституционного права участника уголовного процесса (свидетеля) на юридическую помощь адвоката. При проведении следственных действий с участием свидетеля следственные органы порой не допускают адвоката для оказания свидетелю как участнику уголовного процесса юридической помощи [12].

Свидетель, который, как показывает практика, нередко после допроса меняет свой статус на статус подозреваемого (обвиняемого), таким образом, является самым незащищенным участником уголовного процесса, лишенным на самой главной первоначальной стадии процесса возможности получить юридическую помощь квалифицированного специалиста.

Исходя из этого, предлагается дополнить часть 3 ст. 60 УПК пунктом 6 следующего содержания: «6) пользоваться юридической помощью адвоката в ходе допроса, а также при производстве иных следственных действий с его участием;».

Часть 4 ст. 60 УПК устанавливает обязанности свидетеля:

1) являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс;

2) правдиво сообщить все известное по делу и ответить на поставленные вопросы;

3) не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по делу, если он был предупрежден об этом органом уголовного преследования или судом;

4) подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс.

Свидетель не может быть принудительно подвергнут экспертизе (часть 5 ст. 60 УПК). Это положение спорно и может быть подвергнуто критике, так как основной задачей экспертизы (судебно-психиатрической, судебно-психологической) в уголовном процессе является определение способности свидетеля воспринимать обстоятельства дела и давать о них правильные показания. При проведении экспертизы решаются следующие вопросы:

1) мог ли свидетель правильно воспринимать важные для дела обстоятельства, учитывая его индивидуальные и возрастные особенности, а также конкретные условия, в которых происходило событие;

2) мог ли он правильно воспринимать важные для дела обстоятельства, учитывая психическое состояние свидетеля в момент конкретного события;

3) обладает ли свидетель необходимым уровнем развития органов чувств, достаточным для адекватного восприятия события;

4) имеются ли у свидетеля признаки повышенной внушаемости;

5) имеются ли у свидетеля признаки повышенной склонности к фантазированию;

6) имеются ли у свидетеля признаки эйдетической памяти (разновидности образной памяти, проявляющейся в способности сохранять образы на протяжении длительного времени) [13].

Поэтому предлагается изложить часть 5 ст. 60 УПК в следующей редакции: «5. Свидетель не может быть принудительно подвергнут экспертизе, за исключением случаев, когда имеются объективные сомнения в его психическом и физическом состоянии.». Соответственно, данную обязанность свидетеля пройти экспертизу стоило бы изложить и в части 4 ст. 60 УПК для более полного отражения всех его обязанностей и содержания его правового статуса.

За разглашение данных предварительного расследования или закрытого судебного заседания без разрешения органа, ведущего уголовный процесс, свидетель несет ответственность в соответствии со ст. 407 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

За отказ либо уклонение от дачи показаний (за исключением лиц, указанных в пункте 1 части 3 ст. 60 УПК) или за дачу заведомо ложных показаний свидетель несет ответственность в соответствии со ст.ст. 401 и 402 УК.

Одной из актуальных проблем свидетельских показаний является их заведомая ложность или отказ от дачи показаний. В то же время судебная статистика свидетельствует, что к уголовной ответственности за данное преступление привлекается крайне мало лиц.

Мотивами ложных показаний, по мнению опрошенных следователей, являются близкие отношения с виновным лицом (45 %), боязнь мести (32 %), негативное отношение к следственным органам (15 %) и корысть (8 %). Вместе с тем, с одной стороны, закон не предусматривает в качестве оправдывающих факторов любые мотивы для дачи ложных показаний, несмотря на их весомость, с другой стороны, не учитывать их тоже нельзя [4]. Поэтому следователь в зависимости от действий свидетеля обязан в отношении него принять меры по государственной защите, если он дал правдивые показания, или привлечь свидетеля к уголовной ответственности, если он дал ложные показания или отказался их давать.

Как показывает практика, большинство свидетелей отказывается от сотрудничества с правоохранительными органами, опасаясь за свою жизнь и безопасность своих родных и близких. В значительной мере это обусловлено отсутствием реального механизма обеспечения безопасности свидетелей.

В настоящее время страны Содружества Независимых Государств предпринимают меры для создания нормативной базы, призванной

обезопасить участников уголовного процесса. В частности, в Украине с 1994 года действует Закон «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве». В 2000 году в Казахстане принят Закон «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе». В Российской Федерации в 2004 году принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», также его органично дополняют Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2006 г. № 200, Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630 [14].

Заемствование этих положительных моментов позволит продолжить совершенствование института безопасности участников уголовного процесса в Республике Беларусь.

Исходя из этого, представляется целесообразным разработать, принять и ввести в действие закон об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе.

Предлагается дополнить часть 3 ст. 60 УПК пунктом 7 следующего содержания: «7) на подачу заявления о применении в отношении него мер безопасности, предусмотренных для защиты участников уголовного процесса.».

По вопросам привлечения свидетелей к уголовной ответственности, на наш взгляд, требуется принятие Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь отдельного постановления. В нем должно быть указано на обязанность судов реагировать на все случаи дачи свидетелем заведомо ложных показаний и передавать соответствующие материалы в органы, осуществляющие уголовное преследование, для решения вопроса о привлечении свидетелей к уголовной ответственности за лжесвидетельство.

В части 2 ст. 60 УПК указывается, кто не подлежит допросу в качестве свидетелей. На наш взгляд, законодатель достаточно полно и четко определил круг этих лиц и данная часть статьи не требует изменений.

В заключение представляется возможным сделать следующие выводы и предложения.

Правовой статус свидетеля в уголовном процессе, исходя из цели получения от него необходимых показаний, состоит из взаимосвязанных элементов в виде его прав и интересов, обязанностей и ответственности за их невыполнение.

Предлагается:

дополнить часть 3 ст. 60 УПК пунктами следующего содержания: «6) пользоваться юридической помощью адвоката в ходе допроса, а также при производстве иных следственных действий с его участием;» и «7) на подачу заявления о применении в отношении него мер безопасности, предусмотренных для защиты участников уголовного процесса.»;

часть 5 ст. 60 УПК изложить в следующей редакции: «5. Свидетель не может быть принудительно подвергнут экспертизе, за исключением случаев, когда имеются объективные сомнения в его психическом и физическом состоянии.».

Соответственно, данную обязанность свидетеля пройти экспертизу стоило бы изложить и в части 4 ст. 60 УПК для более полного отражения всех его обязанностей и содержания его правового статуса.

Основными направлениями развития института свидетеля в уголовном процессе являются ответственность за лжесвидетельство и обеспечение безопасности свидетеля. В связи с этим необходима разработка отдельного нормативного правового акта, возможно на уровне Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, по вопросам привлечения свидетелей к уголовной ответственности за лжесвидетельство. Также требуется разработка закона об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2008. – 229 с.
2. Володина, Л.М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Л.М. Володина; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1999. – 48 с.
3. Шейфер, М.М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.М. Шейфер. – Самара, 2005. – 235 л.

4. Козырева, И.Е. Процессуальные, психологические и криминалистические проблемы участия свидетеля на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.Е. Козырева. – Уфа, 2009. – 206 л.
5. Зусь, Л.Б. Об уголовно-процессуальной правосубъектности / Л.Б. Зусь // Правоведение. – 1974. – № 5. – С. 49–54.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 янв. 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
7. Ромашов, Р.А. Теория государства и права / Р.А. Ромашов. – СПб.: Питер, 2007. – 254 с.
8. Никитин, С.Ю. Свидетельский иммунитет в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.С. Никитин. – Челябинск, 2005. – 184 л.
9. Лукьянова, Е.Г. Теория процессуального права / Е.Г. Лукьянова. – М.: Норма, 2003. – 233 с.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) – Минск.: Амалфея, 2006. – 48 с.
11. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис. – М.: Юристъ, 1995. – 128 с.
12. Кимстач, А.В. Адвокат для свидетеля / А.В. Кимстач // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
13. Молчанов, В.В. О судебной экспертизе в отношении свидетелей / В.В. Молчанов // Арбитраж. и гражд. процесс. – 2009. – № 12. – С. 75–79.
14. Черепович, С.И. Свидетель в уголовном процессе Республики Беларусь: обеспечение его безопасности / С.И. Черепович // Проблемы упр. – 2009. – № 3 (32). – С. 260–264.

Дата поступления статьи в редакцию 10.10.2012

УДК 343.1

ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ШКАПЛЕРОВ Ю.П.,

начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Могилевского
высшего колледжа Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
майор милиции, кандидат юридических наук

ЮРКОВА И.В.,

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевского высшего колледжа Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
майор милиции

В статье анализируются основания применения мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и иных лиц в Республике Беларусь. Предметом рассмотрения выступают нормы уголовно-процессуального права Республики Беларусь, правоприменительная практика деятельности отечественных органов уголовного преследования и судов, решения Европейского суда по правам человека. Акцентируется внимание на существующих проблемах законодательной и правоприменительной деятельности в рассматриваемой сфере. На основании проведенного анализа авторами формулируются аргументированные предложения по внесению изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь.

The article analyses the grounds of applying measures guaranteeing security of the criminal procedure participants and other persons in the Republic of Belarus. The subject of the research is represented by norms of the criminal law of the Republic of Belarus. The article is also focused on enforcement practice of criminal prosecution bodies and courts, decisions made by the European Court of Human Rights. Special attention is paid to the current legislation and law-enforcement problems in the sphere. The authors provide reasonable suggestions of introducing some changes to existing the criminal law of the Republic of Belarus.

Распространенность противоправного воздействия на участников уголовного процесса явилась одной из причин законодательного закрепления института мер по обеспечению их безопасности в Республике Беларусь и ряде других государств. Согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1], под мерами по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц следует понимать установленную законом совокупность специальных действий и решений органа, ведущего уголов-

ный процесс, по материалам и уголовному делу, направленных на защиту участника уголовного процесса, защищающего свои права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов их семей и близких родственников при наличии реальной угрозы противоправных в отношении их действий в связи с их участием в уголовном процессе [2, с. 157].

Согласно ст. 66 УПК к числу мер безопасности относятся:

- 1) неразглашение сведений о личности;
- 2) освобождение от явки в судебное заседание;

- 3) закрытое судебное заседание;
- 4) использование технических средств контроля;
- 5) прослушивание переговоров, ведущихся с использованием технических средств связи, и иных переговоров;
- 6) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 7) изменение паспортных данных и замена документов;
- 8) запрет на выдачу сведений.

Данный перечень не является исчерпывающим, поскольку с учетом характера и степени опасности для жизни, здоровья, имущественных и иных прав защищаемых лиц могут быть применены и другие меры безопасности, не противоречащие законодательству. Так, 13 апреля 2009 г. для Республики Беларусь вступило в силу Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства, подписанное в ходе заседания Совета глав государств СНГ в г. Минске 28 ноября 2006 г. [3]. В нем, в частности, предусмотрена возможность применения по просьбе запрашивающей стороны мер защиты, не названных в статье 66 УПК.

Несмотря на наличие многих проблем нормативной регламентации и реализации данных мер на практике, в Республике Беларусь недостаточно активно ведутся научные исследования рассматриваемого института. В частности, за период независимости нашей страны по данной тематике была защищена лишь одна диссертация [4], положения которой в настоящее время во многом устарели.

Представляет интерес проблема нормативного закрепления и реализации в правоприменительной деятельности условий применения мер по обеспечению безопасности. В соответствии с действующим законодательством таковыми условиями являются поводы и основания применения мер безопасности. Поводами для применения мер безопасности являются:

- 1) непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором, судом сведений, указывающих на наличие оснований для применения мер безопасности. Например, выражение угрозы в адрес свидетеля другим лицом в присутствии следователя при проведении того или иного следственного или процессуального действия;

- 2) иная информация, которая стала известна органу, ведущему уголовный процесс, указывающая на наличие оснований для принятия мер безопасности. Такие сведения могут быть получены в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, из анонимных заявлений, сообщений и т.д.;

- 3) заявления участников уголовного процесса о необходимости принятия мер безопасности;

- 4) заявления граждан, не являющихся участниками уголовного процесса, об обстоятельствах, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности к участнику уголовного процесса. Их могут подать члены семьи участника уголовного процесса, соседи, знакомые, коллеги по работе, которым стало известно об угрозе в отношении данного участника уголовного процесса [5, с. 169].

Однако одних поводов для применения мер по обеспечению безопасности недостаточно. Как отмечалось выше, необходимо, чтобы имелись также и основания, которые закреплены в главе 8 УПК. Согласно части 1 ст. 65 УПК, орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества [1].

Таким образом, основанием для применения мер по обеспечению безопасности является наличие достаточных данных, свидетельствующих о том, что имеется *реальная угроза* осуществления вышеуказанных противоправных действий в отношении участника уголовного процесса и других лиц. Под достаточными данными как основаниями для применения мер безопасности следует понимать содержащиеся в материалах уголовного дела сведения, свидетельствующие о реальности посягательства на участника уголовного процесса. В кратком толковом словаре русского языка В.В. Розановой под термином «реальный» понимается «существующий в действительности, на самом деле» [6, с. 173]. То есть наличие достаточных данных, указывающих на реальную угрозу убийства и другого, подразумевает под собой совершение конкретных шагов, направленных на реализацию противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, на непосредственный контакт с лицом, в отношении которого будут применены меры по обеспечению безопасности. Только при наличии явной угрозы жизни, здоровью и имуществу лица могут быть применены предусмотренные законодательством меры по обеспечению его безопасности.

Анализ оправдательных приговоров судов, вынесенных по делам о незаконном обороте наркотических средств, свидетельствует о том, что, оценивая показания свидетелей, в отношении которых применены меры по обеспечению безопасности, суд учитывает наличие достаточных

оснований для применения данных мер (фактических данных, устанавливающих, что имела реальная угроза жизни, здоровью и имуществу участников уголовного процесса). В случаях необоснованного (по мнению суда) применения мер по обеспечению безопасности показания указанных лиц признаются недопустимыми, что судом признается одной из причин вынесения оправдательного приговора. Например, 24 декабря 2010 г. суд Ленинского района г. Могилева вынес оправдательный приговор в отношении Б., которая обвинялась в совершении преступления, предусмотренного частью 3 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Оценивая показания свидетеля Ф., суд учел, что процессуальные меры по обеспечению безопасности к этому свидетелю применены в ходе предварительного расследования без наличия оснований, предусмотренных ст. 65 УПК. В частности, суд указал на то, что из содержания постановления о применении меры по обеспечению безопасности не следует, что на момент ее применения были достаточные данные, указывающие на то, что имеется реальная угроза убийства Ф., применения насилия, уничтожения или повреждения ее имущества, осуществления других противоправных действий в связи с ее участием в уголовном процессе. Более того, при изучении уголовного дела таких оснований не установлено, поскольку сведений о конкретной реальной угрозе, лицах, от которых эта угроза исходила, а также времени, месте и других обстоятельствах, которые могли бы быть проверены при проведении соответствующей проверки до принятия решения о применении или неприменении мер по обеспечению безопасности, не имелось. По мнению суда, необоснованное применение мер по обеспечению безопасности к свидетелю обвинения не позволило суду исключить возможность оговора Б. со стороны данного участника уголовного процесса и установить наличие между Б. и свидетелем личных отношений, проверить содержание этих отношений с целью исключения наличия у свидетеля оснований и причин для дачи в отношении Б. заведомо ложных показаний, носящих характер оговора [7].

По другому уголовному делу 24 мая 2011 г. судебная коллегия по уголовным делам Могилевского областного суда вынесла оправдательный приговор в отношении П., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 ст. 328 УК. В качестве одной из причин принятия такого решения явилось необоснованное применение мер безопасности в виде неразглашения сведений о личности свидетеля И., так как в материалах уголовного дела отсутствовали какие-либо факты, свидетельствующие о реальном характере угроз со стороны обвиняемого и его близких. На основании этого

судебная коллегия не признала показания свидетеля достоверными о том, что он ранее был знаком с обвиняемым и не мог ошибиться в личности сбытчика наркотиков, а так как отменить данную меру безопасности в отношении свидетеля не представилось возможным в силу положений части второй ст. 17 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 года «Об оперативно-розыскной деятельности» (данная норма устанавливает правило, согласно которому предание гласности сведений о лицах, оказывающих содействие оперативным подразделениям на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме. – Прим. авт.), то проверить доводы свидетеля в судебном заседании не представилось возможным [8].

Мнение судей разделяют и работники прокуратуры. В частности, заместитель начальника отдела Генеральной прокуратуры Республики Беларусь В. Кузьмич указывает, что под достаточными данными как основаниями принятия мер безопасности следует понимать содержащиеся в материалах уголовного дела сведения, свидетельствующие о реальности посягательства на участника уголовного процесса и других лиц, в которых прослеживается причинная связь между самим посягательством на участника уголовного процесса и фактом оказанного им ранее или уже оказываемого содействия органу, осуществляющему производство по уголовному делу [9, с. 49].

Сложившаяся практика является противоречивой. С одной стороны, сложно говорить об отсутствии формальных нарушений закона со стороны органов уголовного преследования, а с другой – существует мнение судей, основанное на буквальном толковании закона. Подобная тенденция прослеживается и в решениях Европейского суда по правам человека. В частности, данный суд по делу Ван Мехелен (Van Mechelen) и других против Нидерландов от 23 апреля 1997 г. указал, что в отсутствие какой-либо дополнительной информации невозможно признать оперативные потребности правоохранительных органов достаточным оправданием для ограничения прав обвиняемых, обусловленного допросом свидетелей с измененными анкетными данными вне визуального контакта [10, с. 440–454].

Отчасти можно согласиться с утверждением о том, что применение показаний свидетеля, который является анонимным для подозреваемого, обвиняемого, защитника и других, может трактоваться как возможное исключение из принципов всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК) и непосредственности, устности и непрерывности судебного разбирательства (ст. 286 УПК), способное нарушить право обвиняемого на защиту. Вместе с тем оно оправдано

для обеспечения защиты интересов свидетеля, потерпевшего и общества в раскрытии преступления, что подтверждается практикой органов, ведущих уголовный процесс, других государств. В подтверждение нашей точки зрения рассмотрим следующую ситуацию. Допустим, что в ходе расследования уголовного дела участник уголовного процесса (свидетель или потерпевший), к которому не применялись меры безопасности, не отказался от дачи показаний и дал правдивые показания. Кто может гарантировать, что его жизнь, здоровье и имущество останутся в безопасности не только на период предварительного расследования, но также во время и после судебного разбирательства? Статья 2 Конституции Республики Беларусь гласит, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Кроме того, ст. 24 Конституции провозглашает: «Каждый имеет право на жизнь» [11]. Но в приведенной ситуации может сложиться так, что самое важное для человека право невозможно будет гарантировать. В этой связи целесообразно также согласиться с В.Е.Куницей, по мнению которого реальная опасность для защищаемого лица может возникнуть гораздо ранее того момента, когда в отношении него уже осуществляется противоправное воздействие. Более того, проявленные публично заявления о планируемой расправе с потерпевшим, свидетелем или иным участником уголовного процесса по степени реальности угрозы во многих случаях значительно уступают неявным, не высказанным вслух угрозам со стороны представителей преступного мира [12].

Разрешить рассматриваемую проблему, как представляется, можно путем корректировки

отечественного уголовно-процессуального закона. В частности, видится оправданным внесение изменения в часть 1 ст. 65 УПК путем изложения ее в следующей редакции: «1. Орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на возможную угрозу убийством, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества.».

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что задача процессуальных гарантий безопасности участников уголовного процесса и иных лиц состоит не только в том, чтобы защитить их от посткриминального воздействия, но и убедить принять участие в уголовном процессе, ведь определенное количество граждан, ставших жертвами или свидетелями преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность государственной защиты. В этой связи предложенные нами корректировки уголовно-процессуального законодательства позволят повысить эффективность расследования и рассмотрения уголовных дел в суде, так как результативность производства по материалам и уголовным делам, безусловно, зависит от степени защищенности лиц, содействующих уголовному правосудию, и их близких от противоправного воздействия как со стороны обвиняемого, так и его окружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 13 июля 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть: учеб. пособие / Л.И. Кукреш. – Минск: Тесей, 2005. – 352 с.
3. Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства от 28 нояб. 2006 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
4. Карпиевич, Н.Ф. Теоретико-правовые аспекты проблемы обеспечения безопасности участников уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Ф. Карпиевич; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 1999. – 18 с.
5. О практике применения мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц (ст.ст. 65–75 УПК Республики Беларусь): метод. рек. // Информ. бюл. Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. – 2007. – № 40. – С. 166–190.

6. Краткий толковый словарь русского языка / И.Л. Городецкая [и др.]; под ред. В.В. Розановой. – 7-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 225 с.
7. Архив суда Ленинского района г. Могилева за 2010 г. – Уголовное дело № 1/725/10.
8. Архив Могилевского областного суда за 2011 г. – Уголовное дело № 2/14/2011.
9. Кузьмич, В. Применение мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц / В. Кузьмич // Законность и правопорядок. – 2008. – № 3 (7). – С. 48–51.
10. Решение Европейского суда по правам человека по делу Ван Мехелен и других против Нидерландов от 23 апр. 1997 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. – М.: Норма, 2000. – С. 440–454.
11. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
12. Куница, Е.В. Некоторые аспекты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: правовое регулирование и направления развития / Е.В. Куница // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2013.

Дата поступления статьи в редакцию 05.02.2013

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

ДМИТРИЕВА Т.Ф.,

преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М.Машерова

В работе на основе анализа теоретических взглядов различных ученых и практической деятельности предлагается система критериев оценки результативности применения технико-криминалистических средств при осмотре места происшествия, состоящая из двух блоков показателей: количественных и качественных. Представляется, что данная система позволит объективно оценить качество и полноту применения технико-криминалистических средств, исключив предвзятость в выводах; определить пути повышения эффективности осмотра места происшествия за счет выявления проблем, а также разработать на их основе предложения и рекомендации для практического использования следователями, лицами, производящими дознание, специалистами.

On the basis of theoretical analysis of the views of various scientists and practices of law enforcement agencies of the Republic of Belarus, a system of criteria for evaluating the effectiveness of technical and criminalistic means at the scene, consisting of two blocks of indicators: quantitative and qualitative. It seems that the system will allow an objective assessment of the quality and completeness of the technical and criminalistic means, eliminating bias in the findings, and identify ways to improve the inspection of the scene by detection problems and develop on their basis proposals and recommendations for practical use by investigators, persons conducting the inquiry, specialists.

Введение

Качественное применение технико-криминалистических средств (далее – ТКСр) при проведении осмотра места происшествия (далее – ОМП) позволяет осуществить предусмотренные уголовно-процессуальным законом задачи [1, с. 11]: собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого; установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц, выдвинуть версии, а также избрать пути их проверки и реализации, а иногда и вынести суждение о самом характере происшедшего события [2, с. 206]. Некачественный ОМП в ряде случаев может серьезно повлиять на дальнейшее расследование уголовного дела, привести к утрате ценнейших доказательств, которые невозможно получить при проведении других следственных действий. Поэтому обеспечение эффективности ОМП – основная зада-

ча следователя, лица, производящего дознание, специалиста при его проведении. В современных условиях динамичного развития инноваций во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества большое практическое значение имеет не только совершенствование тактики и методики применения ТКСр при ОМП, но и разработка научных основ объективной и своевременной оценки эффективности данной деятельности. Без этого мы лишены возможности судить о том, насколько рациональна используемая в ходе данного следственного действия система ТКСр и технологий, какова результативность достижения целей осмотра и какой ценой они достигнуты. Актуально и сегодня утверждение В.П. Бахина о том, что «сложившаяся система оценки деятельности правоохранительных органов ... практически без учета ее качества и творческой выраженности приводит к тому, что нередко мероприятия проводятся не ради поиска истины, а для демонстрации активности» [3, с. 160].

Основная часть

Анализ криминалистической литературы показывает, что до настоящего времени отсутствует единство в толковании понятия «эффективность» применительно к использованию ТКСр при проведении следственных действий, в частности при ОМП, не определены необходимые для ее оценки критерии с учетом современных возможностей ТКСр и практики их применения. По нашему мнению, данный факт является значительным пробелом, поскольку четкое понимание эффективности данной деятельности позволит оперативно выявить все допущенные недостатки и своевременно принять меры к их устранению для достижения главной цели – оказания помощи в раскрытии преступлений. Понятие «эффективность» некоторые авторы связывают с представлением о цели и считают, что «эффективным следует признать тот осмотр, в результате которого достигнута запланированная цель: обнаружены вещественные доказательства, следы, то есть добыта исходная информация для выдвижения общих и частных версий, получены данные для организации розыска преступников, похищенного, потерпевшего, установления свидетелей» [4, с. 187]. А.Б.Соловьев под эффективностью следственных действий понимает «оптимально организованную деятельность следователя по их проведению, закономерно приводящую к достижению целей отдельных следственных действий и их системы в целом» [5, с. 8]. Другие авторы «эффективность» связывают с результатами определенной деятельности. Так, Л.Е.Чистова под эффективностью понимает надежность получения объективных результатов, соответствующих задачам уголовного судопроизводства [6, с. 25]. По мнению В.Я.Карлова, в аспекте применения ТКСр и методов в раскрытии и расследовании преступлений эффективность предполагает обеспечение требуемого результата строго в соответствии с предписаниями закона [7, с. 75]. На наш взгляд, второй подход к трактовке понятия «эффективность», по существу, отождествляется с понятием «результативность», что не совсем верно, так как результативность изучаемой деятельности является важнейшим элементом, определяющим уровень эффективности [8, с. 62–63]. «Результативность осмотра места происшествия означает, что в ходе осмотра должны быть изъяты следы и другие вещественные доказательства» [9, с. 253]. Применительно к технико-криминалистическому обеспечению (далее – ТКО) как к системе важнейшим элементом, определяющим (или составляющим) ее эффективность, является результативность функционирования системы [10, с. 51]. Аналогичной точки зрения придерживается В.А.Волынский, по мнению которого результативностью является внешнее проявление

(в окружающей среде) деятельности системы, а эффективностью – степень готовности (пригодности) системы в целом и отдельных ее элементов к решению поставленных перед ней задач. При этом «эффективность системы при условии ее постоянности может остаться неизменной, а результативность ее функционирования будет различной» [11, с. 66]. Заслуживает внимания точка зрения А.Н.Москаленко, который под эффективностью ТКО раскрытия преступлений по горячим следам понимает получение, переработку и использование максимально возможной информации для розыска преступника в кратчайшие сроки с использованием средств и методов криминалистической техники [12, с. 51]. Такое понимание эффективности с позиции ее оперативности является важным элементом для определения эффективности применения ТКСр при ОМП. Под оперативностью понимается выполнение работы в оптимальный срок, что достигается путем рациональной организации труда, применения средств и методов, которые экономят время. «Сбережение времени – важнейший показатель эффективности деятельности» [8, с. 62]. Мы едины с В.А.Волынским в том, что оценивать эффективность только по результату не корректно, поскольку нередко результат зависит от внешних условий, в которых приходится функционировать системе [11, с. 248]. Поэтому наибольший интерес представляют мнения авторов, которые в общей форме под эффективностью понимают степень фактического достижения цели, где уровень эффективности определяется соотношением между фактически достигнутым результатом и поставленной целью [8, с. 62–63; 13, с. 4] с учетом осуществленных затрат [10, с. 62–63]. При этом «практически такое «отношение... с учетом» следует определять по множеству различных показателей (а не только по статистическим усредненным), с использованием всех возможных источников информации и методов ее получения, анализа и оценки (в том числе в рамках целевых научных исследований)» [10, с. 63]. Когда говорят о целях, то имеют в виду конечный результат, к которому стремятся. При этом системный подход в зависимости от конкретных условий позволяет разложить более общие цели на промежуточные. Например, если имеется след от орудия взлома, то промежуточными целями применения технических средств будут фиксация следа, его изъятие, всестороннее исследование, оценка полученных данных [8, с. 63–64]. Изучение процессуальных и непроцессуальных форм использования ТКСр при ОМП позволяет констатировать, что целями ТКО ОМП являются обнаружение, фиксация, изъятие, исследование и оценка максимально возможной доказательственной и ориентирующей информации, содержащейся в следах

преступления, использование полученных результатов для оперативного его раскрытия, а также установления обстоятельств, способствующих его совершению.

Таким образом, на наш взгляд, под *эффективностью ТКО ОМП* следует понимать степень фактического достижения цели осмотра места происшествия, выражающуюся в основных его элементах: результативности и степени использования полученного результата в оперативном раскрытии преступления. Уровень эффективности определяется соотношением полученного результата и поставленной цели. Результативность ТКО ОМП означает, что в ходе применения ТКСр при ОМП должны быть обеспечены обнаружение, фиксация и изъятие следов преступника и иных объектов преступления, а также их оперативное исследование в целях получения ориентирующей криминалистически значимой информации. Степень использования полученного в ходе ОМП результата в оперативном раскрытии преступления иллюстрирует вклад полученной в результате применения ТКСр при ОМП криминалистически значимой информации в раскрытие преступлений, в том числе по горячим следам.

Представляется, что в качестве принципов оценки эффективности ТКО ОМП можно рассматривать конкретизируемые Н.Е.Сурыгиной принципы оценки эффективности системы технико-криминалистического обеспечения. К их числу относятся: 1) принцип ориентации на конечные результаты раскрытия и расследования преступлений; 2) принцип адекватности, заключающийся в соответствии критериев оценки целям и задачам, решаемым в процессе использования технико-криминалистических познаний, и уровню организации этой деятельности; 3) принцип объективности; 4) принцип полноты и всесторонности оценки, обуславливающий необходимость учета и анализа всех сторон деятельности по использованию технико-криминалистических познаний различными субъектами, в ее различных формах и по различным направлениям; 5) принцип доходчивости оценки; 6) принцип своевременности оценки [10, с. 63–65]. Для того, чтобы можно было судить об эффективности ТКО ОМП, необходимо выбрать определенные критерии оценки этой деятельности. Под критерием понимают признак, на основе которого производится оценка изучаемого явления, действия, свойства, состояния [8, с. 65; 13, с. 7]. Многообразии задач ТКО ОМП, форм применения ТКСр при его проведении, а также разнообразии выполняемой при этом работы предполагает наличие системы критериев оценки ее эффективности. В настоящее время официальная статистика экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел (далее – ЭКП ОВД) Республики Беларусь ограничивает-

ся количественными показателями проведения ОМП, в том числе с участием эксперта-криминалиста. При этом количество ОМП с изъятием пригодных для идентификации и диагностики различных видов следов преступления в данной статистике не отражается. Критерии оценки ТКО ОМП в настоящее время также отсутствуют. Однако на протяжении нескольких лет, вплоть до 2013 года, оценка деятельности ОВД Республики Беларусь включала показатель ТКО выявления (раскрытия) и расследования преступлений. При этом оценивалось процентное соотношение изъятых при ОМП следов рук, взлома, обуви и транспортных средств, способствовавших раскрытию преступлений, от зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска. На наш взгляд, такая оценка не отражала всей полноты эффективности ОМП, так как, во-первых, оценка рассматриваемой деятельности осуществлялась по ограниченному количеству изымаемых с ОМП видов следов, за пределами которых оставались другие виды следов, например зубов, перчаток, биологические, одорологические, генотипоскопические следы, микрообъекты и тому подобное, что на практике не способствовало повышению результативности их изъятия в ходе ОМП; во-вторых, поскольку оценивались только изъятые при ОМП следы, которые способствовали раскрытию преступлений, представляется логичным рассматривать их процентное соотношение от зарегистрированных раскрытых преступлений, а не от зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска. Между тем сам подход к оценке ТКО ОМП с учетом отмеченных замечаний представляется нам заслуживающим внимания и использования его в дальнейшем при разработке критериев оценки ТКО ОМП. При разработке системы критериев оценки, на наш взгляд, важно выделить определенные требования, которым должен отвечать их выбор. Нужно, чтобы критерии: соответствовали задачам и функциям органа и лица, деятельность которых оценивается; были сопоставимыми, согласованными и непротиворечивыми, простыми в применении [13, с. 8]; способствовали достижению поставленной цели; достаточно полно характеризовали деятельность с количественной и качественной стороны, позволяли производить объективную, полную и всестороннюю оценку эффективности [8, с. 66].

Необходимо отметить, что, начиная с 80-х годов XX века, предпринимался ряд попыток усовершенствовать порядок учета результатов технико-криминалистической работы и форм государственной статистической отчетности о деятельности ЭКП ОВД. «При этом вполне обособленно брались ориентиры на конечные цели деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, на отражение в документах

первичного учета и в статистических отчетах прежде всего результатов применения в указанных целях технико-криминалистических методов и средств» [11, с. 250]. Так, М.П.Хилобок отмечал, что в основе критериев оценки эффективности ОМП должны быть факты «использования установленных при осмотре вещественных доказательств в раскрытии преступления и изобличении виновных» [14, с. 76–83]. И.И.Юдников предлагал оценивать эффективность работы специалиста-криминалиста при ОМП, исходя из конечных результатов расследования уголовного дела [9, с. 253], так как именно результаты применения ТКСр и методов, а не данные о количестве проведенных с их помощью следственных действий характеризуют эффективность технико-криминалистической работы [15, с. 70]. Некоторые авторы в качестве критериев эффективности следственного действия предлагают рассматривать результативность и оптимальность, где под результативностью понимаются получение необходимой для установления истины по делу доказательственной информации, а под оптимальностью – соответствующий целям и задачам уголовного судопроизводства наилучший порядок выполнения этого следственного действия [4, с. 187–188]. Другие авторы под критериями подразумевают показатели требуемого объема, количества, качества деятельности по применению экспертно-криминалистических методов и средств, полно и точно отражающие запросы практики борьбы с преступностью [16, с. 22]. Не комментируя вышеприведенные точки зрения, отметим, что каждая из них содержит рациональное зерно, которое нами будет использовано при разработке системы критериев оценки эффективности ТКО ОМП на основе анализа и обобщения отмеченных подходов. По мнению В.А.Вольнского, оценка результативности ТКО должна осуществляться не только по формально фиксируемому в статистических отчетах показателем применения отдельных средств и методов криминалистической техники, но и «от обратного», с учетом упускаемых возможностей [11, с. 255]. Мы не согласны с позицией А.Н.Москаленко, по мнению которого для оценки качества применения технических методов и средств не может быть выработан какой-либо количественный критерий [12, с. 163], а поддерживаем точку зрения В.А.Снеткова, предложившего осуществлять оценку участия специалиста экспертно-криминалистических подразделений в следственном действии по количественным и качественным показателям [17, с. 65–67].

Таким образом, на наш взгляд, система критериев оценки эффективности ТКО ОМП состоит из двух блоков показателей: количественных и качественных. Исходя из того, что критерии и

показатели делятся на формализованные и оценочные [8, с. 66], отметим, что количественные показатели ТКО ОМП являются формализованными и в концентрированном виде отражаются в отчетности экспертно-криминалистических подразделений. Качественные показатели ТКО ОМП являются оценочными, сопоставляются с эталонным сотрудником правоохранительного органа, имеющим соответствующие знания и опыт. Рассмотрим более подробно каждый из блоков системы критериев оценки эффективности ТКО ОМП. *Блок количественных показателей* (на основе показателей, предложенных В.А.Снетковым [17, с. 66–67]), по нашему мнению, включает: 1) рабочую активность (нагрузку) на специалиста ЭКП, которая определяется по количеству его участия во всех ОМП; 2) рабочую активность (нагрузку) специалиста ЭКП, которая определяется по количеству его участия в ОМП, по которым возбуждены уголовные дела, и выражается в процентном соотношении к общему количеству ОМП; 3) результативность применения ТКСр при производстве каждого конкретного ОМП, которая определяется по количеству ОМП с изъятием следов (рук, взлома, обуви и транспортных средств, биологических следов, микрообъектов и др.), пригодных для идентификации и диагностики, в том числе направленных на проверку по криминалистическим учетам ЭКП, исследование или экспертизу; выражается в процентном соотношении к количеству ОМП по уголовным делам; 4) степень использования полученного при ОМП результата использования ТКСр в оперативном раскрытии преступления; соответствует процентному соотношению количества ОМП с изъятием следов (рук, взлома, обуви и транспортных средств, зубов, перчаток, биологических следов, микрообъектов и др.), способствовавших раскрытию преступления, к общему количеству зарегистрированных раскрытых преступлений.

Качественная оценка ТКО ОМП дополняет количественную, основывается на документальных данных (материалах уголовных дел) и осуществляется путем всестороннего индивидуального анализа технико-криминалистической ситуации расследуемого события и производства ОМП, имевшихся технико-криминалистических возможностей и полученных результатов по итогам проведения ОМП [17, с. 66–67]. *Блок качественных показателей*, на наш взгляд, включает: 1) выявление соответствия ТКО ОМП требованиям Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь и других нормативных актов; 2) выявление соответствия ТКО ОМП задачам конкретного ОМП [17, с. 66–67]; 3) выявление соответствия ТКО ОМП требованиям полноты и качества применения ТКСр в процессуальных формах; 4) выявление соответствия ТКО ОМП требованиям осуществления всего

комплекса мероприятий по обеспечению результативности ТКО ОМП; 5) выявление соответствия ТКО ОМП требованиям полноты и качества реализации непроцессуальных форм применения ТКСр при ОМП; 6) выявление негативных фактов ТКО ОМП, то есть не соответствующих требованиям полноты и качества реализации процессуальных и непроцессуальных форм применения ТКСр при ОМП.

На наш взгляд, качественную оценку ТКО ОМП необходимо осуществлять параллельно с количественной, что в совокупности и взаимосвязи объективно отразит реально существующее положение дел в рассматриваемой области. Мы не согласны с мнением А.Н.Москаленко о том, что для оценки качества применения технических методов и средств не может быть выработан какой-либо количественный критерий» [12, с. 163]. Представляется, что если количественные показатели предложенной оценки эффективности ТКО ОМП находят свое выражение в процентном соотношении к тем или иным показателям, то для определения числовой величины качественных показателей данной системы может быть использован метод трехвариантной оценки, предложенный Г.И.Грамовичем [8, с. 68–69]. Суть этого метода заключается в том, что показатель каждого критерия системы оценивается по следующей шкале: цель полностью достигнута – 2 балла, цель частично достигнута – 1 балл, цель не достигнута – 0 баллов. Эффективность ТКО ОМП составляет 100 % в случае достижения цели по всем показателям и получения положительной оценки. Если цель достигнута частично при общей положительной оценке результатов или по каким-то показателям получены отрицательные оценки, то уровень эффективности определяется по следую-

щей формуле: $\mathcal{E} = \frac{P}{\Pi} 100 \%$, где \mathcal{E} – степень эффективности, в процентах (коэффициент эффективности по К.Ф.Скворцову и А.Б.Соловьеву); P – сумма баллов, полученная при оценке результатов деятельности по выбранным критериям; Π – сумма баллов, которые можно было бы набрать, если бы по каждому показателю удалось достичь цели полностью [8, с. 68].

Заключение

Таким образом, приведенная система критериев оценки эффективности ТКО ОМП, на наш взгляд, будет способствовать достижению основной цели ОМП (обнаружение, фиксация, изъятие следов и объектов), позволит объективно оценить качество и полноту применения ТКСр с количественной и качественной сторон, исключив предвзятость в выводах; определить пути повышения эффективности данного следственного действия за счет выявления проблем, а также разработать на их основе предложения и рекомендации по повышению эффективности ОМП для практического использования следователями, лицами, производящими дознание, специалистами. Кроме того, система критериев оценки ТКО ОМП даст возможность своевременно конкретизировать способы и средства достижения целей данного следственного действия путем оптимизации управленческих решений, а также организовать контроль за результатами технико-криминалистической работы каждого осуществляющего ее субъекта индивидуально. «Поэтому систему критериев оценки следует рассматривать прежде всего как средство воздействия на внутрисистемные процессы, мощное орудие управления» [13, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 23 янв. 2012 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012. – 448 с.
2. Ведерников, Н.Т. К вопросу о повышении эффективности осмотра места происшествия / Н.Т. Ведерников, Н.С. Дергач // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе / редкол.: В.Ф. Волович (отв. ред.) [и др.]. – Томск, 1983. – С. 206–207.
3. Бахин, В.П. Проблемы совершенствования внедрения научно-технических достижений в следственную практику / В.П. Бахин // Внедрение в практику новых методов судебной медицины и криминалистики: материалы VI конф. науч. о-ва судебных медиков и криминалистов Литовской ССР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Каунас, 20–21 окт. 1987 г. / редкол.: Й.-В. Й. Найнис (отв. ред.) [и др.]. – Каунас, 1987. – С. 158–160.
4. Порубов, Н.И. Криминалистика: учеб. пособие / Н.И. Порубов, Г.И. Грамович, А.Н. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. – Минск: Выш. шк., 2007. – 575 с.

5. Соловьев, А.Б. Проблемы эффективности следственных действий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.Б. Соловьев; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1985. – 52 с.
6. Чистова, Л.Е. Техничко-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия: учеб. пособие / Л.Е. Чистова. – М.: МЮИ МВД России, 1998. – 90 с.
7. Карлов, В.Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений: науч.-практ. пособие / В.Я. Карлов. – М.: Экзамен, 2006. – 192 с.
8. Грамович, Г.И. Криминалистическая техника (научные, правовые, методологические, организационные основы): моногр. / Г.И. Грамович. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 214 с.
9. Юдников, И.И. Участие специалиста-криминалиста при проведении осмотра места происшествия / И.И. Юдников // Актуальные вопросы правоведения на современном этапе / Томск. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева. – Томск, 1986. – С. 252–253.
10. Сурыгина, Н.Е. Повышение эффективности использования специальных технико-криминалистических познаний в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Е. Сурыгина. – М., 1992. – 230 с.
11. Вольнский, В.А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек / В.А. Вольнский. – М.: ЮНИТИ-ДАТА, 2000. – 311 с.
12. Москаленко, А.Н. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений по горячим следам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Н. Москаленко. – Волгоград, 2002. – 211 л.
13. Кутушев, В.Г. Методологические проблемы оценки эффективности деятельности следственных органов / В.Г. Кутушев // Проблемы предварительного следствия и раскрытия преступлений в деятельности органов внутренних дел: сб. науч. тр. – Хабаровск: Высш. шк. МВД СССР, 1989. – С. 3–14.
14. Хилобок, М.П. Пути дальнейшего совершенствования осмотра места происшествия / М.П. Хилобок // Использование научных положений криминалистики и специальной техники в борьбе с преступностью. Труды Рязанской ВШ МВД СССР. – Рязань, 1980. – С. 76–84.
15. Вольнский, В.А. К вопросу об оценке результативности осмотров мест происшествий / В.А. Вольнский // Криминалистические аспекты совершенствования доказывания при расследовании преступлений: тр. Акад. / Акад. МВД Рос. Федерации. – М., 1992. – С. 69–76.
16. Деятельность экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по применению экспертно-криминалистических методов и средств в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / В.А. Снетков [и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Снеткова. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 1996. – 107 с.
17. Снетков, В.А. Основы деятельности специалиста экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел: учеб. пособие / В.А. Снетков. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. – 72 с.

Дата поступления статьи в редакцию 09.04.2013

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КИБАК И.А.,

доцент кафедры психологии и педагогики Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, кандидат психологических наук

В статье рассматривается проблема использования депутатами психологической культуры в законотворческой деятельности. Дается определение психологической культуры депутата в законотворческой деятельности. Предлагаются специальные психологические знания культуры, необходимые депутату при разработке и принятии законопроектов. Раскрываются психологические компоненты психологической культуры депутата. Предложены меры по усовершенствованию психологической культуры в законотворческой деятельности.

In this article the problem of usage of psychological culture in legislative activity by deputies is taken into consideration. A definition of psychological culture of a deputy in lawmaking is given. It is suggested to use special psychological knowledge of culture of the language that is necessary for deputies when working out and passing the law. Psychological components of psychological culture of a deputy are revealed. Measures on improvement of psychological culture of legislative activity are offered.

Любая деятельность, в том числе и творчество [7; 24], зависит от уровня общей и правовой культуры, достигнутого обществом и самим деятелем. «Творчество – создание нового, оригинального, созидание, в чем запечатлевается порыв вдохновения, свобода духа человека» [22, с. 4]. Культура в узком смысле – это уровень развития творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации его жизни и деятельности. Иногда культуру понимают только как состояние духовной жизни данного общества [18, с. 77]. Такого мнения придерживается Л.С.Выготский в труде «Психология развития как феномен культуры» [4]. Культура включает и общечеловеческие, и национальные ценности. Она находится в непрерывном развитии. Составной частью духовной культуры является правовая культура. Длительное время культура рассматривалась как нечто внешнее по отношению к индивиду [4; 16; 17], все еще недостаточно изучены внутренние условия становления культурного опыта [1; 26]. Право, по мнению российских ученых Е.А.Лукашевой, В.В.Лапаевой, В.С.Нерсисянца, Г.И.Муромцева, Г.И.Мальцева и других, рассматривается как неотъемлемый элемент человеческой культуры, имеющий в ней многоплановые формы проявления [9; 18]. Проблематика взаимодействия права

и культуры, прежде всего в их ценностном измерении, поистине необъятна.

Правовая культура – это достигнутый обществом уровень правового регулирования социальных отношений, правовой защищенности личности, обеспечения правопорядка [11, с. 134]. Кроме того, правовая культура находится в связи с другими элементами культуры: с право- и законотворчеством, политикой, философией и т.д. Она исторически изменчива, но в то же время сохраняет преемственность в части восприятия и развития накопленных ценностей. Такова, например, правовая психология, психология законотворчества, которую и сегодня изучают не только юристы, но и депутаты и институты (Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь) и которая служит человеку, обществу и государству в современных условиях.

Культура и психология, считает Я.Л.Колосинский, в принципе не могут рассматриваться как независимые друг от друга. Личность и возможна только благодаря культуре, поскольку культура – это среда, «растягивающая и питающая» [12, с. 5]. Отсюда следует, что психологические компоненты правовой культуры также регулируют парламентское поведение депутатов. Так, правовые эмоции отрицательного характера, не-

развитость правовых чувств могут вызвать нигилистическое отношение к принятию закона и его требованиям со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Нельзя готовить и издавать законы, не изучая уровень правовой культуры и правосознания в обществе, нельзя и применять законы, не учитывая психологические особенности индивида», — писал С.Л.Рубинштейн [26, с. 227]. Такого мнения придерживаются В.В.Лазарев, Н.Я.Соколов и др. [15, с. 150–158; 27]. Сформированная профессиональная культура депутата способствует правомерному и социально активному поведению, прежде всего с психологической стороны.

Понятие «психологическая культура» встречается у многих авторов, в том числе в работах К.А.Абульхановой-Славской, В.В.Ветрова, В.Н.Дружинина, В.П.Зинченко, Е.А.Климова, Я.Л.Коломинского, Л.С.Колмогоровой, Т.И.Красновой, И.Я.Лейбмана, О.И.Мотковой, М.В.Поповой, О.В.Стрелковой, М.И.Трошагина, А.В.Шувалова, К.Хорни и др. [1; 10; 13; 14; 23; 28]. Психологические интерпретации культуры раскрыл Ю.М.Шилков [28, с. 16–23]. Соотношение психологии и культуры конкретизируется в соизмеримых с ними понятиях человека, опыта, психики, языка, творчества, сознания, ценности, эмоций, воли, памяти, игры, диалога и т.д. [3].

Относительно «индивидуальной психологической культуры» накопилось достаточное количество исследований, позволяющих говорить о необходимости реализации системного подхода в ее описании (А.А.Бодалев, Л.Д.Демина, И.А.Зимняя, Л.В.Куликов, Л.В.Орлова, Н.Н.Обозов, И.В.Дубровина, Л.С.Колмогорова, В.В.Семикина и др.) [6; 14; 19; 20]. По мнению К.А.Абульхановой-Славской, в меньшей степени носителям подлинной психологической культуры были свойственны гибкость и социальная адаптированность по отношению к основным мировоззренческим категориям, но в целом их социальная компетентность была высокой [1]. Многие из них считают, что индивидуальная культура, в том числе и индивидуальная психологическая культура, есть одновременно и свойство личности как высшего психического интегратора, и свойство культуры, которую по аналогии можно назвать высшим социальным интегратором. При таком понимании индивидуальная культура приобретает свое функциональное значение как интегратор личности и культуры, что в свою очередь обуславливает необходимость введения такого компонента индивидуальной психологической культуры, как отношения, являющиеся неотъемлемой частью и личности, и культуры депутата.

Наиболее интересные идеи и предложения содержатся в исследованиях развития профессиональной и психологической культуры государственных служащих А.А.Деркача [25]. Данный материал помогает овладевать знаниями и навыками политической и управленческой

культуры, необходимыми не только госслужащим, но и депутатам, повышает квалификацию в сфере законотворчества, чтобы их парламентская деятельность в период модернизации общества и государства несла в себе конструктивные начала.

При использовании знаний в законотворчестве существенную помощь оказывают психологическая культура и законодательная техника. На это указывали Л.М.Бойко, А.С.Пиголкин, а также Д.А.Керимов в своей работе «Культура и техника законотворчества» [2; 5; 8; 21]. Таким образом, можно предположить, что основанием общей культуры депутата, критерием ее выраженности выступает психологическая культура, представляющая собой интегративное профессиональное качество, позволяющее депутату познать субъекты права, своих коллег-депутатов, участников законотворческого процесса, избирателей, находящихся рядом с ним, сущность своей деятельности, обладать психоаналитическими свойствами, способствующими самоанализу, самооценке, самопознанию, самосовершенствованию. От того, каким уровнем психологической культуры обладает депутат, зависит успешность всей его профессиональной парламентской деятельности.

Помимо правовых знаний, депутат должен владеть психологическими приемами, позволяющими с большей эффективностью добиваться своих целей. Профессиональная компетентность в значительной степени определяется личностным потенциалом депутата, то есть системой психологических факторов, которые можно объединить общим понятием «психологическая культура». Психологическая культура депутата состоит из комплекса психологических знаний о психологии личности и деятельности, психологии парламентского труда и его психологических характеристиках, навыков и приемов использования этих знаний в профессиональных парламентских (законотворческих) ситуациях в процессе общения и принятия законопроектов.

Основной особенностью психологической культуры депутата является умение анализировать любые законотворческие проблемы, устанавливать системные связи, выявлять противоречия, находить для них творческие правовые решения на уровне идеальных, прогнозировать возможные варианты развития таких решений.

Депутат должен обладать творческим парламентским потенциалом, который проявляется в прогрессивной инновационной законотворческой деятельности, творческом поиске, умении грамотно принимать качественные и эффективные законы, сложные правовые решения и прямо связан с уровнем профессионализма личности и деятельности. Характеристиками творческого потенциала являются: созидательная направленность профессиональных интересов; потребность в новаторской деятельности; склон-

ность к инновациям; высокий уровень общего и некоторых специальных видов интеллекта; склонность к формированию ассоциативных связей; развитое воображение; сильная волевая регуляция поведения и деятельности; самостоятельность; умение управлять своим состоянием, в том числе стимулировать свою творческую активность.

Таким образом, на наш взгляд, психологическая культура депутата – это его психологическая образованность в сочетании с готовностью и умением использовать ее в парламентской и внепарламентской деятельности с целью самопознания, повышения эффективности общения и самосовершенствования. Психологическая культура способствует личностному росту, дает возможность депутату быть более интересным и позволяет ему войти в более престижную социальную среду, больше осознать свои возможности (интеллектуальные качества, работоспособность, коммуникативные качества, характер, темперамент и т.д.), свои желания (потребности в самосохранении, в признании другими людьми, в самореализации способностей), правильно организовать свой парламентский труд, досуг и быт, оптимально регулировать личные и деловые взаимоотношения с субъектами права, участниками законотворческого процесса. Популярность прокладывает путь к славе. Обещания быть полезными позволили многим депутатам-политикам сделать удачную карьеру и возвести себя к вершинам власти.

Психологическая культура помогает депутату разобраться в том, как добиться желаемых парламентских целей, используя свои способности и возможности. Главная задача при этом – овладеть искусством самопрезентации: верно оценивать сильные и слабые стороны и в зависимости от этого моделировать поведение, создавая привлекательный парламентский имидж. Важно знать, что ценится избирателями в депутатах, а также критерии этих оценок. Удачно найденный и разработанный парламентский имидж поможет привлечь внимание, будет поддерживать интерес к личности значительное время.

Итак, постижение психологической культуры облегчает субъекту права (депутату) решение внепарламентских задач и выполнение главных требований, которые предъявляются к его профессиональной парламентской деятельности, то есть позволяют обеспечить принятие законопроектов, правовых решений в интересах личности, общества и государства; соблюдать права, свободу и законные интересы граждан и коллективов, а также этические нормы.

Профессионально-психологическая подготовка депутата должна обязательно включать формирование умений и навыков, направленных на развитие психологической культуры субъектов права (депутатов). Следовательно, задача развития психологической компетентности – включение знаний в парламентскую (законотворческую) практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 229 с.
2. Бойко, Л.М. Законодательная техника (теория и практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л.М. Бойко. – Ташкент, 1984. – 36 с.
3. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: моногр. / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
4. Выготский, Л.С. Психология развития как феномен культуры / Л.С. Выготский; под ред. М.Г. Ярошевского. – М., Воронеж: МОДЭК, 1996. – 510 с.
5. Законотворчество в Российской Федерации: науч.-практ. и учеб. пособие / А.И. Абрамова [и др.]; Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации / под ред. А.С. Пиголкина [и др.]. – М.: Формула права, 2000. – 608 с.
6. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учеб. для вузов / И.А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. – М.: Логос, 2002. – 258 с.
7. Зорин, Г.А. От деловой игры к профессиональному творчеству: учеб.-метод. пособие / Г.А. Зорин. – Минск: Университетское, 1989. – 125 с.
8. Керимов, Д.А. Культура и техника законотворчества / Д.А. Керимов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 160 с.
9. Керимов, Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие / Д.А. Керимов; Акад. соц. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М.: Норма: Норма-Инфра, 2000. – 172 с.

10. Климов, Е.А. Введение в психологию труда: учеб. для вузов / Е.А. Климов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: МГУ: Академия, 2004. – 336 с.
11. Кобликов, А.С. Юридическая этика / А.С. Кобликов. – М.: НОРМА, 2003. – 168 с.
12. Коломинский, Я.Л. Социальная психология развития личности: учеб. пособие / Я.Л. Коломинский. – Минск: Выш. шк., 2009. – 336 с.
13. Коломинский, Я.Л. Психологическая культура – условие и цель деятельности психолога / Я.Л. Коломинский // Психология. – 2000. – № 2. – С. 4–19.
14. Колмогорова, Л.С. Диагностика психологической культуры школьников: практ. пособие / Л.С. Колмогорова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. – 360 с.
15. Лазарев, В.В. Правосознание и юридическая культура / В.В. Лазарев // Общая теория права. – М.: Манускрипт, 1994. – С. 150–158.
16. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
17. Леонтьев, А.Н. Психология общения / А.Н. Леонтьев. – Тарту: Тарт. ун-т, 1974. – 220 с.
18. Нерсисянц, В.С. Право и культура: моногр. / В.С. Нерсисянц [и др.]. – М.: РУДН, 2002. – 423 с.
19. Обозов, Н.Н. Психологическая культура взаимных отношений / Н.Н. Обозов. – М.: Знание, 1986. – 47 с.
20. Орлова, Л.В. Развитие психологии культуры / Л.В. Орлова. – Мозырь: Белый ветер, 2000. – 120 с.
21. Пиголкин, А.С. Современные тенденции законодательного творчества / А.С. Пиголкин // Концепции развития российского законодательства; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.Н. Тихомирова, Ю.П. Орловского. – М.: Городец, 2008. – С. 54–61.
22. Пономарев, Я.А. Психология творчества / Я.А. Пономарев. – М.: Наука, 1976. – 303 с.
23. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
24. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / под ред. Я.А. Пономарева [и др.]. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
25. Развитие профессиональной и психологической культуры государственных служащих: в 2 ч. / под общ. ред. А.А. Деркача. – М.: РАГС, 2000.
26. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1976. – 227 с.
27. Соколов, Н.Я. Профессиональная культура юристов и законность: учеб. пособие / Н.Я. Соколов. – М.: Проспект, 2011. – 160 с.
28. Шилков, Ю.М. К психологии культуры / Ю.М. Шилков // Вестн. Петерб. ун-та. – 1998. – № 4. – С. 16–23.

Дата поступления статьи в редакцию 13.11.2012

СТАТУС ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ ЛИЦАМИ

БАРЫШЕВ В.А.,

доцент кафедры истории и теории права юридического факультета
Витебского государственного университета имени П.М.Машерова

В статье рассматривается статус государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами. Автор прослеживает историю участия государства в гражданских правоотношениях со времен римского государства до настоящего времени. Итоговый вывод, к которому приходит автор, — государство в гражданских правоотношениях с иностранными лицами является суверенным субъектом, что определяет такую важнейшую особенность, как наличие иммунитета у государства.

The state-term has a scientific importance in the international private law. The jurisdictional immunities, which are given by the international courts to any state, are connected with it. There is no single conception of «state» in the conventions international or national legal systems. There is no such conception in the regulatory enactment of the Republic of Belarus. The author's point of view is that is necessary to pass the law about the state immunity.

Участие государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами в современном мире превратилось в распространенное явление. Это стало особенно актуальным в связи с проблемой привлечения иностранных инвесторов в лице юридических и физических лиц, когда государство заключает с ними договоры.

В статье ставится задача определения правового статуса государства как субъекта гражданско-правовых отношений с иностранным элементом. На необходимость определения статуса белорусского государства как субъекта международного частного права указывает В.Г.Тихиня [1]. Данный вопрос в белорусской юридической науке практически не исследован. Из имеющихся публикаций можно назвать статьи М.В.Мещановой [2] и Я.И.Функа [3], в которых рассматриваются отдельные аспекты участия государства в гражданско-правовых отношениях.

В учебной литературе по международному частному праву в Беларуси и России лишь констатируется возможность участия государства в гражданско-правовых отношениях и перечисляются формы такого участия без определения статуса государства [4, с. 95–96; 5, с. 106; 6, с. 221–222]. Единственным исключением является учебник М.М.Богуславского, где следующим образом определен статус государства в гражданских правоотношениях: «В области имущественных отношений государство высту-

пает как особый субъект права, поскольку оно не является юридическим лицом» [7, с. 177]. В связи тем, что категория «юридическое лицо» является центральной в гражданских правоотношениях, необходимо выяснить ее возникновение и отношение к ней государства.

По мнению большинства исследователей в сфере гражданского права, понятие «юридическое лицо» возникло в Древнем Риме, несмотря на то, что само определение римским юристам известно не было. Наиболее основательно вопрос о юридических лицах в римском праве был рассмотрен в диссертации российского юриста В.Б.Ельяшевича «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве», опубликованной в 1910 году [8]. Характеризуя участие римского государства в гражданско-правовых отношениях, автор отмечает: «Еще недалеко то время, когда представлялось само собой понятным, что римское государство испокон веков выступало в области гражданского права в качестве юридического лица. Для Савиньи государство в сфере имущественных отношений всегда являлось значительнейшим и важнейшим юридическим лицом» [8, с. 31]. Участие государства в гражданско-правовых отношениях автор диссертации рассматривает посредством изучения правового положения римской государственной казны (aerarium), являвшейся основным источником финансов в период Республики, и императорской казны (fisci), за-

менившей в этой роли *aerarium* в период Принципата и Империи. В своем исследовании В.Б.Ельяшевич приходит к заключению, что государственная казна (*aerarium*) не участвовала в гражданском обороте, так как отношения с ее участием регулировались иными нормами, чем нормы общественного гражданского права, «устанавливались в иных формах, регулировались иным порядком» [8, с. 60]. Из этого автор делает вывод: «Юридическим лицом гражданского права римское республиканское государство не является [8, с. 65]. В то же время, по мнению В.Б.Ельяшевича, императорская казна-фиска, возникшая как частное имущество принцепса, постепенно превратилась в государственную казну, сохранив подчинение нормам гражданского права. С выводами о разной правовой природе *aerarium*'а и фиска не согласился один из авторитетнейших русских цивилистов И.А.Покровский, автор литературного обозрения названного исследования [9]. По мнению исследователя, «на пространстве длинного исторического периода, и притом периода общего созидания единого римского права из нескольких различных потоков, положение *aerarium*'а не могло оставаться одним и тем же. По мере того как римскому государству приходилось фактически все чаще и чаще спускаться в сферу обычного имущественного оборота, становиться в договорах и спорах на одну доску с *privatae personae*, его положение в этой сфере не могло не приближаться постепенно к тому, что мы называем гражданской правоспособностью» [9, с. 263].

Таким образом, уже в римском праве исследователи находят гражданско-правовые отношения с участием государства. Своеобразие этих отношений заключалось в том, что от имени государства в правоотношения с частными лицами вступала казна: в период Республики это был *aerarium*, за которым стоял *populus Romanus*, а в период Принципата и Империи – *fisc*, являвшийся собственностью в начале принцепса, а затем императора.

В дореволюционной российской правовой доктрине исследователи, как правило, относили государство к юридическим лицам. В качестве представителя государства, по мнению российских цивилистов, в гражданско-правовых отношениях, как и в римском праве, выступала казна. Эта традиция была заложена автором первого систематического курса русского гражданского права Д.И.Мейером, который утверждал: «Между отдельными юридическими лицами в особенности обращает на себя внимание казна-государство как субъект имущественных прав. Нуждаясь во множестве вещей для удовлетворения своих разнообразных потребностей, государство, совокупность граждан по необходимости одаряется имущественными правами и таким образом является в юридическом быту субъектом гражданского права и в этом качестве называется казной» [10, с. 135]. При этом автор замечал, что, как и каж-

дое юридическое лицо, казна действует через представителя. Ближайшим и верховным представителем казны, по его мнению, является государь [10, с. 136]. Аналогичный подход применительно к статусу государства нашел отражение в Своде законов Российской империи, где в перечне субъектов гражданского права отсутствовал термин «государство», вместо которого применялось понятие «казна» [11].

В исследованиях советского периода высказывались различные позиции относительно статуса советского государства в гражданских правоотношениях. Так, М.И.Брагинский констатировал: «Советское социалистическое государство является участником различных по характеру гражданских правоотношений, от самых простых и до самых сложных, от общих до специальных» [12, с. 167]. При этом автор указывал, что советское государство может выступать в гражданских правоотношениях как суверен и как субъект гражданского права [12, с. 170]. Один из наиболее авторитетных цивилистов советского времени С.Н.Братусь отмечал: «Советское государство выступает как субъект гражданского права в тех случаях, когда стороной в гражданских правоотношениях является именно государство как таковое, а не та или иная государственная организация. В этих случаях государство действует как равноправная с другими участниками правоотношения сторона, а не как властвующий субъект. Государство добровольно ограничивает свой иммунитет, подчиняясь в ряде случаев судебной юрисдикции при возникновении гражданского спора с другой стороной, допускает принудительное исполнение судебного решения, вынесенного против него как должника» [13, с. 26].

В одном из наиболее фундаментальных учебников по советскому гражданскому праву была отмечена такая важная отличительная черта, связанная с участием государства в гражданских правоотношениях, как универсальный характер его правосубъектности. По мнению авторов, «отмеченное обстоятельство обнаруживает себя в ряде моментов, в частности и в том, что государство правосубъектно с точки зрения норм всех отраслей права, и в том, что оно может быть обладателем любого имущественного права, и в том, что пользуется рядом особых преимуществ в защите его прав и т.д.» [14, с. 173].

Переход к рыночной экономике привел к изменению роли государства в постсоветских странах в жизни общества, но наиболее существенно изменились функции государства в экономической сфере. Это обусловило возникновение в России в последнее десятилетие активной дискуссии по проблеме участия Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных органов в гражданско-правовых отношениях. Указанной проблеме посвящен ряд монографических исследований, авторами которых являются

Д.В.Пятков [15], О.Е.Кутафин [16], Ю.Н.Андреев [17], В.Е.Чиркин [18; 19], и значительное количество статей. В монографиях авторами предлагаются новые подходы в решении вопроса участия государства и других субъектов в гражданско-правовых отношениях, в связи с чем на этом следует остановиться подробнее.

Одной из первых по рассматриваемой проблеме стала монография Д.В.Пяткова, в которой автор следующим образом определил свою главную позицию: «Теоретические обоснования получило участие государства в гражданских правоотношениях. При этом не подвергается сомнению, что неотъемлемыми признаками государства является публичная власть, способность к легализованному насилию и подчинению своей воле действии других лиц, а гражданско-правовое регулирование общественных отношений основано на признании равенства их участников. Эти две юридические аксиомы в настоящее время оказались в основе учения о государстве как субъекте гражданского права. Иметь публичную власть и скрывать тот факт – вот задача, для чего-то поставленная современной наукой перед государством» [15, с. 9]. Для решения обозначенной проблемы автор предлагает различать публично-властную организацию – собственно государство и хозяйственную публичную организацию, под которой понимают государство как собственника. По его мнению, «в гражданских правоотношениях участвует не Российская Федерация, а субъекты Российской Федерации как публично-властные организации... Субъектами гражданского права являются одноименные лица, обладающие гражданской правосубъектностью. Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования в гражданских правоотношениях – это не государство в гражданских правоотношениях» [15, с. 58–59].

Давая оценку позиции, изложенной Д.В.Пятковым, академик О.Е.Кутафин отмечал следующее: «Таким образом, по мнению Д.В.Пяткова, Российская Федерация, участвующая во властеотношениях, и Российская Федерация, участвующая в гражданских правоотношениях, – это различные, хотя и одноименные, субъекты права. А это значит, что с правовой точки зрения, поддерживаемой Д.В.Пятковым, в нашей стране существует как минимум две Российские Федерации, два Алтайских края, две Свердловские области и т.д. С этим трудно согласиться даже в интересах создания самой прогрессивной теории участия государства в гражданских правоотношениях» [16, с. 53]. Собственная позиция О.Е.Кутафина по вопросу участия государства, его субъектов, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, в целом совпадает со взглядами, ранее высказанными в советской юридической школе. В монографии О.Е.Кутафин писал, что

«публично-правовые образования не являются юридическими лицами, можно говорить о целевой гражданской правоспособности этих образований», «публично-правовые образования по своему статусу приравниваются к статусу юридических лиц» [16, с. 48]. В одной из последних своих статей исследователь отмечал: «Следует согласиться с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, считающего, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях как субъекты со специальной правосубъектностью, которая в силу особой природы не совпадает с правосубъектностью других субъектов – граждан и юридических лиц, преследующих частные интересы. Эти обстоятельства и определяют специфику участия публично-правовых образований в гражданском обороте» [20, с. 48]. Поэтому для существования так называемой властной гражданской правосубъектности нет никаких оснований [20].

Концептуально новый взгляд на гражданскую правосубъектность государства был предложен известным российским юристом В.Е. Чиркиным, выдвинувшим концепцию о юридическом лице публичного права, которая была обоснована в уже названных монографиях и журнальных публикациях указанного автора [21; 22]. В монографии «Юридическое лицо публичного права» автор дает следующее определение юридического лица публичного права: «это признанное публичной властью в этом качестве материальное и публично-правовое некоммерческое образование, выступающее в правоотношениях в различных организационно-правовых формах в целях общего блага путем законного применения публичной власти, сотрудничества, давления на нее, имеющие название, другие идентифицирующие признаки, обладающее имуществом, имеющее права и обязанности и несущее ответственность за свои правовые акты и действия» [19, с. 94].

Один из участников дискуссии, возражая В.Е.Чиркину, указывает: «Если выделить такую категорию (юридическое лицо публичного права. – Прим. авт.), видимо придется говорить и о юридических лицах частного права, что само по себе абсурдно, так как «юридическое лицо» – понятие как раз цивилистическое» [23, с. 134].

Еще один подход к определению частноправовой природы государства в российском праве предложен В.Г.Голубцовым [24]. По его мнению, «формирование современного подхода к классификации субъектов гражданского права диктует необходимость использовать для обозначения всей разновидности субъектов гражданского права в качестве родового понятие «юридическая личность», обозначающее свойство общности или физического лица выступать в гражданском обороте в качестве субъекта... Для обозначения конкретных разновидностей субъектов гражданских правоотношений соответственно должны использоваться термины «физическое

лицо», «юридическое лицо», «государство (иные публично-правовые образования)» [24, с. 58].

В учебной юридической литературе существуют различные мнения относительно содержания гражданской правосубъектности публично-правовых образований. Так, в учебниках по гражданскому праву Российской Федерации одни авторы характеризуют ее как особую [25, с. 180], другие – как специальную [26, с. 377].

Применительно ко всей дискуссии, которая ведется в настоящее время в России по поводу участия государства в гражданско-правовых отношениях, следует заметить такую характерную особенность, что все ее участники не выходят за рамки национального гражданского права и совершенно не принимают во внимание факт все более широкого участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Если определять статус государства в гражданско-правовых отношениях применительно к международному частному праву, то наиболее характерной чертой государства в таких правоотношениях является его суверенитет. Именно наличие суверенитета у государства обусловило его иммунитет в гражданско-правовых отношениях, который сформировался в XIX столетии. Комиссия международного права ООН на основе изучения судебной практики и доктрины ряда государств сделала следующий вывод: «Наиболее убедительные аргументы в пользу иммунитета государства можно найти в международном праве, которое воплощено в обыкновениях и практике государств, принципа, суверенитета, независимости, равенства и достоинства государств... Иммунитет происходит из суверенитета. Когда двое находятся в равном положении, один не может осуществлять суверенитет или власть над другим: *par in parem imperium non habet*» [27, с. 27].

На наш взгляд, государство в гражданско-правовых отношениях является суверенным субъектом, поскольку оно не утрачивает и не отказывается от своего суверенного статуса, несмотря на действие принципа гражданско-правовых отношений о равенстве сторон в таких отношениях. Суверенный статус государства в гражданских правоотношениях не дает государству каких-либо ощутимых преимуществ. Эти преимущества могут вступить в действие только в случае возникновения споров, когда противоположная сторона обратится не в суд государства, с которым она вступила в правоотношения, а в суд своего государства или суд третьей страны. Однако такие преимущества вполне законны с позиции международного права, поскольку государство помимо его воли не может быть подвергнуто юрисдикции иностранного суда в силу действия юридической максимы: *par in parem non habet iurisdictionem*.

Нелогична ситуация, когда в публично-правовых отношениях принцип суверенного равенства государств является основополагающим и ведущим, определяющим весь сложившийся миропорядок, а в гражданских правоотношениях он должен раствориться, исчезнуть и уступить место принципу равенства сторон. Если исходить из гипотезы наличия суверенитета государства в публичном праве и отсутствия его в международном частном праве, то следует признать одновременное наличие как бы двух государств: одного суверенного, выступающего в правоотношениях с иностранными государствами, другого – утратившего суверенитет и готового, помимо своей воли, подчиняться юрисдикции иностранного государства. Суверенитет государства неделим и действует независимо от характера правоотношений, если государство добровольно от него не отказывается, исходя из собственных интересов. Искусственное конструирование ситуаций с так называемым «расщеплением» иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях, когда в случае действий «*jure imperii*» государство обладает иммунитетом, а в случаях действий «*jure gestionis*» лишается иммунитета, окончательно запутало ситуацию с иммунитетом государства, добавило еще одно яблоко раздора в отношениях между государствами. Это не способствует развитию сотрудничества между государствами, создает еще одну проблему в их взаимоотношениях. Чтобы снять это противоречие в межгосударственных отношениях, необходимо крайне осторожно обращаться с суверенитетом государства, как собственным, так и государств-партнеров. Закрепление за государством статуса суверенного субъекта гражданско-правовых отношений создает большую определенность правового положения государства в таких отношениях, подтверждает наличие у него иммунитетов. В то же время этот статус не нарушает равенства частных партнеров государства в правоотношениях, поскольку, во-первых, иммунитет у государства существует только в отношении юрисдикции иностранных судов, а от юрисдикции собственных судов государство не освобождается; во-вторых, иммунитет государства не абсолютен, и оно может отказываться от него; в-третьих, положение государства требует от него ответственного отношения к своим обязательствам в гражданско-правовых отношениях.

Статус государства как суверенного субъекта гражданских правоотношений с иностранным элементом наиболее органично вписывается в систему гражданско-правовых отношений, объясняя наличие у государства иммунитетов и не нарушая прав его контрагентов. На основании изложенного можно предложить следующее определение государства как суверенного субъекта гражданско-правовых отношений: это органы и должностные лица государства, уполномоченные вступать в гражданско-правовые отношения с иностранными субъектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихиня, В.Г. Республике Беларусь необходим специальный закон о международном частном праве / В.Г. Тихиня // Промышл.-торг. право. – 2011. – № 2. – С. 68–72.
2. Мяшчанавя, М.В. Дзяржава як суб'ект міжнароднага прыватнага права / М.В. Мяшчанавя // Вестці Акад. навук Беларусі. Сер. Гуманітар. навук. – 1997. – № 2. – С. 24–30.
3. Функ, Я.И. О статусе юридического лица у государственных органов и органов местного управления и самоуправления / Я.И. Функ // Вестн. Высш. Хоз. Суда. – 2009. – № 22. – С. 87–96.
4. Тихиня, В.Г. Международное частное право: учеб. / В.Г. Тихиня. – Минск: Кн. Дом, 2007. – 320 с.
5. Леанович, Е.В. Международное частное право: пособие / Е.В. Леанович. – Минск: ИВЦ Минфина, 2008. – 360 с.
6. Международное частное право: учеб. / отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 656 с.
7. Богуславский, М.М. Международное частное право: учеб. / М.М. Богуславский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2006. – 606 с.
8. Ельяшевич, В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве / В.Б. Ельяшевич. – СПб.: Типо-лит. Шредера, 1910. – 488 с.
9. Покровский, И.А. Литературное обозрение книги В.Б. Ельяшевича «Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве» / И.А. Покровский // Журн. М-ва юстиции. – СПб., 1910. – С. 263–298.
10. Мейер, Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 2000. – 831 с.
11. Свод законов Российской империи. – СПб., 1897. – Т. X. – Ст. 698.
12. Брагинский, М.И. Участие государства в гражданских правоотношениях / М.И. Брагинский. – М.: Юрид. лит., 1984. – 192 с.
13. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права / под ред. С.Н. Братуся. – М.: Юрид. лит., 1984. – 288 с.
14. Советское гражданское право: учеб.: в 2 т. / Т.А. Илларионова [и др.]; под ред. О.А. Красавчикова. – М.: Высш. шк., 1985. – Т. 1. – 544 с.
15. Пятков, Д.В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях / Д.В. Пятков. – СПб., 2003.
16. Кутафин, О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица / О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2007. – 336 с.
17. Андреев, Ю.Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях / Ю.Н. Андреев. – СПб., 2005.
18. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 352 с.
19. Чиркин, В.Е. Публично-правовое образование / В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2011. – 335 с.
20. Кутафин, О.Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права / О.Е. Кутафин // Журн. рос. права. – 2007. – № 1. – С. 46–54.
21. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин // Журн. рос. права. – 2005. – № 5. – С. 16–26.
22. Чиркин, В.Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права / В.Е. Чиркин // Гос-во и право. – 2006. – № 5. – С. 22–26.
23. Болдырев, В.А. О «юридических лицах» публичного права / В.А. Болдырев // Журн. рос. права. – 2008. – № 11. – С. 127–134.
24. Голубцов, В.Г. Частноправовая природа государства и его место в системе субъектов гражданско-правовых отношений / В.Г. Голубцов // Гос-во и право. – 2010. – № 6. – С. 51–58.
25. Гражданское право: учеб. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 1. – С. 180.
26. Гражданское право: учеб.: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. В.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 720 с.
27. ООН. Генеральная Ассамблея. Комиссия международного права. Второй доклад о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. Документ А/СМ 4/331/Add. 1.9 June 1980 // Ежегодник Комиссии междунар. права. – 1980. – Т. 2. – Часть 1: Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1982.

Дата поступления статьи в редакцию 29.12.2012

ЭКОМЕХАНИЗМЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ГАПАНОВИЧ Я.В.,

соискатель Одесского регионального института государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

В исследовании представлено аналитическое видение действия экомеханизмов на формирование сферы и рынков информатизации региона, что задает актуальность применения новых подходов в становлении государственной регуляторной политики информатизации Украины.

The article includes analytical vision of ecomechanisms impact on formation the sphere of informatization and its markets in the region, that gives relevance for a new approach in the development of the state regulatory policy informatization of Ukraine.

Современный рынок информатизации региона достаточно востребован и представлен во многих сферах: в экологии, здравоохранении, экономике, образовании, науке, культуре, политике, государственном управлении, социальной защите населения и т.д. Будучи феноменом многосложным, с присущими ему отличительными особенностями, этот рынок требует современных управленческих подходов в создании необходимых условий для развития, что представляет явный научный интерес. Ввиду сохранения в регионах устаревших инфраструктуры, правил, процессов, систем управления требуется формирование подходов, основанных на новой парадигме регулирования информатизации.

В исследовании рассматриваются аспекты влияния экофакторов (экостратегий, экомеханизмов и экоресурсов) на развитие сферы информатизации региона, актуальные проблемы применения новых подходов в формировании и реализации государственной регуляторной политики информатизации Украины. Сделан акцент на анализе состояния отрасли связи и выявлении возможных экорисков информатизации, даны практические рекомендации по их минимизации.

Экобезопасность региона в аспекте информатизации является неотъемлемой частью общей безопасности региона. Под *экобезопасностью региона в процессе информатизации (экобезопасная информатизация)*, авторское определение) понимается состояние защищенности жизненно важных региональных интересов (личности, общества, окружающей природной среды)

от глобальных и локальных угроз, которые могут возникнуть в результате действия в регионе процессов информатизации.

Иллюстрируя проблему сохранения экобезопасности в регионе с позиции влияния информатизации, заметим, например, что неправомерное использование радиочастотного ресурса с целью предоставления услуг сети Интернет может повлечь за собой возникновение ряда экорисков информатизации. Под *экорисками информатизации* мы понимаем вероятность причинения лицами вреда (ущерба) или других потерь (убытков) законным интересам физических и юридических лиц и государства, природе и обществу в результате влияния процессов информатизации с учетом степени тяжести их последствий (авторское определение). Причинами наступления событий, связанных с возникновением экорисков, могут быть:

- неконтролируемое использование радиочастотного ресурса Украины, приводящее к влиянию опасного для человека и природы излучения;
- использование радиочастотного спектра без разрешительных документов, которое может привести к возникновению радиопомех и невозможности использования радиочастот их законными пользователями (к примеру, в системах радиочастотного экомониторинга или в других геоинформационных системах);
- использование технических средств телекоммуникаций и информатизации, в том числе программных продуктов (технологий), с нару-

шением требований нормативных-правовых актов, что может угрожать здоровью человека и экобезопасности региона;

- принятие ошибочных управленческих решений с использованием средств информатизации;
- нарушение производственных процессов с использованием киберпространства.

Необходимость выработки новой парадигмы государственного регулирования сферы информатизации вызвана тем, что ранее применявшиеся инструменты информатизации устарели, не обеспечивают выполнение задач экобезопасности регионов и учитывают в основном интересы отдельных сфер. Такое практическое сужение целей и задач информатизации привело к необходимости осмысления и выработки эффективных, всеохватывающих решений, направленных на развитие экосистемы. Именно такие стратегические решения можно отнести к парадигмальным. Новизна парадигмы регулирования процессов информатизации исходит из обязательности осуществления эффективного государственного надзора и контроля в сочетании с «мягкими» механизмами, предусматривающими новые формы государственного регулирования, что впервые учитывается в стратегиях информатизации.

По нашему мнению, применение новой парадигмы государственного регулирования сферы информатизации во всех областях жизнедеятельности общества, предоставление качественных информационно-телекоммуникационных услуг, сочетаемых с гибким государственным управлением и эффективным государственным надзором, будет способствовать улучшению жизни и здоровья человека, росту ВВП, совершенствованию социально-экономических и политических отношений, обеспечит экобезопасность регионов.

Опираясь на мнение украинских ученых, отметим, что реализация новой парадигмы регулирования рынка информатизации возможна лишь в условиях открытого и ответственного диалога всех его субъектов, внедрения механизмов государственно-частного партнерства [1, с. 35].

Новая парадигма государственного регулирования сферы информатизации рассматривается нами в двух главных аспектах:

- в минимизации влияния экорисков информатизации регионов на экосистему посредством применения соответствующих регуляторных инструментов, эффективного государственного надзора, технических средств информатизации для предупреждения возникновения в регионе стихийных бедствий, аварий, катастроф и других негативных случаев;
- в формировании и реализации государственной политики информатизации региона, направленной на нейтрализацию возможных угроз для человека, общественных интересов

и природы региона, обеспечение устойчивого экобезопасного развития общества благодаря использованию соответствующей инфокоммуникационной инфраструктуры и новых регуляторных механизмов в условиях влияния неблагоприятных факторов.

Информатизация (авторское определение) понимается нами как всесторонне обеспеченный процесс модернизации системы «человек – природа – общество» (процессов управления, взаимодействия, общественных отношений, удовлетворения потребностей граждан, бизнеса и субъектов деятельности, предоставления/получения услуг), основанный на обмене информацией, сигналами, сообщениями с использованием новейших технологий, программных продуктов, соответствующих технических средств (сетей), ресурсов и инфраструктуры, пространства, направленный на развитие и достижение безопасного состояния этой системы в условиях существующих рисков.

Под *государственной экостратегией информатизации* (далее – *экостратегия информатизации*, авторское определение) следует рассматривать достижение в регионе состояния качественно нового уровня жизни человека, общественных отношений и поддержания необходимого безопасного его состояния за счет применения экомеханизмов и экоресурсов информатизации.

Учитывая подходы к определению понятий «механизм государственного управления», «механизм государственного регулирования» известных зарубежных и отечественных ученых Г.Атаманчука, В.Афанасьева, В.Бакуменко, С.Глазьева, С.Дубенко, В.Князева, М.Корецкого, Н.Латынина, О.Машкова, О.Могильного, Н.Нижника, Г.Одинцовой, Ю.Сурмина, Ф.Шамхалова, опыт государственной службы в сфере связи и информатизации, сформулируем следующее определение понятия «*государственный экомеханизм информатизации*».

Государственный экомеханизм информатизации (авторское определение) – это механизм практической реализации государственной власти, представляющий собой совокупность определенных административно-правовых и организационно-экономических инструментов (форм, способов, методов, средств), с помощью которых выполняются взаимосвязанные функции реализации экостратегии информатизации для эффективного действия соответствующей системы (административно-территориальной единицы, государства в целом) на основе модернизации ее состояния путем применения новых форм управления всеми сферами жизнедеятельности, включающими прямое или косвенное позитивное воздействие на здоровье и благополучие человека, природу и общество, используя современные телекоммуникации и процессы информатизации.

К экомеханизмам информатизации можно отнести следующее:

- разработку и введение в действие правил осуществления деятельности в сфере информатизации, нормативных правовых актов, обеспечивающих экобезопасность региона;
- разработку и внедрение интерактивных информационно-аналитических систем мониторинга и оповещения о состоянии окружающей среды;
- организацию государственного надзора в сфере информатизации с учетом критериев эффективности его осуществления;
- организацию межведомственного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, привлечение общественности к процессам принятия решений и государственному контролю;
- выявление, устранение нарушений законодательства в сфере информатизации, представляющих угрозу экобезопасности, таких как: эксплуатация незаконно действующих радиопередатчиков и сетей передачи данных; ввоз в страну несертифицированных радиоизлучающих устройств; несанкционированное вмешательство в работу инфо-коммуникационных сетей; ухудшение состояния эко-ресурсов и др.

К *экоресурсам* отнесем только те продукты деятельности, средства и услуги в сфере связи и информатизации, которые не наносят вреда и обеспечивают высокое качество жизни человека, паретто-эффективное развитие экономики, безопасное состояние окружающей среды при оптимальном использовании их количества.

Рассматривая в данной статье экостратегию в плоскости исследования механизмов государственного регулирования *рынка телекоммуникаций и информатизации*, предлагаем понятие *рынка информатизации* понимать как совокупность социально-экономических отношений между субъектами в процессе изготовления, распределения, купли-продажи (обмена) средств информатизации, новейших программ и технологий информатизации, эксплуатации информационно-телекоммуникационных сетей, а также предоставления/потребления созданных с их помощью информационных, информационно-телекоммуникационных и коммуникационных услуг, услуг информатизации, посредством чего осуществляется реализация результатов человеческой деятельности в пределах определенного пространства и территории Украины, направленных на оптимизацию состояния системы «человек – природа – общество» (авторское определение).

Составной частью мероприятий, предусмотренных Программой экономических реформ на 2010–2014 годы «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство», стали институциональные измене-

ния, процессы реформирования, повлиявшие на состояние регуляторной политики в отрасли связи [2].

Рынок телекоммуникаций и информатизации (далее – рынок) призван обеспечить качественное решение этих масштабных задач путем внедрения новейших технологий и процессов управления. Будучи «правопреемником» отрасли связи вследствие трансформации всех государственных предприятий связи в частные компании, в том числе приватизации открытого акционерного общества «Укртелеком», рынок не только получил статус прибыльной части украинской экономики, но и стал инструментом модернизации и обновления для других отраслей.

Важно учесть, что процессы трансформации отрасли связи Украины в сферу связи и информатизации, укрупнение (объединение) операторов связи в национальные и транснациональные компании в это время потребовали реформирования государственного управления. Произошла замена директивного управления отраслью связи на «мягкое» регулирование рынка. Для этого в Украине потребовалось образовать независимый государственный регуляторный орган, способный выступить эффективным регулятором и администратором рынка. Такой администратор был призван создать на рынке условия и механизмы для преобладания свободной конкуренции, действия объективных экономических законов развития рынка, защиты интересов граждан, физических и юридических лиц, государства. Таким регуляторным органом в Украине является Национальная комиссия, осуществляющая государственное регулирование в сфере связи и информатизации (НКРСИ, Регулятор), созданная Указом Президента Украины от 23 ноября 2011 г. № 1067/2011 [3]. НКРСИ призвана решить ряд важнейших задач и обеспечить:

- проведение единой государственной политики по вопросам государственного регулирования в сфере информатизации и развития информационного общества;
- устойчивое развитие национальной экономики путем информатизации и эффективного функционирования рынков информационно-телекоммуникационных, информационных услуг на основе баланса интересов общества, субъектов хозяйствования и создание условий предоставления качественных услуг потребителям;
- системность, комплексность и согласованность развития информатизации и информационного общества в государстве;
- государственный надзор (контроль) за соблюдением законодательства об информатизации.

Для выполнения этих задач ключевое значение приобрели разработка и реализация в сфере

информатизации экостратегий политики эффективного управления «Good governance», основанной на экосознании, подотчетности регулятора субъектам рынка и гибком регулировании, осуществлении взаимодействия институтов гражданского общества и максимальном привлечении их к процессам принятия решений, в общественном контроле и устранении общественных проблем [4]. Ввиду того, что сфера телекоммуникаций корреспондируется с экологической направленностью жизни региона, отраслевые проблемы телекоммуникаций и информатизации всегда будут влиять на состояние его экологической безопасности. Новые управленческие решения «Good governance» будут включать в себя:

- внедрение государственных критериев оценки эффективности процессов информатизации, выработку системы оценок состояния информатизации (национальный стандарт информатизации);
- выработку показателей для оценки рисков в сфере информатизации;
- построение и использование конвергентных интегрированных мультисервисных телекоммуникационных сетей и систем обмена информацией на основе применения безопасных технологий, одним из главных критериев функционирования которых является безопасность жизни и здоровья людей, экосистемы региона;
- создание комфортных условий операторам (провайдерам) телекоммуникаций для ведения деятельности на рынке;
- обеспечение действия факторов для предоставления потребителям качественных телекоммуникационных услуг и контроля;
- регионализацию рынков телекоммуникационных, информационных услуг, учет региональных особенностей;
- осуществление взаимодействия в регионе субъектов публичной власти;
- обеспечение баланса централизации и децентрализации власти по принципу subsidiarity с использованием инновационных технологий.

Полезным для Украины в решении вышеизложенных вопросов может стать опыт Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, стран Евросоюза, касающийся:

- деятельности государства по контролю виртуального пространства;
- решения проблемы ответственности провайдеров за действия пользователей;
- разработки и внедрения нормативных правовых актов информатизации;
- вопросов социального партнерства и общественного контроля в интернет-пространстве.

Обращаясь к истории становления сферы информатизации, сложно не заметить, что Прези-

дентом Украины еще в 1998 году были определены основные задачи информатизации разных сфер деятельности общества, в том числе и экологической. Анализ качества выполнения поставленных перед Украиной задач свидетельствует о том, что за 15 лет стратегические задачи информатизации в социально-экономической, экологической, научно-технической, оборонной, национально-культурной и другой деятельности в сферах общегосударственного значения практически не были выполнены по различным причинам [5, с. 2].

Важно учитывать, что в условиях новой парадигмы государственного регулирования рынка перед Регулятором и рынком возник ряд рисков информационного, экологического и экономического характера, способных влиять на качество проводимой политики, которые следует минимизировать:

- влияние на сферу информатизации внутренних и внешних негативных факторов и отсутствие эффективного им противостояния, нестабильное состояние общественно-политической жизни;
- отсутствие государственного надзора в процессах информатизации;
- недостаток высококвалифицированных кадров в регионах, способных обеспечить реализацию государственной политики в сфере информатизации;
- несоответствие имеющейся законодательной базы задачам информатизации, отсутствие необходимых нормативных правовых актов;
- ограниченное количество государственных ресурсов;
- отсутствие слаженного взаимодействия органов публичной власти в вопросах информатизации, наличие противодействующего воздействия внешних и внутренних факторов, вызывающих замедление темпов развития страны;
- противодействие защите авторских прав и личной информации;
- монополизация информационного пространства Украины;
- использование нелегализованного и несертифицированного программного обеспечения, средств и комплексов обработки информации;
- наличие субъектов рынка, не имеющих государственной регистрации и предоставляющих потребителям некачественные услуги;
- противоправное ведение бизнеса в киберпространстве с использованием различных, в том числе непрозрачных, схем, сокрытие доходов и неуплата в государственный бюджет налогов;
- нарушение существовавших ранее в регионе электронных алгоритмов предупреждения о негативных последствиях влияния экологических рисков;

- отставание отечественных информационных технологий от мировых.

Проиллюстрируем динамику правонарушений в отрасли связи по результатам государственного надзора НКРСИ в сфере телекоммуникаций и использования радиочастотного ресурса Украины (РЧР) в 2008–2011 годах и их влияние на состояние рынка (таблица) [6].

Таблица

Количество правонарушений в отрасли связи

Год	Составлено протоколов об административных правонарушениях	Всего выявлено нарушений законодательства в отрасли связи
2008	932	1366
2009	862	1285
2010	1137	1673
2011	1078	2043
ВСЕГО	4009	6367

Количество выявленных нарушений законодательства является следствием негативного воздействия вышеуказанных рисков на сферу связи и информатизации.

С целью предупреждения правонарушений и прекращения их действия на рынке связи и информатизации насущной потребностью явились разработка и внедрение административно-правовых процедур государственного надзора (контроля) на основе критериев качества его осуществления. К критериям качества проведения госнадзора можно отнести следующие:

- 1) процент рассмотрения комиссией в ходе проверки субъекта сферы связи и информатизации требований нормативных правовых актов от их общего количества;
- 2) изучение результатов анкетирования потребителей услуг о степени удовлетворенности качеством предоставленных телекоммуникационных услуг и выполнения требований договоров;
- 3) данные инструментальной оценки в ходе проверки показателей качества предоставленных услуг потребителям и межоператорского взаимодействия;
- 4) уровень образования и профессиональной подготовленности инспекторского состава, проводившего проверку;
- 5) степень разрешения проблемных для оператора телекоммуникаций вопросов в ходе проверки;
- 6) полнота мероприятий контроля над исполнением предыдущих результатов госнадзора (предписаний, распоряжений об устранении правонарушений);
- 7) процент обращений граждан, субъектов публичной власти с жалобами, предложениями и заявлениями.

Такой подход к организации государственного надзора, на наш взгляд, способен обеспечить его эффективность, качество предоставления услуг, защитить права потребителей и стать одним из действенных механизмов обратной связи Регулятора и субъектов рынка.

Таким образом, важным аспектом качественной реализации государственной политики информатизации в Украине является разработка нормативных правовых и нормативных актов, которые бы объединили процессы информатизации разных сфер деятельности общества в одну сферу – сферу информатизации и обеспечили ее эффективное регулирование и надзор. Для этого требуется создание инфраструктуры, способной эффективно функционировать в интересах всех сфер жизни гражданского общества, взаимодействуя с органами публичной власти, гражданами, субъектами рынка. При этом функции координации деятельности всех субъектов в вопросах реализации стратегии и контроля информатизации поручить независимому Регулятору рынка – Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере связи и информатизации, имеющей в своем составе региональные представительства и инфраструктуру, способные осуществить взаимодействие с органами публичной власти, гражданами и выполнить задачу реализации политики информатизации на национальном и региональном уровнях.

Не подерживая тех авторов, которые усматривают необходимость отказа от регулирования отраслей и рынков, следует заметить, что государственное регулирование сферы связи и информатизации крайне необходимо, но только путем формирования и реализации выверенной экосоциальной стратегии, направленной на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, государства, модернизацию регионов, их интеграцию в мировое информационное пространство на паритетных началах.

Конечно, чистая рыночная конкуренция является мощным стимулом развития рынка, и в этом ее положительное качество, но она имеет и отрицательные стороны, воздействующие на общество, например низкий уровень развития социальной сферы. В развитых странах (Германия, Франция, Польша) сегодня ключевое значение приобретают планомерное решение экосоциальных задач и развитие социальной сферы, обеспечение экобезопасности, направленные на повышение благосостояния всех людей, создание товаров общественного потребления. Эти задачи успешно решаются за счет гибкого государственного регулирования и действенного государственного надзора в сфере связи и информатизации.

В Украине качественное решение назревших задач, на наш взгляд, возможно лишь в процессе

построения социально ориентированного демократического общества, тесно связанного с формированием и установлением соответствующей системы публичной власти. Фундамент этому составят новое *экомышление* и *экосознание*, действенные *экопроцессы* инфокоммуникаций и государственная *экостратегия* регулирования рынков.

Учитывая изложенное, сделаем промежуточный вывод о том, что механизмы государственного регулирования сферы информатизации (*эко-механизмы*) целесообразно наполнить такими алгоритмами действий институтов публичной власти, которые в нынешних экономических условиях были бы способны сохранить имеющиеся субъекты рынка, обеспечить приток инвестиций и реальное развитие сферы информатизации в запланированный срок в условиях рисков и ограниченных ресурсов. На основе анализа полученных результатов исследования предлагаем ряд практических решений наиболее острых вопросов в сфере информатизации. К таким *эко-механизмам* мы относим следующие:

- разработку и внедрение информационно-аналитических систем экомониторинга состояния здоровья человека, природы и общества;
- экономию природно-материальных ресурсов путем информатизации процессов и проектов;
- разработку соответствующих нормативных правовых актов, административно-правовых процедур, действенного государственного регулирования и надзора, направленных на улучшение благополучия людей, стабилизацию и развитие регионов;
- введение государственного администрирования адресного пространства украинского сегмента сети Интернет с применением соответствующих региональных программно-аппаратных комплексов;
- определение экологических стандартов, критериев и показателей качества услуг информатизации, создание инструментов их оценки;
- обеспечение охраны прав, свобод, законных интересов и здоровья людей, а также национальных интересов на рынке информатизации

путем создания соответствующей инфраструктуры.

Уяснение этих проблем и необходимости разработки основ принципиально новой социо-эколого-экономической модели развития общества остается стратегическим приоритетом государственной политики. Составными элементами этой модели должны стать современная эффективная система управления и взаимодействия на основе технических средств информатизации, экономика инновационных технологий информатизации, совершенная система контроля экобезопасности, надежная система предупреждения о чрезвычайных ситуациях, экологизация сознания и мышления управленцев и всех слоев населения в соответствии с современными требованиями жизни.

Краткие итоговые выводы по статье.

1. Отсутствие средств государственного влияния на программное обеспечение, информационно-телекоммуникационные технологии и технические средства телекоммуникаций, на е-код в киберпространстве может вызвать целый ряд новых региональных рисков разного уровня. Степень снижения рисков в большей мере зависит от усилий органов публичной власти по прекращению их негативного влияния. Одними из инструментов нивелирования рисков являются экосоционаправленная регуляторная деятельность государства, действенный госнадзор.

2. Процесс формирования и реализации государственной регуляторной политики Украины в сфере информатизации в современных условиях характеризуется становлением новой парадигмы регулирования, призванной обеспечить позитивное воздействие экофакторов на здоровье и благополучие человека, на стабильное его существование в системе «человек – природа – общество».

3. Применение в регионах *эко-механизмов* информатизации, использование *экоресурсов* позволит обеспечить динамичное развитие региона и его экобезопасность. Фундамент этому составят новое *экомышление* и *экосознание*, действенные *экопроцессы* инфокоммуникаций и государственная *экостратегия* регулирования рынков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабаєва, З.В. Управління регіональним розвитком: інституційно-організаційний аспект: навчальний посібник / З.В. Балабаєва, Т.А. Берегой. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2009. – 221 с.
2. Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство: Программа экономических реформ Президента Украины на 2010–2014 годы / Официальное интернет-представительство Президента Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/content/ker-program.html>. – Дата доступа: 22.03.2013.

3. О Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере связи и информатизации: Указ Президента Украины, 23 нояб. 2011 г., № 1067/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/14214.html>. – Дата доступа: 20.03.2013.

4. Саханова, А.Н. Новая парадигма государственного управления «Good Governance»: пример Японии как перспектива для стран СНГ / А.Н. Саханова // Менеджмент в России и за рубежом [Электронный ресурс]. – 2004. – № 1. – Режим доступа: <http://www.mevriz.ru/annotations/2004/1/>. – Дата доступа: 15.04.2013.

5. О Национальной программе информатизации: Закон Украины 4 февр.1998 г. № 74/98-ВР // Официальный интернет-сайт Верхов. Рады Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show>. – Дата доступа: 22.03.2013.

6. Национальная комиссия, осуществляющая государственное регулирование в сфере связи и информатизации // Официальный интернет-сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkrz.gov.ua/uk/activities/1238055440/>. – Дата доступа: 20.03.2013.

Дата поступления статьи в редакцию 15.01.2013

ОБЯЗАННОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ В НАЛОГОВЫХ СПОРАХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

БОЖКО Ю.В.,

соискатель Учебно-научного института права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

В статье раскрываются некоторые аспекты вопроса доказывания в налоговых спорах при их рассмотрении в порядке административного судопроизводства. В частности, проведен анализ норм Кодекса административного судопроизводства Украины в части того, что в спорах, предметом которых является обжалование налогоплательщиком решений, действий или бездействия контролирующего органа, обязанность доказывания возложена на налоговый орган. Исследовано понятие доказательств в административном судопроизводстве, проведен анализ норм указанного Кодекса, регулирующих вопросы доказывания в налоговых спорах, и определена необходимость их комплексного применения с нормами Налогового кодекса Украины при разрешении вопроса доказывания и оценки доказательств.

The article displays some aspects of the issue of proving in the tax disputes while dealing with them in the administrative procedures. In particular, the analysis of the Code of Administrative Procedure of Ukraine was held. It should be mentioned that the tax authority is obligated to prove in the disputes related with appealing decisions, acts or omissions of the supervisory authority by taxpayers. The concept of the evidence in the administrative procedures is studied. The norms of the Code of the Administrative Procedure of Ukraine, which regulate the aspects of proving in the tax disputes, are also explored. The necessity of the applying norms of the Code of Administrative Procedure of Ukraine and norms of the Tax Code of Ukraine complexly, while solving the issue of proving and assessing the evidence, has been determined.

Кодексом административного судопроизводства Украины (далее – Кодекс) предусмотрено, что в административных делах о противоправности решений, действий или бездействия субъекта властных полномочий обязанность относительно доказывания правомерности своего решения, действия или бездействия возлагается на ответчика, если он возражает против административного иска [1].

Казалось бы, вопрос о возложении бремени доказывания в налоговых спорах, предметом которых является обжалование налогоплательщиком решений, действий или бездействия налогового органа, прямо урегулирован процессуальной нормой – именно налоговый орган обязан доказывать в суде правомерность своего решения, действия или бездействия, а налогоплательщику достаточно лишь обратиться с соответствующим административным иском.

Однако на практике при рассмотрении административными судами Украины налоговых споров по этому вопросу возникает множество проблем и противоречий, поскольку вышеупомяну-

тое толкование процессуальной нормы является достаточно буквальным и не учитывает содержание других положений Кодекса. Именно поэтому указанная проблема обязанности доказывания в налоговых спорах требует более детального научного осмысления.

Сегодня существует много научных исследований по разнообразным проблемам в сфере налоговых правоотношений и процедуры рассмотрения дел, возникающих из налоговых правоотношений. Среди таких работ необходимо выделить работы Р.С.Алимова, Л.С.Анохиной, Ю.В.Бондарчука [2], И.Л.Бородина, С.В.Буряка [3], Л.К.Вороновой, Я.В.Греци, И.Е.Криницкого, О.В.Кузьменко, О.А.Куцого, Н.П.Кучерявенко [4], С.М.Мироновой [5], Д.Г.Мулявки, В.Н.Назарова, Д.Б.Орахелашвили [6], А.Ю.Осадчего, А.А.Павлушиной [7], Ю.С.Педько, И.Ю.Петраша, Г.В.Петровой [8], Е.А.Усенко [9], С.А.Фадеевой, О.М.Федорчука, Ю.В.Шильника, А.И.Шостенко, Ф.А.Ярошенко, К.В.Ященко и др. В некоторых из этих трудов обращаются и к проблеме доказывания в налоговых спорах, но освещают

лишь отдельные аспекты в рамках темы исследования, без комплексного юридического анализа, адекватного ее значению в правовой системе Украины.

Соответственно, автор имеет цель в данной статье углубить научные знания по вопросу доказывания в налоговых спорах при их рассмотрении в порядке административного судопроизводства, предоставив необходимое концептуальное осмысление как самостоятельной научной проблеме.

Доказательства и их оценка являются одними из наиболее важных вопросов правоприменительной деятельности, поскольку законность и обоснованность провозглашенного от имени государства судебного решения напрямую зависят от правовой безупречности процессуальных действий по принятию, исследованию и оценке доказательств административными судами как правоприменительными органами.

Ученые выделяют общетеоретические научные понятия и категории в теории доказывания. В частности, речь идет о доказательных презумпциях, иммунитетах, преюдициальных фактах, категории процессуальной истины, понятиях доказательства, бремени доказывания и т.д. [7, с. 271].

Некоторые из этих категорий являются характерными и для теории доказывания в налоговых спорах при их рассмотрении в порядке административного судопроизводства, поскольку государственный орган в каждом конкретном случае должен установить и исследовать спорные правоотношения. Учитывая, что права и обязанности не возникают сами по себе, а их возникновение, изменение и прекращение закон связывает с наступлением определенных юридических фактов, государственному органу для выяснения спорных правоотношений необходимо сначала установить, какие юридические факты происходили в действительности [10, с. 174].

В то же время считаем целесообразным согласиться с В.Е.Додиным [11, с. 46] и Ю.В.Бондарчуком [2, с. 4], что фактические данные, на основании которых принимаются управленческие решения, не в полной мере вписываются в существующую конструкцию юридических доказательств, используемых в гражданском и уголовном процессе. Однако по своей природе и назначению они являются доказательствами, то есть категории «доказательства» и «доказывание» присущи не только при рассмотрении дел, влекущих за собой применение санкций.

Понятие бремени доказывания, то есть вопрос о том, на кого возлагается обязанность доказывания, является одним из основных для юридического процесса в целом и для административного судопроизводства в частности.

Так, доказательствами в административном судопроизводстве являются любые фактические

данные, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются судом на основании пояснений сторон, третьих лиц и их представителей, свидетелей, письменных и вещественных доказательств, заключений экспертов. Доказательства суду представляют лица, участвующие в деле. Суд может предложить представить дополнительные доказательства или истребовать дополнительные доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или же по собственной инициативе (статья 69 Кодекса).

Пунктом 56.4 статьи 56 Налогового кодекса Украины (далее – НК) [12] предусмотрено, что во время процедуры административного обжалования обязанность доказывания того, что любое начисление, осуществленное контролирующим органом в случаях, определенных Кодексом, или любое другое решение контролирующего органа является правомерным, возлагается на контролирующий орган. Обязанность доказывания правомерности начисления или принятия любого другого решения контролирующим органом при судебном обжаловании устанавливается процессуальным законом.

Так, по общему правилу статьи 71 Кодекса каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которых основываются ее требования и возражения.

В то же время часть 2 этой же статьи предусматривает, что в административных делах о противоправности решений, действий или бездействия субъекта властных полномочий обязанность по доказыванию правомерности своего решения, действия или бездействия возлагается на ответчика, если он возражает против административного иска.

Например, в случае обжалования налогоплательщиком налогового уведомления-решения относительно доначисления обязательств по уплате налога на добавленную стоимость обязанность представить доказательства отсутствия осуществления хозяйственной операции и, соответственно, неправомочности отнесения сумм налога на добавленную стоимость на налоговый кредит возлагается на налоговый орган. Налогоплательщику теоретически достаточно указать в жалобе, что изложенные в акте проверки утверждения не соответствуют действительности и не подкреплены доказательствами.

Однако комплексный анализ судебной практики рассмотрения налоговых споров свидетельствует о неоднозначности понимания административными судами указанных норм статьи 71 Кодекса и, соответственно, невозможности обеспечить окончательное единство судебной практики по этой категории дел.

Представляется, что обязанность доказывания, в отличие от права, представляет собой необходимость осуществления комплекса действий по доказыванию, определяемых не выбором или усмотрением субъекта доказывания, а риском наступления неблагоприятных последствий в случае их невыполнения или другими мерами воздействия. Например, суд может отказаться принять существующий факт, который утверждается стороной, в случае невыполнения обязанности по доказыванию [13, с. 55].

В связи с этим на практике у административных судов возникает ряд вопросов, касающихся презумпции доказывания, в частности:

имеет ли суд право истребовать у налогоплательщика дополнительные документы в подтверждение или опровержение доводов налогового органа;

имеет ли суд право принять дополнительные документы от налогового органа, полученные после окончания налоговой проверки и принятия по ее результатам решения о привлечении налогоплательщика к ответственности;

каковы пределы презумпции доказывания по налоговому правонарушению;

имеет ли право налогоплательщик, оспаривая доводы налогового органа, представлять документы, которые не были им представлены в ходе налоговой проверки.

Необходимо учитывать, что налоговому законодательству присущ материально-правовой характер, особенностью которого является отсутствие специального правового процессуального порядка. С одной стороны, материальное право помогает установить факт предмета доказывания в материально-процедурном порядке, с другой стороны, это право носит процессуальный порядок, закрепленный материальной нормой.

Доказыванием в налоговом праве является регламентированная нормами НК деятельность уполномоченных лиц, направленная на сбор, проверку и оценку фактических данных о виновном противоправном деянии, за которое законодательством о налогах и сборах предусмотрена юридическая ответственность.

Согласно части 3 статьи 71 Кодекса, если лицо, участвующее в деле, не может самостоятельно представить доказательства, то оно должно указать причины, по которым эти доказательства не могут быть представлены, и сообщить, где они находятся или могут находиться. Суд содействует в реализации этой обязанности и истребует необходимые доказательства. Об истребовании доказательств или об отказе в их истребовании суд выносит определение. Определение суда об отказе в истребовании доказательств отдельно не обжалуется. Возражение против него может быть включено в апелляционную или кассационную жалобу на решение суда, принятое по результатам рассмотрения дела.

Субъект властных полномочий должен подать суду все имеющиеся у него документы и материалы, которые могут быть использованы как доказательства по делу. В случае невыполнения этой обязанности суд истребует указанные документы и материалы (часть 4 статьи 71 Кодекса).

При этом Кодекс предоставляет суду право собирать доказательства и по собственной инициативе (часть 5 статьи 71 Кодекса).

Таким образом, налоговый орган при вынесении решения о применении мер налоговой ответственности должен доказать обстоятельства совершения налогоплательщиком правонарушения. Бремя доказывания вины налогоплательщика, возложенное на налоговый орган, не лишает его возможности опровергать как доказательства, которые имелись при проверке, так и представленные налогоплательщиком непосредственно в суд новые доказательства, представлять собственные доказательства, которые отсутствовали на момент вынесения акта проверки.

Необходимо также учитывать, что в делах относительно обжалования решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий административные суды проверяют, приняты (совершены) ли они, в частности, обоснованно, то есть с учетом всех обстоятельств, имеющих значение для принятия решения (совершения действия). Указанное положение закреплено в статье 2 Кодекса.

Кроме того, часть 2 статьи 71 Кодекса о возложении бремени доказывания на налоговый орган в делах о противоправности решений, действий или бездействия субъекта властных полномочий необходимо применять в системной связи с другими нормами Кодекса. В частности, речь идет о частях 4 и 5 статьи 11, согласно которым суд принимает предусмотренные законом меры, необходимые для выяснения всех обстоятельств по делу, в том числе относительно выявления и истребования доказательств по собственной инициативе. Суд должен предложить лицам, участвующим в деле, представить доказательства или по собственной инициативе истребовать доказательства, которых, по мнению суда, не хватает.

Согласно с предписаниями статей 110, 114 Кодекса суд до судебного рассмотрения административного дела принимает меры для всестороннего и объективного рассмотрения и разрешения дела и с этой целью имеет право, в частности, принять решение об истребовании документов и других материалов. Суд может предложить участникам дела дополнить или объяснить определенные обстоятельства, а также представить дополнительные доказательства.

Следовательно, соответствующие действия по истребованию у сторон спора доказательств, которые, по мнению суда, могут подтвердить

или опровергнуть доводы налогового органа о наличии нарушений со стороны налогоплательщика, могут быть совершены судом на основании пункта 1 части 2 статьи 110 и статьи 114 Кодекса.

В то же время нормы части 6 статьи 71 Кодекса прямо предусматривают право суда решить дело на основании имеющихся доказательств, если лицо, участвующее в деле, без уважительных причин не представит доказательства на предложение суда для подтверждения обстоятельств, на которые оно ссылается.

При этом оценивать факт отсутствия или недостаточности доказательств, по нашему мнению, суды должны и с учетом норм НК относительно презумпции правомерности решения налогоплательщика в случае, если норма закона или иного нормативного правового акта, изданного на основании закона, или нормы разных законов или разных нормативных правовых актов допускают неоднозначную (множественную) трактовку прав и обязанностей налогоплательщиков, вследствие чего есть возможность принять решение как в пользу налогоплательщика, так и контролирующего органа (подпункт 4.1.4 пункта 4.1 статьи 4 НК) [12].

Таким образом, комплексный анализ норм Кодекса в совокупности с нормами НК дает основания для следующих выводов о возложении бремени доказывания на контролирующий орган в административных спорах, предметом которых является обжалование налогоплательщиком решений, действий или бездействия налогового органа:

если налоговый орган не представил суду все необходимые доказательства своей позиции, то у суда отсутствуют основания для принятия решения в пользу последнего;

в иске налогоплательщика может быть отказано, если последний без уважительных причин уклоняется от представления доказательств по требованию суда, а имеющихся материалов недостаточно для опровержения подтвержденных надлежащими доказательствами выводов налогового органа, положенных в основу принятого им спорного решения, или в случае, если имеющихся в деле доказательств достаточно для подтверждения выводов налогового органа. При наличии оснований для применения презумпции правомерности решения налогоплательщика отсутствие или недостаточность доказательств является основанием для вывода о неправомерности обжалованного решения контролирующего органа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс административного судопроизводства Украины от 6 июля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rada.gov.ua. – Дата доступа: 08.01.2013.
2. Бондарчук, Ю.В. Налоговые производства в Украине: теоретическо-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Ю.В. Бондарчук. – Одесса, 2008.
3. Налоговые споры: возникновение, природа, способы урегулирования: науч. пособие / под. ред. С.В. Буряка. – Киев: Юринком Інтер, 2009. – 800 с.
4. Кучерявенко, Н.П. Курс налогового права: в 6 т. / Н.П. Кучерявенко. – Харьков: Легас, 2004. – Т. 2: Введение в теорию налогового права. – 600 с.
5. Миронова, С.М. Механизм разрешения налоговых споров в Российской Федерации: финансово-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / С.М. Миронова. – Саратов, 2006.
6. Орахелашвили, Д.Б. Понятие налоговых споров и отдельные направления их разрешения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Д.Б. Орахелашвили. – М., 2004.
7. Павлушина, А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Павлушина. – Самара, 2005.
8. Петрова, Г.В. Налоговые отношения: теория и практика правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Г.В. Петрова. – М., 2003.
9. Усенко, Е.А. Правовое регулирование процедур разрешения налоговых споров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Е.А. Усенко. – Ирпень, 2010.
10. Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / под ред. М.С. Шакарян. – М.: Былина, 1998. – 400 с.
11. Додин, Е.В. Доказательства в административном процессе / Е.В. Додин. – М.: Юрид. лит., 1973. – 192 с.
12. Налоговый кодекс Украины от 2 окт. 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rada.gov.ua. – Дата доступа: 08.01.2013.
13. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 2-е изд., доп. – М.: Городец, 1998. – 295 с.

Дата поступления статьи в редакцию 08.01.2013

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ: ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

КОСОВИЧ В.М.,

доцент кафедры теории и философии права юридического факультета

Львовского национального университета имени Ивана Франко, кандидат юридических наук

В статье рассмотрены основные характеристики юридической конструкции как средства нормотворческой техники. Предложены определения и требования, которым она должна соответствовать, а также правила ее использования в нормативных правовых актах, сформулированные в редакции, которая может быть использована в законодательстве о нормативных правовых актах или законодательстве о юридической технике.

Basic descriptions of legal construction as means of law making technique are considered in the article. Its determinations' requirements it must correspond, rules of the use in normatively legal acts, set forth in a release that can be used in a legislation about normatively legal acts or legislation about a legal technique are offered.

Среди средств нормотворческой техники, способствующих созданию качественных нормативных правовых актов, главное место принадлежит юридическим конструкциям, которые представляют собой наиболее развитый уровень правовой материи [1, с. 229]. Необходимость поиска путей совершенствования существующей базы источников украинского права (как права государства, правовой системе которого присущи признаки континентального права), а также возможность использования для этого именно юридических конструкций делает предложенную тему исследования актуальной как теоретически, так и практически.

На общетеоретическом уровне юридическая конструкция рассматривалась как правовое явление уже в конце XIX века в трудах российских ученых Г.Иеринга и Н.М.Коркунова; как средство моделирования нормативно-правовых предписаний и элемент нормотворческой техники исследуется современными теоретиками С.С.Алексеевым, В.М.Барановым, Ж.О.Дзэйко, Т.А.Доценко, Т.В.Кашаниной, В.В.Чевичеловым, А.Ф.Черданцевым и др. Среди украинских ученых юридическая конструкция системно на диссертационном уровне изучалась А.О.Дутко.

Исходя из важности арсенала нормотворческой техники в процессе правотворческой деятельности, сегодня в Украине создано немало до-

кументов, которые содержат правила нормотворения. Это своеобразные установки, например «Правила оформления проектов законов и основные требования законодательной техники (методические рекомендации)» (разработаны Главным юридическим управлением Секретариата Верховной Рады Украины), «Методические рекомендации по подготовке и оформлению проектов законов (правила законопроектирования)» (разработаны как проект Центра политико-правовых реформ), специальные правовые акты – Правила подготовки проектов актов Кабинета Министров Украины, утвержденные постановлением Кабинета Министров Украины от 6 сентября 2005 г. № 870 и др. Однако во всем этом разнообразии (как и в разных проектах законов Украины о нормативных правовых актах) о юридических конструкциях ничего не сказано.

Существующий между наукой и практикой разрыв требует выделения из существующих доктринальных подходов к понятию юридической конструкции наиболее важных положений, которые должны нормативно закрепляться и соответственно быть обязательными для субъектов нормотворческого процесса. Именно это является целью нашего исследования. Для ее достижения целесообразно решить ряд задач:

- выбрать такое понятие юридической конструкции, которое бы наиболее полно и форма-

лизованно отображало ее сущность и основные характеристики;

- определить перечень требований, которым юридические конструкции должны отвечать;
- выделить правила (в первую очередь основания) использования юридических конструкций при создании проектов нормативных правовых актов Украины, в частности их введения в текст статьи нормативно-правового акта;
- проанализировать примеры используемых в действующем законодательстве Украины юридических конструкций на предмет соответствия требованиям и правилам использования.

Анализируя понятие юридической конструкции, необходимо, на наш взгляд, отметить, что существующие определения этого юридического явления можно оценить лишь комплексно, в сочетании с такими характеристиками юридической конструкции, как ее признаки, виды, функции, соотношение со смежными понятиями.

Современные ученые рассматривают юридическую конструкцию по-разному [2, с. 489; 3, с. 131; 4, с. 178; 5, с. 185; 6, с. 321; 7, с. 6]. В то же время выделяется ряд ключевых характеристик этого правового явления, которые прослеживаются в дефиниции юридической конструкции: это нормативно закрепленная модель типичных общественных отношений; комплекс взаимосвязанных элементов правового явления; основа создания нормативно-правовых предписаний.

Общезвестно, что в определении понятия должны отображаться его главные признаки. К признакам юридической конструкции относятся:

- форма отображения общественных отношений, регулируемых правом;
- результат абстрагирования от разнообразных общественных отношений и акцентирование на наиболее значимых правовых явлениях;
- в основе лежат категории правоотношений, которые характеризуются взаимосоответствием и аналогией;
- обобщающая модель структурированных правовых явлений [8, с. 113–118; 6, с. 317–318];
- отсутствие хотя бы одного элемента отображенных в конструкции правовых отношений разрушает конструкцию в целом [4, с. 180].

Сопоставив определение юридической конструкции с ее признаками, можно констатировать, что основные признаки нашли свое воплощение в содержательной трактовке данного понятия.

Невзирая на наличие в литературе классификаций юридических конструкций по разным критериям, немало ученых обращает внимание на предложенное А.Ф.Черданцевым разделение конструкций на нормативные (отображенные в

правовых нормах) и теоретические (используемые правовой наукой в качестве метода познания права) [3, с. 150]. Это отражено и в существующих определениях юридической конструкции: с одной стороны, ее трактуют как явление, созданное на уровне абстрактного мышления, с другой стороны, — как рычаг правового регулирования.

Анализируя юридическую конструкцию как правовое явление, стоит обратить внимание и на те функции, которые она выполняет как компонент механизма правовой регуляции. Юридическая конструкция осуществляет законодательную экономию; способствует концентрированному выражению содержания права; позволяет запрограммировать очень большое правовое пространство; придает четкость нормативному документу; способствует правоприменительной деятельности [4, с. 182–183]. С помощью юридических конструкций законодатель создает типизированные законодательные модели: нормативные правовые акты, презумпции, фикции [9, с. 134]. Им принадлежит значительная роль в интерпретационной деятельности [10, с. 254–256] и юридической учебе [6, с. 321]. Эти характеристики вводятся в определение юридической конструкции крайне ограниченно, что, на наш взгляд, оправдано, поскольку способствует лаконичности дефиниции. Объемное определение оправдано для общетеоретического уровня восприятия (например, при усвоении положений в пределах курса общей теории права и государства). Если же его использовать в качестве нормы для право творческих субъектов, то здесь целесообразнее оперировать короткими четко определенными формулировками.

Рассмотрение основных характеристик юридических конструкций утверждает во мнении, что стоит поддержать позицию Т.В.Кашаниной, которая в контексте признаков указывает на отличия между конструкцией и другими правовыми явлениями, в первую очередь дефиницией. Это необходимо в силу того, что конструкции получают свое нормативное закрепление чаще всего в форме определений (дефинитивной форме). Если дефиниция охватывает однородные явления по существенным признакам, то конструкция — разнородные; в дефиниции отображаются лишь общие признаки этих явлений, в то время как в конструкции, кроме элементов, фиксируются связи между ними [4, с. 179]. Юридические конструкции являются моделями структуры правовых явлений, а не моделями их признаков, свойств, функций [7, с. 12]. Актуальность выделения юридических конструкций среди других похожих по признакам и структуре правовых явлений прослеживается при попытке их выявления в конкретных нормативных правовых актах. Указанные выше характеристики юридической конструкции идеально определяют лишь те,

которые сегодня являются «общеизвестными» и приобрели «аксиоматический характер», например, состав преступления, структура правоотношений, гражданско-правовой договор, право собственности. При анализе текстов нормативных правовых актов нельзя не заметить наличие тождественных с юридическими конструкциями правовых явлений, относительно которых этих характеристик недостаточно. Речь идет, например, об имеющихся в Гражданском кодексе Украины (далее – ГК) нормативных определениях и сформулированных «конструктивно» нормативно-правовых предписаниях: гражданская правоспособность физического лица (ст. 25); гражданская дееспособность физического лица (ст. 30); понятие юридического лица (ст. 80); представительство (ст. 237); право общей долевой собственности (ст. 356); виды вещественных прав на чужое имущество (ст. 395); право интеллектуальной собственности (ст. 418).

Попробуем разработать сравнительную таблицу для определения того, относятся ли нормативные интерпретации приведенных правовых понятий к категории юридических конструкций, сопоставив характеристики юридической конструкции с другими правовыми явлениями, например дефиницией.

Таблица
Сравнение категорий
«юридическая конструкция» и «дефиниция»

Признаки юридической конструкции	Признаки дефиниции
По существенным признакам в ней объединяются разнородные явления	По существенным признакам объединяются однородные явления
Кроме самих элементов конструкции фиксируются связи между ними	Отображаются лишь общие признаки явлений
Является обобщающей моделью системы структурированных правовых явлений	Является моделью признаков, свойств, функций правовых явлений
Может быть нормативной и теоретической	Содержит юридически закрепленное определение (и только)
Является моделью для создания нормативно-правовых предписаний	Выступает своеобразной формой выражения аутентичного толкования, которое имеет общеобязательный характер

Рассмотрим, как работает таблица на примере определения понятия «юридическое лицо», которое дается в статье 80 ГК: перед нами юридическая конструкция или правовая дефиниция? «Юридическим лицом является организация, созданная и зарегистрированная в установленном законом порядке. Юридическое лицо наделяется гражданской правоспособностью и дееспособностью, может быть истцом и ответчиком в суде» [11]. Данная норма определяет основания приобретения организацией статуса юридического лица, а именно: создание и регистрация в установленном законом порядке; гражданская правоспособность и дееспособность; способность быть истцом и ответчиком в суде. Среди специалистов сегодня сформировалась твердое убеждение, что определение юридического лица – правовая конструкция [12, с. 296–297]. Возникают, однако, вопросы: не идет ли здесь речь об однородных субъектах (организации) с общими признаками (созданные, зарегистрированные, правоспособные и т.п.), можно ли считать понятие юридического лица моделью для создания других нормативно-правовых предписаний, поскольку норм такого типа в ГК непосредственно нет? Приведенные размышления склоняют к мысли, что определение юридического лица в большей степени правовая дефиниция, чем юридическая конструкция.

Значительно лучше указывает на содержательную составляющую термина «юридическое лицо» теоретическое определение обозначенного им понятия. Если в нормативно-правовом предписании непосредственные связи между структурными элементами не прослеживаются, то доктринальное видение элементов юридического лица – организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность, участие в гражданском обороте от своего имени и так далее – их убедительно иллюстрирует. Отсутствие хотя бы одной из указанных характеристик будет причиной невозможности приобретения субъектом статуса юридического лица и соответственно участника гражданских правоотношений. Кроме того, все свойства юридического лица взаимосвязаны. Возникнуть гражданская правоспособность и дееспособность лица может лишь после его государственной регистрации; но если лицо не имеет необходимой материальной базы для участия в гражданском «обороте», оно не будет зарегистрировано.

Перед нами, по сути, конструкция одного из структурных элементов гражданских правоотношений, а именно субъекта. В то же время структура правоотношений является одной из общеизвестных юридических конструкций. Это значит, что мы имеем дело со своеобразной юридической формулой: общая юридическая конструкция конкретизируется через конструкции ее элементов (моделирование через моделирование).

Таким образом, можно предложить следующее обобщенное определение *юридической конструкции: это нормативно закрепленная модель системы типичных структурированных правовых явлений, которая является основой для формирования нормативно-правовых предписаний.*

Юридическая конструкция как средство нормотворческой техники может обеспечивать создание качественных нормативно-правовых предписаний лишь при условии соответствия определенным требованиям. Система этих требований начала формироваться уже в первых исследованиях, посвященных юридическим конструкциям. Р.Иеринг выделяет три закона юридической конструкции: закон совпадения с позитивным материалом, закон непротиворечия и системного единства, закон юридической красоты [13, с. 85–87]. Н.М.Коркунов указывает, что для того, чтобы конструкция отвечала своему назначению, она должна отвечать трем требованиям – полноты, последовательности, простоты [14, с. 428; 6, с. 318]. Современные исследователи к ним добавляют еще такие, как: согласованность, стабильность, соответствие требованиям правового регулирования и юридической техники [7, с. 12]; юридические конструкции должны отвечать общему состоянию социальной среды, в которой они реализуются, быть определенными, не должны содержать коллизий и пробелов, нецелесообразных воссозданий (дублирования) правовых предписаний, должны быть оптимально конкретизированными [15, с. 236–238].

Предложенный перечень является, без сомнения, важным фактором должного текстуального и содержательного формулирования юридических конструкций. В то же время некоторые требования в силу своей юридической специфики и формальной неопределенности могут вызывать у практика немало вопросов. Например, как достичь простоты текста нормативного правового акта (что, на наш взгляд, крайне важно для доступности восприятия, причем простота не должна означать примитивность) и использовать необходимую для его создания (не всегда понятную обывателю) законодательную терминологию, или как понимать требование «быть оптимально конкретизированным»; оценочное понятие «оптимально» делает это требование более декларативным, чем реальным. Наконец, неисчерпаемый перечень требований, предъявляемый учеными к юридическим конструкциям, приведет к началу новых дискуссий относительно практики создания и реализации нормативно-правовых предписаний с ними.

По нашему мнению, приведенный перечень требований целесообразно конкретизировать и изложить в таком формате, который может быть нормативно закрепленным, например: «Юридические конструкции должны отвечать *таким требованиям*: ...». Далее – перечень требований с частичной детализацией: *полноты* – способности регулировать все типичные общественные отношения, невидя на их индивидуальные особенности и наличие всех элементов юридической конструкции; *согласованности* с другими юри-

дическими конструкциями и нормативно-правовыми предписаниями; *простоты и формальной определенности* – использования только тех терминов, которые непосредственно обозначают структурные элементы юридической конструкции; текстуального оформления и содержательной нагрузки, не нуждающейся в толковании и не вызывающей разное понимание; *постоянства (стабильности)* – способности отображать основные принципы правового регулирования определенного типа общественных отношений и не зависеть от изменений в нормативных правовых актах; *техничко-юридического совершенства* – отсутствия пробелов и дублирований, соблюдения терминологических и стилистических правил.

Отвечают ли юридические конструкции, которые используются в современном законодательстве Украины, приведенным выше требованиям? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо провести специальное исследование, а учитывая объем действующего украинского законодательства, сделать это очень сложно.

Большинство ученых непосредственно не выделяет основания, предпосылки (как основные правила) использования юридических конструкций в нормативных правовых актах. Это объективно оправдано. Ведь, как отмечает С.С.Алексеев, формирование юридических конструкций происходит во многом спонтанно, в ходе сложных практических отношений в результате типизации в праве [1, с. 229–230]. Предпосылки рассматриваются лишь фрагментарно. Например, А.О.Дутко, называя признаки юридических конструкций, подчеркивает, что они могут применяться для законодательной регуляции явлений, которые будут возникать в будущем, если их структура окажется сходной со структурой правовых явлений, отображенных в конструкциях [7, с. 12]. Такая ситуация предопределяет введение или невведение юридических конструкций в правовые нормы, исходя лишь из правосознания субъектов протворчества.

Проанализировав работы по теме, предлагаем выдвинуть ряд оснований, предпосылок введения юридических конструкций (именно их, мы считаем, можно рассматривать как правила использования) в создаваемые нормативные правовые акты (в первую очередь их проекты). Также апробируем предложенные правила использования юридических конструкций на примере одной из ключевых гражданско-правовых конструкций – конструкции гражданско-правового договора. Эта конструкция нормативно закреплена. В соответствии со статьей 626 ГК, «договором является договоренность двух или больше сторон, направленная на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обя-

занностей» [11]. В статье 628 раскрыто содержание договора. Статья 1 закрепляет, что предметом гражданских правоотношений являются личные неимущественные и имущественные отношения, соответственно объект договора – неимущественные и имущественные права.

К основаниям использования юридических конструкций в нормативном правовом акте, по нашему мнению, можно отнести следующие:

1) наличие признанных теоретических юридических конструкций, которые целесообразно ввести в текст создаваемого нормативного правового акта (теоретически конструкция гражданско-правового договора была разработана еще римскими юристами и логично нашла свое отображение в первых европейских кодексах начала XIX века и ныне действующем ГК);

2) если юридическая конструкция отображает и будет закреплять стандарты определенной отрасли права. Именно конструкция гражданско-правового договора отображает принципы частного права и соответственно гражданских правоотношений: равенство сторон, их прав и обязанностей, диспозитивность правового регулирования гражданских правоотношений;

3) в случае необходимости нормативной формализации юридической природы типичных государственно-правовых явлений. Договор является типичным для сферы частного права правовым явлением, в первую очередь гражданского и хозяйственного. Его нормативное закрепление легитимизирует базовые ключевые признаки самых разнообразных договоров, которые были, есть и будут;

4) в случае необходимости абстрагирования от многообразия форм в пределах определенной группы общественных отношений, которые нуждаются в правовой регуляции, и выделения основных взаимосвязанных элементов будущих правоотношений (их структуризации). Создание конструкции (своеобразной «формулы», которая включает три элемента) позволяет не принимать во внимание специфические, вторичные особенности, характерные для каждого договора, которые могут «отвлекать внимание» от принципиальных положений и способствовать заключению неправомерных договоров;

5) в случае необходимости создания типизированных законодательных моделей, которые отображают структурированные правоотношения и будут основой для создания других нормативно-правовых предписаний. Конструкция гражданско-правового договора является моделью для создания разнообразных договоров, что и прослеживается в ГК;

6) для объединения в единое логически законченное правовое явление связанных по смыслу, однако формально разных элементов правоотношений. Структурные составляющие договора формально разные – субъект (напри-

мер, физическое лицо), объект (например вещь), взаимные гражданские права и обязанности. Однако договор как правовое явление возможен лишь при наличии всех этих элементов. Отсутствие хотя бы одного из них приводит к недействительности договора (фактически разрушает юридическую конструкцию).

Отмеченный перечень может быть нормативно закреплен и носить название «основания использования юридических конструкций при создании проектов нормативных правовых актов».

Подытоживая, можно предложить ввести в текст проекта закона Украины о нормативных правовых актах статью о юридических конструкциях и изложить ее следующим образом:

«Статья ... Юридические конструкции: требования и основания использования при создании нормативных правовых актов

1. Юридические конструкции – это нормативно закрепленные модели системы типичных структурированных правовых явлений, которые являются основой для формирования нормативных правовых предписаний.

2. Юридические конструкции должны отвечать требованиям:

- 1) полноты;
- 2) согласованности;
- 3) простоты и формальной определенности;
- 4) постоянства (стабильности);
- 5) технико-юридического совершенства.

3. Основания использования юридических конструкций при создании проектов нормативных правовых актов:

1) наличие признанных теоретических юридических конструкций, которые целесообразно ввести в текст создаваемого нормативного правового акта;

2) в случае если юридическая конструкция отображает и будет закреплять «стандарты» определенной отрасли права;

3) при необходимости нормативной формализации юридической природы типичных государственно-правовых явлений;

4) в случае необходимости абстрагирования от многообразия форм в пределах определенной группы общественных отношений, которые нуждаются в правовой регуляции, и выделения основных взаимосвязанных элементов будущих правоотношений (их структуризации);

5) при создании типизированных законодательных моделей, которые отображают структурированные правоотношения и будут основой других нормативных правовых предписаний;

6) для объединения в единое логически законченное правовое явление связанных по смыслу, однако формально разных элементов правоотношений.».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С.С. Собрание сочинений: в 10 т. / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 6: Восхождение к праву. – 558 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права: учеб. / С.С. Алексеев. – М.: Проспект, 2008. – 576 с.
3. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 192 с.
4. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учеб. / Т.В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.
5. Луць, Л.А. Загальна теорія держави та права: навч.-метод. посібник / Л.А. Луць. – Київ: Атіка, 2008. – 412 с.
6. Доценко, Т.А. Сущность юридических конструкций / Т.А. Доценко // Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000.
7. Дутко, А.О. Юридичні конструкції та їх використання в законотворчій практиці України: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Львів, 2010 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://irbis-nbuv.gov.ua>. – Дата доступу: 03.01.2013.
8. Деревнин, А.А. О понятии юридических конструкций / А.А. Деревнин // Акад. юрид. журн. – 2004. – № 4. – С. 113–118.
9. Панько, К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве / К.К. Панько. – М.: Юр-литинформ, 2011. – 312 с.
10. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 532 с.
11. Гражданский кодекс Украины от 16 янв. 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks/>. – Дата доступа: 03.01.2013.
12. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование / С.И. Архипов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 469 с.
13. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг. – М.: Статут, 2008. – 231 с.
14. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.
15. Дзейко, Ж.О. Законодавча техніка в Україні: історико-теоретичне дослідження / Ж.О. Дзейко. – Київ: Київ. ун-т, 2007. – С. 236–238.

Дата поступления статьи в редакцию 03.01.2013

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

ОЧИЧЕНКО Е.Г.,

соискатель кафедры гражданского права № 1 Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»

Рассмотрена классификация невозможности исполнения обязательства на абсолютную и относительную. Автор делит относительную невозможность исполнения обязательства на экономическую и моральную. Абсолютная и относительная невозможность исполнения обязательства рассмотрена с учетом законодательства Украины, Российской Федерации, Республики Беларусь, Германии и международного законодательства.

In the article classification of absolute and comparative impossibility of performance has been considered. The author distinguishes economic and moral impossibility of performance. Absolute and comparative impossibility of performance has been examined in view of Ukrainian, Russian, Belorussian, German and international legislation.

В зависимости от степени возможности исполнения сторонами обязательства невозможность исполнения обязательства делят на абсолютную и относительную. Цивилисты расходятся во мнениях о понимании абсолютной и относительной невозможности исполнения обязательства. Целесообразно обратиться к определению данных видов невозможности исполнения, существующих в доктрине гражданского права. Так, А.М.Запорожец утверждает, что абсолютная невозможность реального исполнения не зависит от воли участников обязательственных отношений и связана с актами компетентных органов государства об изменении плановых заданий или отсрочке их исполнения; с действием непреодолимой силы; с недостаточным исходным уровнем развития науки в решении технической задачи и др. Данные обстоятельства считаются такими, за которые должник не отвечает. Относительная невозможность реального исполнения зависит от воли участников обязательства и является следствием ошибок в состоянии и осуществлении организации хозяйственной деятельности, неоправданных упущений со стороны должника или кредитора или утраты интереса к изготовлению данной продукции по договору в результате изменения потребностей в ней. Абсолютная невозможность исполнения должна освобождать должника от ответственности, а относительная – нет [1].

По поводу указанного понимания абсолютной и относительной невозможности исполнения

обязательства И.С.Продаевич отмечает, что классификация по критериям абсолютности и относительности совпадает с более распространенной в цивилистической литературе классификацией на объективную и субъективную невозможность исполнения обязательства. К тому же, по ее мнению, А.М.Запорожец объединяет указанную дифференциацию невозможности исполнения обязательства с ее классификацией на постоянную и временную. Поэтому предложенное А.М.Запорожцем деление кажется И.С.Продаевич не имеющим практического смысла и может быть учтено только исходя из теоретических соображений [2].

По нашему мнению, классификация невозможности исполнения обязательства на абсолютную и относительную имеет важное значение, но в другом понимании, чем было предложено А.М.Запорожцем. Невозможность исполнения является абсолютной, если получение ожидаемого от обязательства результата невозможно в любом случае, независимо от затраченных ресурсов. То есть условие, согласно которому невозможность исполнения характеризуется как абсолютная, состоит в отсутствии у сторон обязательства возможности получить ожидаемый от обязательства результат, какие бы действия они не предпринимали. Относительная невозможность исполнения обязательства имеет место, когда стороны обязательства теоретически могут исполнить его, однако в силу ряда причин оно является либо чрезвычайно слож-

ным для исполнения, требующим чрезмерных средств, либо противоречит другим (нематериальным) интересам сторон обязательства в связи с существованием определенного морального обязательства.

Ценность изучения данных видов невозможности исполнения состоит в том, что оно позволяет выявить нюансы правового регулирования последствий невозможности исполнения в зависимости именно от возможностей сторон конкретного обязательства. В силу отличия критериев, по которым невозможность исполнения обязательства делится на абсолютную и относительную, объективную и субъективную, данные классификации не являются тождественными и имеют свое функциональное назначение каждая.

Для украинской правовой мысли идея применения понятий абсолютной и относительной невозможности исполнения не нова. Так, Л.В.Тарасенко, анализируя невозможность исполнения денежного обязательства, характеризует категорию абсолютной невозможности исполнения как невозможность вообще совершить определенное действие, которая, по ее мнению, не может наступить никогда [3]. Относительную невозможность исполнения обязательства как самостоятельную категорию выделяет В.С.Милаш, которая предлагает в качестве нормативного закрепления оговорку о затруднительных обстоятельствах внешнеэкономического договора и рассматривает их как неотвратимые, объективно существующие помимо воли сторон обстоятельства для одной из сторон *относительную невозможность исполнения обязательства*. Автор также указывает, что сторона, для которой определенные затруднительные обстоятельства создали *относительную невозможность исполнения обязательства* (курсив наш. – Е.О.), если стороны не предусмотрели иное, получает право на одностороннее расторжение договора в двух случаях: во-первых, когда другая сторона умышленно уклоняется от пересмотра первоначальных условий или исполнения договора в соответствии с уже модифицированными условиями; во-вторых, когда стороны не могут прийти к согласию на протяжении разумного промежутка времени по поводу модификации договорных условий как самостоятельно, так и с помощью соответствующих органов, учреждений (если в оговорке указано, что предлагаемый ими вариант решения будет иметь рекомендательный характер) [4]. Однако представляется, что определение затруднительных обстоятельств с помощью термина «относительная невозможность исполнения обязательства» не является удачным в связи с неоднозначным пониманием самой относительной невозможности исполнения обязательства в отечественной литературе и отсутствием нормативного закрепления этого термина.

Относительная невозможность исполнения обязательства делится на экономическую и моральную. Относительной экономической невозможности исполнения обязательства присущи два характерных признака: чрезвычайная сложность и чрезмерная стоимость исполнения. При этом категорией сложности измеряется количество и качество усилий, определяется специфика действий, необходимых для исполнения обязательства. Чрезмерная стоимость исполнения, как второй признак относительной экономической невозможности исполнения, означает, что сам факт исполнения при возникших обстоятельствах был бы актом безумия, который в полной мере противоречит принципу разумности. В связи с этим заслуживает внимания формула Уолкера Эммериха, который указывал, что в случае относительной невозможности исполнения обязательства ни один разумный кредитор не будет ожидать исполнения обязательства [5].

Относительная моральная невозможность исполнения обусловлена существованием морального обязательства должника или кредитора. Под моральным обязательством предлагается понимать этическое требование, когда оно выступает как долг лица, как возложенная на него задача [6]. В случае относительной моральной невозможности исполнения обязательства немущественные интересы лица в моральном обязательстве вступают в конфликт с его интересами и интересами другой стороны основного обязательства. В качестве примера в литературе приводится случай, когда певица soprano отказалась петь после того, как узнала, что ее сын заболел, в связи с чем возникла угроза его жизни [7].

Касательно относительной моральной невозможности исполнения обязательства следует отметить, что на сегодняшний день в гражданском законодательстве Украины существует пробел в регулировании ее последствий. Возможно, отсутствие закрепления в актах гражданского законодательства случаев относительной моральной невозможности исполнения обязательства объясняется тем, что в советские времена «право не нуждалось в том, чтобы его подпирало со стороны столпами или столбиками морали. Социалистическое право ни в каком отношении не находилось в противоречии с социалистической этикой» [8]. С другой стороны, тот же М.М.Агарков указывал, что исполнение договорного обязательства морально невозможно, если, учитывая соответствующие обстоятельства, требование исполнить договорное обязательство полностью противоречит нормам морали. Данное правило он выводил из положений ст. 130 Конституции СССР, согласно которым обязанностью каждого гражданина СССР является уважение правил социалистического общежития [9].

Украинское право, будучи преемником советского права, традиционно подходит к урегулированию случаев невозможности исполнения обязательства. Усматривается, что норма ст. 607 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) [10] закрепляет невозможность исполнения обязательств лишь как абсолютную, поскольку в ней не идет речь о значительной сложности, чрезмерной стоимости исполнения обязательства либо о противоречии основного обязательства моральному. Аналогично случаи невозможности исполнения обязательства регулируются нормами ст. 416 Гражданского кодекса Российской Федерации [11] и ст. 386 Гражданского кодекса Республики Беларусь [12]. Соответствующим образом действуют и судебные органы. Отечественная судебная практика свидетельствует о том, что рассмотрение дел, связанных с невозможностью исполнения, осуществляется исходя из правила: если исполнение обязательства невозможно – применяется норма ст. 607 ГК Украины, если возможно – норма ст. 607 не подлежит применению, но могут быть применены положения о существенном изменении обстоятельств, предусмотренных ст. 652 ГК Украины. Так, например, в одном из судебных решений указывалось, что существенное изменение обстоятельств не усложняет исполнение обязательства настолько, что это ведет к невозможности исполнения обязательства в связи с обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. В противном случае, обязательство в соответствии с нормой ст. 607 ГК Украины должно было бы быть прекращено при отсутствии расторжения договора по соглашению сторон [13].

Принимая во внимание уровень закрепления абсолютной и относительной невозможности исполнения в украинском законодательстве на данный момент и применение соответствующих гражданско-правовых норм на практике, представляется, что введение в ГК Украины норм, регулирующих случаи относительной экономической и моральной невозможности исполнения, будет соответствовать сегодняшним реалиям и стандартам, существующим в зарубежном и международном праве.

Развитие германского законодательства свидетельствует о том, что закрепление гражданско-правовых норм, регулирующих лишь случаи абсолютной невозможности исполнения, оказалось не способным в полной и достаточной мере решить проблему отсутствия нормы, которая бы определяла относительную невозможность исполнения обязательств и ее последствия. Так, согласно ранее действующей редакции Германского гражданского уложения (далее – ГГУ), если невозможность исполнения обязательства была абсолютной, при условии, что препятствие исполнению нельзя преодолеть, то

применению подлежали положения § 306 или § 275 ГГУ. Норма § 306 ГГУ предусматривала случаи первичной абсолютной невозможности, а норма § 275 ГГУ применялась к случаям последующей абсолютной невозможности исполнения. Однако если невозможность исполнения была относительной, при условии, что затруднение исполнения обязательства все же могло быть преодолено, указанные нормы применению не подлежали [14, с. 1–2].

Актом об усовершенствовании обязательственного права Германии от 26 ноября 2001 г. были внесены изменения в ГГУ. В новой редакции ГГУ закреплены положения об относительной невозможности исполнения обязательства. В § 275 ГГУ были включены новые положения о чрезвычайной сложности и исключены старые о первичной и последующей невозможности исполнения обязательства. Часть 1 § 275 ГГУ закрепляет абсолютную невозможность исполнения обязательства, части 2 и 3 § 275 ГГУ предусматривают относительную невозможность исполнения [15].

Таким образом, германский законодатель избрал путь закрепления как абсолютной, так и относительной невозможности исполнения обязательства. Данный подход представляется более совершенным по сравнению с украинским законодательством, так как охватывает различные вариации невозможности исполнения обязательства.

Необходимо отметить, что в урегулировании абсолютной и относительной невозможности исполнения обязательства ГГУ имеются и недостатки, на которые неоднократно указывали германские юристы. Так, в соответствии с частью 2 § 275 ГГУ, не подлежат сравнению интересы обеих сторон, а берутся во внимание только интересы кредитора и стоимость исполнения со стороны должника. Если стоимость исполнения увеличивается, соответственно, увеличивается интерес в исполнении, часть 2 § 275 ГГУ применению не подлежит.

Классификация невозможности исполнения обязательства на абсолютную и относительную нашла свое закрепление и в международном праве. В литературе указывалось, что даже при отсутствии в Конвенции ООН о международной торговле товарами положений об относительной невозможности исполнения обязательства, из общих принципов следует, что «в случае возникновения дальнейшего, непредвиденного препятствия к исполнению, вследствие существенного изменения экономических условий, должна существовать граница убытков (*limit of sacrifice*). За этой границей, принимая во внимание неблагоприятные тяжелые экономические условия, исполнение обязательства от должника больше не будет требоваться» [14, с. 5].

Принципы международных коммерческих контрактов УНИДРУА (далее – Принципы

УНИДРУА) и Принципы европейского контрактного права (далее – ПЕКП) для определения последствий относительной невозможности исполнения используют стандарт разумности. Пункт b статьи 7.2.2 Принципов УНИДРУА предусматривает, что «в случае, когда сторона, на которую возложено обязательство, кроме денежного, не исполняет его, другая сторона вправе требовать исполнения, если... исполнение, либо, в соответствующих случаях, принудительное исполнение, не является неразумно обременительным или дорогим» [16]. Статья 9.102 ПЕКП предусматривает, что «реальное исполнение... не может быть осуществлено, если... исполнение потребует от должника неразумных усилий либо затрат» [17]. Указанные международно-правовые акты содержат также ряд норм, которые закрепляют положение о хардшипе. Таким образом, относительная невозможность исполнения обязательства и хардшип в международном праве рассматриваются как самостоятельные явления, имеющие соответствующие правовые последствия.

Рассмотренные выше положения национального, зарубежного и международного права свидетельствуют о существовании разных подходов в отношении урегулирования абсолютной и относительной невозможности исполнения обязательства. Германская доктрина невозможности исполнения соответствует тенденциям международного права по данному вопросу. Украин-

ская, российская и белорусская доктрины основываются на идеях цивилистической науки советских времен и осторожно воспринимают новации в отношении определения невозможности исполнения обязательства.

Учитывая самостоятельное значение категории относительной невозможности исполнения обязательства, с целью обеспечения надлежащего правового урегулирования случаев относительной экономической и моральной невозможности исполнения обязательства предлагается дополнить ГК Украины нормами следующего содержания:

«Лицо вправе отказаться от исполнения обязательства в случае наступления обстоятельств, при которых для исполнения характерна чрезвычайная сложность и чрезмерная стоимость, что, принимая во внимание объект обязательства и требования принципов добросовестности, разумности и справедливости, является несоизмеримым по сравнению с интересом сторон в исполнении. В случае, когда установлено, какие меры могут быть разумно истребованы стороной, во внимание также должна приниматься ответственность другой стороны за препятствие к исполнению.

Кредитор или должник вправе отказаться от обязательства в случае конфликта их имущественных и неимущественных интересов, при наличии которых исполнение обязательства не может быть разумно истребовано».

ЛИТЕРАТУРА

1. Запорожец, А.М. К проблеме невозможности исполнения обязательств / А.М. Запорожец // Журн. рос. права. – 2003. – № 12. – С. 47–48.
2. Продаевич, И.С. Прекращение обязательства невозможностью его исполнения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.С. Продаевич; Одес. нац. юрид. акад. – Одесса, 2009. – 219 с.
3. Тарасенко, Л.В. Гражданско-правовая ответственность за нарушение денежных обязательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Л.В. Тарасенко; Ин-т гос-ва и права им. В.М. Корецкого НАН Украины. – Киев, 2006. – 20 с.
4. Милаш, В.С. Правовые особенности защитной оговорки как условия внешнеэкономического договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.С. Милаш; Нац. юрид. акад. Украины им. Я. Мудрого. – Харьков, 2003. – 19 с.
5. Emmerich, Volker. Das Recht der Leistungsstorungen 37 / Volker Emmerich. – 5th. ed., 2003.
6. Словарь по этике / под ред. И. Кона [Электронный ресурс] – 1981. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/522/word/objazanost#a4>. – Дата доступа: 14.03.2013.
7. Zimmerman, Reimhard. Breach of Contract and Remedies under the New German Law of Obligations / Reimhard Zimmerman. – Roma, 2002. – P. 16.
8. Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
9. Agarkov, M. The Debtor's Discharge from Liability When Performance is Impossible (under the Soviet Law / M. Agarkov // Journal of comparative legislation and international law. – 1947. – № 10.
10. Гражданский кодекс Украины: Кодекс Украины от 16 янв. 2003 г.: с изм. и доп. // Голос Украины. Офиц. изд. – 2003. – № 45–46. – С. 5–28.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации: Кодекс Рос. Федерации, 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: с изм. и доп. // Собр. зак-ва Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/>. – Дата доступа: 14.03.2013.
12. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: с изм. и доп. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tamby.info/kodeks/gk.htm>. – Дата доступа: 14.03.2013.
13. Постановление Одесского апелляционного хозяйственного суда от 23 авг. 2011 г. по делу № 5024/770/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/17880750>. – Дата доступа: 14.03.2013.
14. Nuno Manuel Pinto Oliveira. The German Act to Modernize the Law of Obligations as a Model for the Europeanization of Contract Law. The New Rules Regarding Impossibility of Performance from the Perspective of a Portuguese Lawyer // Electronic Journal of Comparative Law. – Vol. 11.4 (December 2007) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.ejcl.org/114/art114-2.pdf>. – Date of access: 14.03.2013.
15. German Civil Code. In the version promulgated on 2 January 2002 (Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] I page 42, 2909; 2003 I page 738), last amended by Article 1 of the statute of 27 July 2011 (Federal Law Gazette I page 1600) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p0830/. – Date of access: 14.03.2013.
16. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2010/integralversionprinciples2010-e.pdf>. – Date of access: 14.03.2013.
17. Принципы Европейского контрактного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.miripravo.ru/laws/lex/euro_pr/0.htm. – Дата доступа: 14.03.2013.

Дата поступления статьи в редакцию 14.03.2013

УДК 342.9:346.2(477)

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В УКРАИНЕ

ЧИСТОКЛЕТОВ Л.Г.,

доцент кафедры административного, конституционного и международного права Львовского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук

В статье обозначены проблемы в сфере административно-правового обеспечения безопасности деятельности субъектов хозяйствования. На основании проведенного анализа определены правонарушения, совершаемые в сфере экономики, а также финансовые убытки как результат экономических посягательств в Украине.

In the article problems in the sphere of administrative and legal security of the business entities are identified. Based on this analysis, the offenses committed in the economic sphere, as well as financial losses as a result of economic abuse in Ukraine, are determined.

Актуальность проблемы

В современной экономике в сфере административно-правового обеспечения безопасности деятельности особая роль отводится поддержке надлежащего уровня уверенности хозяйствующих субъектов в длительном функционировании экономически обусловленных правил игры рыночных отношений как условия поиска и использования инструментария экономического развития. При этом перед каждым предприятием актуализируются проблемы административно-правового обеспечения безопасности деятельности субъектов хозяйствования, и не только в кризисные периоды, но и при работе в стабильной экономической среде. В режиме устойчивого функционирования предприятие при решении задач обеспечения собственной безопасности внимание акцентирует на поддержании нормального ритма производства и сбыта продукции, предупреждении материального или финансового ущерба, недопущении несанкционированного доступа к конфиденциальной и секретной информации и разрушения компьютерных баз данных, противодействии недобросовестной конкуренции и промышленному шпионажу и т.д.

В условиях направленности украинской экономики на европейскую интеграцию и вхождение в мировое сообщество на принципах равноправного партнерства проблемы обеспечения безопасности человека, общества и государства

становятся одними из главных факторов в деятельности государственных органов. При этом особое внимание уделяется организации безопасности в сфере хозяйственной деятельности. Следует отметить, что согласно ст. 17 Конституции Украины обеспечение экономической безопасности отнесено к основным функциям государства [1].

Анализ исследований и публикаций

За последние годы различным проблемам безопасности деятельности субъектов хозяйствования посвящено значительное количество публикаций. Однако решению проблем обозначенного нами спектра как отдельного направления научного поиска в научной литературе уделено недостаточно внимания. Существующие различные точки зрения на определение как самой безопасности субъектов хозяйствования, так и смежных с ней понятий и категорий обуславливают необходимость дальнейшего поиска путей, направленных на совершенствование административно-правового обеспечения безопасности деятельности субъектов хозяйствования.

Основу написания данной статьи составили научно-теоретические идеи таких отечественных исследователей, как В.Андрийчук, О.Белорус, А.Бодрук, В.Липкан, И.Лукинов, Л.Мартюшева [2], Ю.Мацейко, Л.Корчевска [3], А.Сачаво [4].

Цель исследования

Исходя из указанного, основной целью данной статьи являются анализ основных научных подходов к пониманию сущности, содержания и особенности административно-правового обеспечения безопасности субъектов хозяйствования в Украине и выявление причин и проблем, тормозящих данную деятельность.

Основное содержание исследования

Бизнес в Украине в настоящее время отличается сложностью, постоянным состоянием борьбы и острой конкуренции фирм. Устойчивые правила не существуют ни для партнеров, ни в определенной степени для государства.

Предприятия вынуждены постоянно приспосабливаться к несовершенству законодательной базы, недостатку квалифицированных работников, изношенности производственного оборудования, дефициту оборотных средств, жесткой денежной и налоговой политике государства, неплатежеспособности партнеров и др.

Неполная загрузка мощностей, а потому и неэффективное их использование, а тем более разрушение созданного потенциала предприятия представляют угрозу экономическим, материальным основам жизнедеятельности коллектива и общества, для поддержания которых он создавался и развивался.

Ни одно предприятие не может ощущать себя в экономической безопасности, если его продукция не востребована на рынке; ни одно предприятие, производящее средства производства, не может ощущать себя в безопасности, если происходит длительный спад в технологическом развитии страны.

Более того, в глобальные кризисные периоды развития, которые и ощутила экономика Украины, наибольшую опасность для предприятия представляет разрушение его потенциала (производственного, технологического, научно-технического и кадрового) как главного фактора жизнедеятельности предприятия, его возможностей. При этом условия хозяйствования таковы, что не обеспечивается способность потенциала к воспроизводству. Ресурсы для этого предприятие может приобретать только исходя из результатов своей деятельности (точнее, амортизационных отчислений и прибыли), а также за счет заемных средств. Оба эти источника инвестиций в кризисной ситуации у предприятия, как правило, оказываются перекрыты.

Факторы активизации угроз экономической безопасности в условиях рыночной среды, освещаемые в работах современных ученых, достаточно многочисленны. А. Минаков выделяет в качестве одного из таких факторов поборы со сто-

роны государственных и муниципальных служб, чиновников, рэкета [5, с. 21]. В.И. Ярочкин выделяет следующие факторы: значительную степень монополизации рынка; контроль криминальных структур; давление со стороны государственных органов; рост криминализации бизнеса; наличие социальных проблем; несовершенство законодательства; отсутствие согласованности действий правоохранительных органов; разрушительную деятельность со стороны крупных зарубежных компаний; неотработанность средств и методов обеспечения собственной экономической безопасности [6, с. 21].

Современной практикой подтверждается и предсказание И.И. Лукинова относительно того, что широко пропагандируемые извне рыночные трансформации, призывы к частному индивидуализму с соответствующим расчленением хозяйственных и рыночных структур и планированием мелкого бизнеса делают невозможным появление на мировой арене новых мощных украинских конкурентов. При этом, по его оценкам, искусственно занижается роль государства и его основных ветвей власти [7, с. 211].

Результатом такой ситуации стали тенезация экономики, небывалые ранее масштабы разворывания общественной, корпоративной, кооперативной, частной собственности. Противоправные структуры активизировали свою деятельность в общегосударственном масштабе, а правоохранительные органы с их разбухшим аппаратом, по сути, потеряли контроль за угрожающей ситуацией. Определяя ситуацию как кризисную, О.Белорус также видит основную причину этого в крайней неэффективности существующей системы государственной власти, ее полной социальной безответственности и кланово-олигархической криминализации [8, с. 3].

В то же время в экономически развитых странах административно-правовое обеспечение безопасности деятельности субъектов хозяйствования в течение длительного времени превратилось в необходимый элемент эффективного функционирования рыночной экономики. Данный механизм включает сферу государственного, муниципального, корпоративного и кооперативного хозяйствования. При этом произошло усиление регулирующей и контролирующей роли государства и общества, что обеспечило стабильность и перспективу дальнейшего развития существующего социально-экономического строя.

На сегодняшний день негосударственный предпринимательский сектор, составляющий основу экономики страны, переживает достаточно сложный период своего развития, который характеризуется политической нестабильностью, ростом экономических рисков и угроз, активизацией деятельности рейдерских группировок и многими другими негативными факторами.

Для современных украинских предприятий одной из важнейших проблем является защита от влияния криминальных и административно-правовых структур. Существуют следующие правонарушения, посягающие на безопасность деятельности субъектов хозяйствования:

- проникновение в кредитно-финансовую структуру групп мошенников (в том числе международного масштаба), имеющих легальное коммерческое прикрытие и осуществляющих хищения с использованием фиктивных платежных документов;
- хищение конфиденциальной и секретной информации, касающейся приоритетных направлений развития маркетинговой среды предприятия;
- силовое давление на заказ конкурирующих организаций;
- создание для сотрудников предприятия ситуаций, которые впоследствии используются для шантажа;
- организация банкротства или ликвидации предприятия путем дискредитации (в том числе с использованием правоохранительных органов и средств массовой информации), инициация паники кредиторов и т.д.;
- использование неполной информации при регистрации предприятий, оперирование этим в договорных отношениях и т.д.

Предупреждение этих и подобных негативных проявлений относится к компетенции различных субъектов административно-правового обеспечения безопасности предприятия (органов государственной власти, специализированных частных и общественных структур, внутренних структур предприятия). Можно констатировать тот факт, что ключевое место в реализации комплексного подхода к обеспечению безопасности субъектов хозяйствования отводится новому правовому институту, который выполняет свои конкретные функциональные обязанности с учетом представленных ему дифференцированных прав и полномочий, — службе безопасности предприятия. Но в условиях высокого удельного веса теневых экономических процессов необходимо объединение усилий всех субъектов административно-правового обеспечения безопасности субъектов хозяйствования, особенно в рамках сотрудничества с правоохранительными структурами.

Другой актуальной проблемой административно-правового обеспечения безопасности деятельности хозяйствующих субъектов в Украине, которая вызвала неоднозначную реакцию общества, является декриминализация ответственности за правонарушение в сфере хозяйственной деятельности в соответствии с Законом Украины от 1 июня 2012 г. № 4025 «О внесении измене-

ний в некоторые законодательные акты Украины (относительно гуманизации ответственности за правонарушения в сфере хозяйственной деятельности)», который вступил в силу 17 января 2013 г. [9].

Данный Закон заменил уголовную ответственность за отдельные виды преступлений в хозяйственной и экономической сфере на административную. Согласно документу, за совершение преступлений в хозяйственной сфере вместо наказания в виде лишения свободы вводится санкция в виде штрафа. Штраф может быть заменен судом на другое наказание лишь в случае его неуплаты в срок, установленный судебным решением.

Также Закон предлагает заменить лишение свободы на штраф и в тех случаях, когда субъектом преступления является должностное лицо юридического лица частного права.

Законом устанавливается, что заключение под стражу не может быть применено к ранее несудимым лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, за исключением случаев, когда они скрываются от органов следствия или препятствуют расследованию дела.

Законом предусмотрено, что в делах о хозяйственных правонарушениях предлагается использовать предупредительную меру в виде залога. Сумма залога может составлять от 5 до 17 тыс. гривен, по тяжкому правонарушению — от 17 до 76,5 тыс. гривен, по особо тяжким правонарушениям в хозяйственной сфере — от 76,5 до 289 тыс. гривен.

Кроме того, согласно Закону, 17 составов преступлений декриминализируются — это влечет закрытие всех уголовных дел, которые расследуются правоохранительными органами или рассматриваются судами, а также освобождение от всех видов наказаний лиц, осужденных за их совершение.

Осужденные за совершение преступлений в сфере хозяйственной деятельности лица, в отношении которых основное наказание в виде лишения свободы было заменено на штраф, с момента вступления в силу закона будут освобождены из мест лишения свободы с последующей уплатой соответствующего штрафа. Кроме того, мера пресечения в виде заключения под стражу по таким уголовным делам подлежит пересмотру, а в случае его изменения на залог — освобождению из мест предварительного заключения соответствующего лица после внесения залога.

В связи со значительными изменениями структуры и содержания экономических преступлений в Украине грядет очередная реформа

правоохранительных органов. Так, уже в этом году может быть создана финансовая полиция по примеру ряда европейских стран, где данная структура подчинена министерству финансов. Правительство разработало законопроект, которым предусматривается сокращение полномочий Службы безопасности, Министерства внутренних дел и Генпрокуратуры по расследованию преступлений в экономической сфере.

В связи с этим нам импонирует опыт Республики Беларусь, где предупреждение и выявление преступлений в сфере деятельности хозяйствующих субъектов отнесено к компетенции Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, который напрямую подчинен Президенту.

По нашему мнению, прежде чем создавать единый орган в сфере финансовых правонарушений, необходимо понять целесообразность и эффективность структуры, а также возможные последствия ее деятельности. В связи с этим, как рекомендация по совершенствованию организационной составляющей административного правового обеспечения безопасности деятельности субъектов хозяйствования в Украине, хотелось бы обратить внимание на определенные коллегией Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля основные усилия на 2013 год, а именно: дальнейшую борьбу с лжепредпринимательством; выявление и пресечение незаконного оттока финансовых средств за границу, в том числе с использованием теневых схем и при участии лжеструктур; предотвращение нанесения ущерба государству в сфере потребительского рынка; мониторинг финансового и банковского секторов, выявление механизмов движения теневого капитала и ряд др. [10].

Таким образом, в современных условиях финансово-хозяйственная деятельность хозяйствующих субъектов сопряжена с многими сложностями. И это связано не только с макроэкономическими деформациями в экономике, но и с рядом специфических факторов, усиливающих активизацию угроз безопасности предприятия. Среди таких наибольшее значение имеют факторы криминального характера:

1) контроль криминальных структур над рядом секторов экономики и субъектами хозяйственной деятельности;

2) сохранение значительного давления на субъекты хозяйственной деятельности со стороны коррумпированных работников государственных органов (например, в сферах лицензирования, налогообложения);

3) рост криминализации национального бизнеса вообще и частое использование крими-

нальными структурами сделок в целях отмывания «грязных» денег, вывоза их за границу и др.;

4) наличие ряда социальных проблем (низкий уровень доходов населения, безработица, текучка кадров, правовой нигилизм и т.д.), которые увеличивают вероятность криминализации поведения граждан;

5) несовершенство законодательства, регулирующего отношения в сфере предпринимательской деятельности;

6) отсутствие единства и согласованности действий различных правоохранительных органов, в том числе со службами безопасности субъектов хозяйствования;

7) неготовность отечественного бизнеса правовыми методами обеспечивать защиту собственной безопасности, отсутствие опытных специалистов и, как следствие этого, постоянное стремление к использованию неправовых методов решения хозяйственных конфликтов.

Выводы

Движение Украины к рыночной экономике, возникновение в процессе производства, распределения, обмена качественно новых субъектов, постоянное расширение и укрепление частноправовой сферы и, как следствие, возрастание роли товарно-денежных отношений, к сожалению, сопровождаются ростом теневых экономических процессов, в частности, экономической преступности.

Анализ ситуации, сложившейся в сфере административно-правового обеспечения безопасности деятельности субъектов хозяйствования, свидетельствует о том, что противоправные факторы стали в значительной мере определять сегодняшнее состояние и перспективы развития экономики. Наблюдаются серьезные изменения в структуре и динамике экономической противоправности, которые стали более организованными и профессионально направленными. Они тормозят развитие, отвлекают инвестиционный капитал, лишают государственный бюджет значительной части доходов, обостряют существующие экономические проблемы и, таким образом, становятся фактором мощного противодействия происходящим в государстве преобразованиям. Экономическая противоправность вышла на уровень, угрожающий национальной безопасности Украины и экономической безопасности ее субъектов. Поэтому борьба с ней сегодня рассматривается в качестве одного из важнейших направлений деятельности всех государственных правоохранительных и контролирующих органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституція України / Ін-т законодавства Верхов. Ради України. – Київ, 1996. – 116 с.
2. Мартюшева, Л.С. Принципи організації фінансової безпеки підприємства / Л.С. Мартюшева // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/vcpi/TPtEV/2011_8/stati/8_2011_3.pdf. – Дата доступу: 24.11.2012.
3. Корчевська, Л.О. Система принципів забезпечення економічної безпеки підприємства / Л.О. Корчевська // Вісн. економіки транспорту і промисловості. – 2012. – № 38. – С. 44–49.
4. Сачаво, А.Г. Адміністративно-правові основи діяльності приватних охоронних структур та їх взаємодія з ОВС України / А.Г. Сачаво; Київ. нац. ун-т внутр. справ, Навч.-наук. ін-т підготовки слідчих і криміналістів. – Київ: Науковий світ, 2006. – 114 с.
5. Минаков, А. Уровень собираемости налогов как критерий экономической безопасности государства / А. Минаков // Налоги. – 2003. – № 2. – С. 15–21.
6. Ярочкин, В.И. Система безопасности фирмы / В.И. Ярочкин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2003. – 352 с.
7. Лукинов, І.І. Перетворення директивної економіки в ринкову / І.І. Лукинов // Україна: утвердження незалежної держави / під ред. В.М. Литвина. – Київ: Альтернативи, 2001. – 368 с.
8. Білорус, О.Г. Ми могли б бути серед лідерів стабільного розвитку / О.Г. Білорус, М. Мацейко // Голос України. – 2002. – № 44. – С. 3.
9. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо гуманізації відповідальності за правопорушення у сфері господарської діяльності: Закон України від 01.06.2012 № 4025 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4025-17>. – Дата доступу: 24.11.2012.
10. Коллегия Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля подвела итоги оперативно-служебной деятельности органов финансовых расследований за 2012 год / Ком. гос. контроля Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kgk.gov.byru/kommentarii/kollegija-departamenta-finansovykh-rassledovaniy-komiteta-gosudarstvennogo-kontrolja-podvela-itogi-operativno-sluzheboj-deyatelnosti-organov-finansovykh-rassledovaniy-za-2012-god_i_8750.html. – Дата доступа: 24.11.2012.

Дата поступления статьи в редакцию 24.11.2012

Уважаемые читатели!

Принимая во внимание, что научно-практический журнал «Право.by» активно распространяется в публичные библиотеки, на базе которых функционируют ПЦПИ, редакция приняла решение о размещении в рубрике «Вопросы ПЦПИ» цикла методических материалов и разработок по формированию правовой культуры подростков в информационном пространстве библиотеки.

Надеемся, что данные материалы найдут применение в практике публичных библиотек, в том числе детских, ориентированных на правовое воспитание подрастающего поколения. Приглашаем библиотекарей к диалогу по данной проблеме, обмену опытом и мнениями, творческими разработками, которые будут опубликованы на страницах научно-практического журнала «Право.by».

ПРОЕКТ «АКАДЕМИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ» КАК МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДРОСТКОВ

ЧУПРАКОВА И.А.

начальник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации
Национального центра правовой информации Республики Беларусь

В статье акцентируется внимание на актуальности проблемы формирования правовой культуры подростков как интегративного социально значимого качества личности. Показана роль библиотеки в создании условий для реализации этой цели, предложено методическое обеспечение соответствующего педагогического процесса, осуществляемого в информационном пространстве публичной библиотеки.

Сегодня перед белорусским обществом стоит задача по формированию социально развитой личности, активного гражданина в условиях образовательной парадигмы, ориентированной на становление человека как субъекта жизнедеятельности в новых информационных условиях. Формирование активного субъекта правового государства является одним из направлений и целью гражданского воспитания подрастающего поколения, что нашло отражение в положениях Кодекса Республики Беларусь об образовании, Концепции и Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь.

Обозначенные приоритеты требуют активизации институтов социализации личности, пересмотра их стратегий в направлении развития индивидуальной системы ценностей, адекватных современной реальности и обеспечивающих социально приемлемое поведение. Повышение роли общества в создании условий для развития

человека с высоким уровнем самосознания, ориентированного на свободу суждений и действий при одновременном осознании общественной необходимости соответствовать нормам морали и права, актуализирует проблему формирования правовой культуры подрастающего поколения и определяет ее как особенно актуальную на современном этапе.

Социальный заказ общества на формирование базовых ценностей личности, в том числе нравственно-правовых, определяет ориентиры деятельности библиотеки как социального института, миссия которой ориентирована как на удовлетворение информационных потребностей пользователей, так и стимулирование развития культурного, образовательного и гражданского потенциала личности. В этом прослеживается стремление библиотеки соответствовать ожиданиям и объективным потребностям общества, одним из которых становится гуманизация как основа человеческих отношений и общественной деятельности.

Более 10 лет назад в республике на базе публичных библиотек началось создание публичных центров правовой информации (далее – ПЦПИ), деятельность которых направлена на формирование правовой культуры граждан, в том числе юных. Сегодня количество таких центров превысило полтысячи, в их числе более 30 ПЦПИ созданы при детских библиотеках. Кроме того, одной из современных тенденций библиотечной практики становится целенаправленный выбор предметного направления библиотечного обслуживания детей, подростков, молодежи – экологическое, гражданское, патриотическое воспитание, краеведческая работа. Принимая во внимание значимость правового воспитания подрастающего поколения, актуальным для публичных библиотек становится создание условий и для формирования правовой культуры подростков. Данные условия базируются на информационной природе библиотеки, а также на раскрытии и реализации ее потенциальных возможностей в правовом воспитании личности.

Несмотря на социальную востребованность и позитивную направленность упомянутых организационно-управленческих решений, на современном этапе развития библиотечной науки и практики не раскрыт воспитательный потенциал публичной библиотеки в направлении правового воспитания подрастающего поколения. Анализ соответствующих публикаций и рефлексия библиотечной практики констатируют недостаточное проявление научного интереса к теоретическим аспектам, слабую разработанность методик организаций педагогической деятельности в данном направлении, отсутствие должной подготовки библиотекарей для ее эффективного осуществления. Осознанная потребность в активизации библиотечно-информационной среды с целью формирования правовой культуры читателей требует разработки, обоснования и апробации теоретико-методических основ педагогической деятельности библиотеки с учетом междисциплинарных исследований по проблеме.

Ознакомление с работой публичных библиотек Беларуси выявило ряд противоречий, решение которых видится через концептуальное переосмысление процесса формирования правовой культуры подростков библиотечно-библиографическими средствами. В числе таких противоречий – актуальность, но вместе с тем неразработанность методического обеспечения названного педагогического процесса, осуществляемого в информационной среде библиотеки.

В этой связи вниманию библиотекарей предлагается авторский проект «Академия правовой

культуры», который успешно прошел экспериментальную апробацию на базе центральной городской библиотеки имени Янки Купалы и детской библиотеки № 1 г. Минска в 2012 году и продолжается по настоящее время. Он разработан на основании теоретических положений психолого-педагогической науки в области правового воспитания, основ информационно-библиотечного обслуживания детей и юношества и выступает в качестве методического обеспечения педагогической деятельности библиотеки по формированию правовой культуры как интегративного качества личности. Проект состоит из программы, методических разработок занятий и диагностического инструментария, который включает критерии, показатели и уровни сформированности правовой культуры подростков, а также анкету как основной инструмент для выявления названных уровней.

Немаловажным для библиотечной науки и практики в целом является направленность проекта «Академия правовой культуры» на раскрытие уникального воспитательного потенциала библиотеки с учетом ее информационной природы в данном предметном направлении: специфических возможностей по созданию условий для формирования правовой культуры читателей подросткового возраста как условия и показателя их социальной компетентности, гармонизации отношений в социуме. Раскрытие такого потенциала в комплексе составляющих информационного пространства публичной библиотеки – ресурсного, личностного, материально-технического – позволит не только обогатить библиотечную педагогику как раздел библиотековедения, но и повысить ее роль как института социализации и инкультурации личности в развитии человеческого капитала, создании условий для социально-экономического и духовно-культурного развития Республики Беларусь.

Целенаправленный и системный характер библиопедагогической деятельности, осуществляемой в рамках проекта, позволяет выделить следующие его функции:

диагностическую – выявление не только уровня сформированности правовой культуры читателей-подростков, но и определенных проблем психолого-педагогического характера в развитии подростка, связанных с отсутствием нормативных установок и свидетельствующих о склонности к девиантному поведению. Данный проект также позволяет диагностировать готовность библиотеки и библиотекарей к реализации деятельности по формированию правовой культуры ее пользователей через оценку имеющегося информационного, личностного и мате-

риально-технического потенциала как составляющих библиотечного пространства;

развивающую – способствует развитию не только правокультурной личности в комплексе ее составляющих, но и отражает целенаправленность взаимодействия библиотекарей и подростков на читательское развитие личности, формирование информационной грамотности, всестороннее развитие личности в целом;

коммуникативную – содействие формированию и развитию коммуникативной компетентности подростков, которая является условием успешной социализации, залогом успешной учебной, профессиональной, досуговой и творческой деятельности. С другой стороны, специально созданное в рамках проекта библиотечное пространство стимулирует развитие педагогически целесообразной коммуникации как ключевой формы взаимодействия всех субъектов проекта в условиях библиотеки, включая педагогов и родителей, иных участников социального партнерства библиотеки в данном предметном направлении;

коррекционную – возможность, а в определенных случаях осознанная необходимость целенаправленного влияния на личность пользователя с целью устранения определенных отклонений от норм морали либо усиления его положительных качеств, воздействие на иные личностные характеристики. Данная функция также проявляется в постоянной рефлексии хода проекта, включая оценку его результатов, с внесением соответствующих организационно-методических и содержательных коррективов в процесс формирования правовой культуры подростков;

библиотерапевтическую – положительное эмоциональное социализирующее и адаптирующее воздействие специально подобранной литературы, чтения, библиотечного общения на подростков с нигилистическим отношением к социальным нормам, деформацией нравственно-правового сознания; формирование эмоциональных и психических основ личности читателя в целом;

досуговую – организация в рамках проекта полезного конструктивного досуга подростков, имеющего целостно-смысловой контент и назначение в выбранном предметном направлении, с помощью целого спектра библиотечно-библиографических форм и методов работы;

профориентационную – содействие выявлению, стимулированию и развитию индивидуальных склонностей и способностей подростков – участников проекта в выборе профессии юриста, а также повышению интереса и уважения к данной профессии, пониманию ее статуса и рейтинга в обществе.

Пояснительная записка

Проект «Академия правовой культуры» адресован учащимся 5–6 классов, что соответствует переходной от детской к подростковой читательской группе (10–11 лет). В основу разработки его методического обеспечения заложены, с одной стороны, научные подходы к процессу формирования правовой культуры подростков с учетом их психолого-педагогических особенностей и социального опыта. С другой стороны, проект базируется на возможностях публичной библиотеки с учетом ее информационной природы в формировании правосознания и обеспечения на этой основе сознательного правомерного поведения и социально-правовой активности личности читателя.

Формирование правовой культуры подростков является нелинейным процессом, характеризующимся закономерной динамикой всех ее компонентов – когнитивного (знания, представления, образы права), ценностно-мотивационного (отношение к праву как регулятору социальных отношений, понимание необходимости соблюдать общепринятые нормы) и деятельностного (правомерное поведение и социально-правовая активность). Он осуществляется с учетом возрастных особенностей психофизического развития, определяющих готовность и способность личности включиться в социальный процесс, приобрести общечеловеческие и социальные качества, то есть в сензитивный период онтогенеза, которым является младший подростковый возраст.

Содержательное наполнение программы ориентировано на закрепление и углубление понимания подростками сущности основных смысловых компонентов правой социализации личности (право, правовая культура, права и свободы, ответственность и обязанности, гражданин, правопослушное поведение, правовая информация, правовые акты), а также на осознание роли библиотеки в предоставлении свободного доступа гражданам к правовой информации.

Важно понимать, что наличие знаний и представлений о правах и обязанностях не гарантирует перевод их в личностные ценности, убеждения и установки. Формирование соответствующей системы ценностных ориентаций, потребностей и интересов, а также уважения к праву, законности будет действенным при создании библиотекой и реализации в ее информационной среде комплекса специальных социальных воздействий на личность подростка. В данном случае соответствующее информационно-ресурсное обеспечение проекта, предметное общение библиотекаря и читателей, система библиотечных мероприятий и специально подобранных форм работы в рамках проекта

призваны воздействовать на правовое сознание, чувства и правомерное поведение подростков.

По сути, информационная среда библиотеки является праворазвивающей, потому что выступает в определенной степени как модель общества. Здесь читатель-подросток является свободным полноправным субъектом с соответствующим социальным статусом, который не только обладает правами и обязанностями, но и непосредственно реализует их при каждом посещении библиотеки. Праворазвивающая среда базируется на содержании и форме правовых отношений личности и библиотеки, находя отражение в правилах пользования библиотекой. Поэтому процесс нахождения в библиотеке, взаимодействие с библиотекарями, пользование информационными ресурсами основаны на регламентированных правилах, обязательных для всех и каждого.

Правовая культура читателя-подростка подразумевает сформированность информационных качеств личности, которые обеспечивают самостоятельную продуктивную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей в сфере права. К таким качествам можно отнести понимание сущности и назначения правовой информации в жизни общества, знание источников правовой информации и информационно-правовых ресурсов, осознанные мотивы обращения к правовой информации и знаниям, умения и навыки работы с информационно-правовыми ресурсами.

В этой связи неоспоримое преимущество публичной библиотеки как субъекта формирования правовой культуры подростков заключается в наличии опыта работы по формированию информационной культуры читателей, а также в функционировании на ее базе ПЦПИ, что дает дополнительные возможности в информационно-ресурсном обеспечении проекта.

Цели и задачи проекта

Целью проекта «Академия правовой культуры» является содействие успешному решению задач публичной библиотеки, связанных с формированием правовых знаний, нравственно-правовых ценностей, установок и убеждений, а также правомерного поведения и социально-правовой активности читателей-подростков.

Задачи проекта:

реализация социально-педагогического потенциала публичной библиотеки в формировании правовой культуры как интегративного качества личности подростка;

создание в библиотеке активной праворазвивающей среды, направленной на формирование когнитивного, ценностно-мотивационного и дея-

тельного компонентов правовой культуры читателей;

использование продуктивных форм, методов и приемов правового просвещения и формирования нравственно-правовой культуры подростков;

стимулирование правового саморазвития личности подростка как фактора социальной адаптации, формирование положительного имиджа правокультурного человека в социуме;

содействие становлению личности подростка, развитию его социальной компетентности путем приобретения необходимых правовых знаний, ценностных ориентаций и социального опыта;

формирование информационно-правовой грамотности подростков, ознакомление с информационно-правовыми ресурсами государственной системы правовой информации Республики Беларусь;

формирование представлений о библиотеке как центре правовой информации, ее деятельности по предоставлению гражданам свободного доступа к правовой информации;

стимулирование и развитие социального партнерства библиотеки в направлении правового воспитания несовершеннолетних.

Примерное тематическое планирование

Содержание программы работы Академии правовой культуры структурировано в логике усвоения подростком современных правовых понятий, знаний, формирования ценностей и механизмов правомерного поведения в наиболее значимых сферах жизнедеятельности: личной, семейной, имущественной, трудовой, гражданской-политической и др.

С учетом возрастных особенностей младших подростков осуществляется формирование основ информационной культуры личности в сфере права – совокупности знаний, умений и навыков, обеспечивающих оптимальное осуществление информационной деятельности. Важное место в структуре занятий отводится формированию положительного имиджа библиотеки как центра доступной правовой информации для всех категорий населения, включая подростков.

Основные тематические блоки программы:

1. Поступаем в Академию правовой культуры. (Диагностика сформированности правовой культуры читателей-подростков.).

2. Моя правовая культура. Образ правокультурного человека в обществе.

3. Правовая информация. Библиотека – центр правовой информации. Доступ к правовой информации.

4. Права и свободы, ответственность и обязанности. (Основные правовые акты о статусе, правах и обязанностях ребенка: Всеобщая дек-

ларация прав человека, Конвенция о правах ребенка, Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О правах ребенка».).

5. Мы – граждане Республики Беларусь.

6. Я и правопорядок.

7. Я и семья.

8. Я, мой труд и мои деньги.

9. Мы – выпускники Академии правовой культуры. (Итоговая диагностика сформированности правовой культуры подростков.).

Рекомендации по организации проекта

На время реализации проекта (либо для долгосрочных целей, если библиотека ориентирована на постоянную работу по формированию правовой культуры юных читателей) целесообразно оформить как внешнее, так и внутреннее пространство библиотеки на тему правового воспитания. Для этого можно использовать яркие цветные вывески, рекламу, приглашение посетить Академию правовой культуры. При оформлении внутреннего пространства библиотеки стоит акцентировать внимание пользователей на наличие в структуре библиотеки ПЦПИ, его информационных продуктах и услугах. Также можно оформить вывеску-приглашение, на стенах разместить указатели движения к основной зоне библиотеки, где будут проходить мероприятия.

В зале, где будут организованы занятия, либо в одном из самых посещаемых мест библиотеки можно организовать постоянный стенд, посвящен-

ный работе Академии правовой культуры. На нем будут размещаться рекомендательные списки литературы, короткие отзывы ребят на прочитанные ими литературные произведения, фотографии, творческие работы читателей на тему правового воспитания (рисунки, коллажи и др.), автографы слушателей Академии правовой культуры, записи их родителей, воспитателей, педагогов, других читателей, библиотекарей.

На сайте библиотеки можно создать раздел, посвященный данному проекту. Фотографии, которые были сделаны на мероприятиях и размещены в этом разделе, вызывали положительную эмоциональную реакцию ребят и стимулировали их к дальнейшей активной деятельности на протяжении проекта.

Еще одной продуктивной формой совместной творческой деятельности библиотекарей и читателей может стать создание и ведение альбома, презентации в PowerPoint, дневника, календаря, где можно делать записи о занятиях, впечатлениях, о том, что нового узнали читатели, размещать в них фотографии, рисунки, коллажи и т.д.

В последующих номерах научно-практического журнала «Право.by» будут опубликованы рекомендации по проведению диагностики сформированности уровня правовой культуры читателей-подростков, которые можно использовать в работе библиотеки.

С автором можно связаться по электронной почте: chuprakova@ncpi.gov.by.

Дата поступления статьи в редакцию 28.03.2013

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ под редакцией В.М.Трубникова, Я.А.Лантинова «Уголовное право Украины. Общая часть»

ГРУНТОВ И.О.,

заведующий кафедрой уголовного права Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

МОРОЗ Д.Г.,

старший преподаватель кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

ШИДЛОВСКИЙ А.В.,

заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

Рецензируемое издание «Уголовное право Украины. Общая часть: учебное пособие для обучающихся на русском языке / под ред. В.М. Трубникова, Я.А. Лантинова. – Харьков: Харьков юридический, 2012. – 344 с.» написано на высоком научном уровне, изложение представлено доступным, юридически грамотным языком, отличается новизной, обладает теоретико-прикладной значимостью.

The edition under review «Criminal Law of Ukraine. Overview: a study guide for students in Russian / ed. V.M. Trubnikov, J.A. Lantinova. – Kharkov: Kharkov juridical, 2012. – 344 p.» written on a high scientific level, paraphrased in accenille legally literate language, still new, has a theoretical and applied significance.

Подготовка юридических кадров предполагает освоение ими широкого диапазона отраслей права, где важнейшее значение принадлежит уголовному праву. Данная отрасль права находится в перманентном развитии, что обусловлено динамичностью социально-экономического развития общества и соответственно порождает необходимость своевременного доктринального осмысления как хорошо известных, так и новых уголовно-правовых норм и институтов.

В настоящий момент под воздействием процессов глобализации различных сфер жизнедеятельности мир стал более открытым, универсальным, что наряду с позитивными явлениями одновременно образует и целый ряд негативных криминальных последствий и тенденций. Как справедливо отмечает известный российский ученый Я.И.Гилинский, глобализация – это объективный процесс, развивающийся независимо от наших желаний и даже вопреки им. Глобализация девиантных проявлений (соответственно и преступных) является следствием глобализации экономических, социальных, демографических, культуральных процессов [1,

с. 6–8]. В этой связи следует отметить, что интернационализация преступности порождает интернационализацию уголовного права, модернизацию научного потенциала и объединение усилий специалистов в области уголовного права различных государств.

Это нашло свое проявление при подготовке вышедшего в 2012 году в украинском издательстве «Харьков юридический» учебного пособия «Уголовное право Украины. Общая часть: учебное пособие для обучающихся на русском языке», основывающегося на современных подходах к классическим институтам и положениям Общей части уголовного права.

Рецензируемое учебное пособие является результатом совместной творческой работы известного украинского ученого в сфере уголовного права, заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Харьковского национального университета имени В.Н.Карзина, доктора юридических наук, профессора В.М.Трубникова и сотрудников этой кафедры – кандидатов юридических наук, доцентов Я.А.Лантинова, М.В.Данышина, Ю.В.Орел,

Т.А.Павленко, Д.С.Слинько, А.Н.Храмцова, Ю.А.Чеботаревой, Ю.В.Шинкарева, А.О.Ярового. Харьковская школа уголовного права издавна пользуется известностью и авторитетом в научном мире. Поэтому любая работа, подготовленная коллективом харьковских ученых, всегда вызывает неподдельный интерес среди специалистов в сфере уголовного права.

Рецензируемое учебное пособие представляет большой интерес не только для украинских студентов и слушателей, изучающих Общую часть уголовного права Украины на русском языке, но и для специалистов в области уголовного права других государств – участников СНГ, в том числе и Республики Беларусь. Уголовное право Украины, Беларуси, России, а также других государств – участников СНГ долгое время в силу естественных исторических причин существовало в рамках единых доктринальных, законодательных и правоприменительных подходов. Вместе с тем в последние десятилетия уголовное право Украины развивалось в новых исторических и социально-экономических реалиях, что создало предпосылки для творческого переосмысления важнейших институтов и понятий Общей части украинского уголовного права. Отличительной чертой данного учебного пособия является то, что в нем удачно сочетаются классические теоретические положения Общей части уголовного права, апробированные опытом многих поколений юристов, с последними достижениями научной уголовно-правовой мысли Украины.

Учебное пособие разработано на основе утвержденной Министерством образования и науки, молодежи и спорта Украины Типовой программы (стандарта) курса уголовного права и разработанной кафедрой уголовно-правовых дисциплин рабочей программы.

В структурном отношении учебное пособие «Уголовное право Украины. Общая часть: учебное пособие для обучающихся на русском языке» состоит из вступительной статьи профессора В.М.Трубникова и 21 темы. В нем раскрываются такие вопросы, как: уголовное право (тема 1); закон об уголовной ответственности (тема 2); действие закона об уголовной ответственности во времени и в пространстве (тема 3); уголовная ответственность и ее основания (тема 4); понятие преступления и его виды (тема 5); состав преступлений (тема 6); объект и предмет преступления (тема 7); объективная сторона преступления (тема 8); субъект преступления (тема 9); субъективная сторона преступления (тема 10); стадии совершения умышленного преступления (тема 11); соучастие в преступлении (тема 12); повторность, совокупность и рецидив преступлений (тема 13); обстоятельства, исключающие преступность деяния (тема 14); освобождение от уголовной ответственности (тема 15); наказание и его виды

(тема 16); назначение наказания (тема 17); освобождение от наказания (тема 18); понятие судимости, ее значение и место в механизме уголовной ответственности (тема 19); принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение (тема 20); особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (тема 21).

Рецензируемое пособие по Общей части уголовного права Украины обладает определенной спецификой по своей структуре, содержанию и форме изложения учебного материала. Авторский коллектив стремится облегчить усвоение студентами и слушателями изучаемого материала, с тем чтобы обеспечить наиболее доступное восприятие и понимание важнейших положений Общей части уголовного права Украины. Рассмотрение всех тем в рецензируемом учебном пособии сопровождается планом учебной темы, перечнем контрольных вопросов, а также списком рекомендуемой к изучению дополнительной литературы.

По своему содержанию каждая тема учебного пособия написана с применением новых достижений науки уголовного права и наиболее типичных примеров судебной практики. Используются при изложении учебных вопросов и правовоположения, нашедшие свое закрепление в постановлениях Пленума Верховного Суда Украины. Необходимо отметить и двойственную сущность рецензируемого учебного издания: с одной стороны, авторским коллективом рассмотрены основополагающие азы теории Общей части уголовного права Украины, с другой стороны, изложению учебного материала придается проблемный характер, что, несомненно, способствует активизации интеллектуальной деятельности будущих правоведов и их ориентации на самостоятельное решение сложных теоретических и практических вопросов Общей части уголовного права.

Наиболее существенная особенность рецензируемого учебного пособия заключается в том, что в нем в краткой форме изложены новые взгляды руководителя авторского коллектива, профессора В.М.Трубникова наряду с актуальными проблемами Общей части уголовного права, которые неоднократно дискутировались на страницах уголовно-правовой научной литературы. Предлагаемые украинскими правоведомии теории основываются на положениях естественного права, принципах гражданского общества, и, таким образом, подчеркивается, что наука уголовного права может внести свой вклад в создание гражданского общества и правового государства в Украине.

Коллектив авторов, подготовивших рецензируемое учебное пособие, взял на себя смелость изменить такие традиционные понятия Общей части уголовного права, как «общественная опас-

ность деяния», «общественно опасные последствия», на иное понятие – «опасное для интересов людей». Соответственно этому авторами учебного пособия предлагается от традиционной для государств – участников СНГ модели преступления, основанной на признаке общественной опасности деяния, перейти к иной модели, основанной на признаке вредности деяния для интересов людей (личности человека и гражданина). Данное теоретическое положение является логическим продолжением концепции профессора В.М.Трубникова о новом универсальном понятии объекта преступления.

По мнению профессора В.М.Трубникова, сложившееся в советский период развития уголовного права понимание объекта преступления как наиболее важных общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не соответствует современной социально-политической действительности и современному уровню развития уголовного права. В качестве объекта преступления украинскими коллегами предлагается понимать охраняемые уголовным законодательством права, свободы, законные интересы и обязанности человека и гражданина, которому в результате преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред. Такое понимание объекта преступления находит свою поддержку и среди некоторых российских специалистов в области уголовного права [2].

Имеются основания полагать, что теорию общественных отношений в качестве объекта пре-

ступления действительно не во всех случаях можно признать универсальной, поскольку существует определенное расхождение между декларируемым пониманием общественных отношений в качестве объекта преступления и его характеристикой применительно к конкретным составам преступления. Помимо того, следует отметить высокую степень гуманизма, которой характеризуется концепция объекта преступления. Однако, по нашему мнению, данный подход характеризуется определенной категоричностью и, так же как и концепция общественных отношений, не может рассматриваться в качестве универсальной для всех преступлений, ответственность за совершение которых установлена нормами Особенной части уголовного права.

Несмотря на дискуссионный характер отдельных теоретических положений Общей части уголовного права, оригинальный стиль изложения, неординарный подход к решению важнейших вопросов уголовного права позволяют рекомендовать учебное пособие «Уголовное право Украины. Общая часть: учебное пособие для обучающихся на русском языке» для изучения Общей части уголовного права студентами не только украинских высших учебных заведений юридического профиля, но и Республики Беларусь, а также других государств – участников СНГ. Данное учебное пособие будет полезным и для аспирантов (адъюнктов), профессорско-преподавательского состава, научных работников, занимающихся проблемами уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобализация и девиантология / Я. Гишинский [и др.]; науч. ред. Я. Гишинский. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – 393 с.
2. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 198 с.

Дата поступления статьи в редакцию 21.03.2013

ТРЕБОВАНИЯ

к материалам, представляемым для опубликования
в научно-практическом журнале «Право.by»

Общие требования к статьям

При представлении статьи в редакцию автор заключает с НЦПИ договор исключительной (неисключительной) лицензии.

К рассмотрению принимаются статьи на бумажном носителе, набранные на компьютере в программе MS Word, в одном экземпляре, переданные вместе с файлами (файлы могут быть направлены по электронной почте: journal@ncpi.gov.by с уведомлением о доставке).

Объем статей научного и научно-практического характера – от 14 000 до 25 000 печатных знаков (включая список цитированных источников), для статей иного характера – до 14 000 печатных знаков (включая список цитированных источников).

Языки публикуемых статей – русский, белорусский. Принимаются статьи на английском языке (публикуются в переводе на русский язык).

Правила оформления:

все поля – 20 мм. Шрифт Times New Roman 15 пт, одинарный междустрочный интервал;

на первой странице сверху по центру пишется заглавие (на русском и английском языках) полужирным шрифтом прописными (большими) буквами; затем пропускается строка и от середины страницы с прижимом по левому краю (также на русском и английском языках) пишутся инициалы и фамилии авторов с указанием должности, организации, ученого звания и ученой степени; каждый автор – с новой строки;

далее – пропуск строки и аннотация – на русском и английском языках (кегель 12, курсив);

затем – пропуск строки и основной текст.

Рисунки вставляются в текст в формате JPG, BMP после первой ссылки на них в тексте. Каждый рисунок должен иметь название, которое помещается под рисунком. Если в тексте более одного рисунка, то они нумеруются арабскими цифрами (например, Рис. 2). Номер помещается перед названием.

Использование автоматических концевых и обычных сносок не допускается.

В конце статьи следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале.

В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи рабочей группы с автором.

Файл статьи представляется в формате RTF, Word. Рукописи не возвращаются.

Вместе со статьей представляется портретное фото автора в электронном виде в формате JPG.

Требования к научным статьям

Научные статьи подлежат независимой экспертизе (рецензированию). Рецензенты – доктора или кандидаты наук.

Научная статья должна содержать следующие обязательные элементы:

индекс УДК;

название статьи, отражающее основную ее идею;

фамилию и инициалы автора (соавторов) статьи;

аннотацию (до 10 строк), излагающую краткое содержание статьи, пригодную для опубликования отдельно от статьи;

введение, содержащее краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме, круг ранее не решенных вопросов, основную цель работы;

основную часть, подробно освещающую рассматриваемые вопросы;

заключение с четко сформулированными выводами;

список цитированных источников, оформленный в соответствии с действующими требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь;

подписи всех авторов статьи (на бумажном носителе).

Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например, [1], [2]).

Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.

В случае, если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом ответственному секретарю редакционной коллегии при представлении материала.

Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в информационно-правовых ресурсах, формируемых Национальным центром правовой информации Республики Беларусь. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала.

Представленные автором для опубликования материалы должны соответствовать:

нормам современного русского (белорусского) языка;

специализированной, в том числе юридической, терминологии;

принципам изложения текста с использованием делового и научно-делового стиля;

оформительским требованиям, определяемым редакцией.

В случае выявления редакционной коллегией журнала (главным редактором, заместителем главного редактора, членами рабочей группы) несоответствия материалов указанным требованиям автору может быть предложено доработать (переработать) материал с учетом замечаний и предложений.

Доработанный (переработанный) автором материал может быть представлен повторно. Вопрос об опубликовании доработанного (переработанного) материала решается по предложению членов рабочей группы в индивидуальном порядке главным редактором (заместителем главного редактора).

Адрес редакции: ул. Берсона, 1а, 220701, г. Минск

Контактный телефон: 8 (017) 279-99-48;

факс: 8 (017) 279-99-09

Для зарубежных авторов:

контактный телефон: (+375 17) 279-99-48;

факс: (+375 17) 279-99-09